

УДК 32:93:316
ISSN 2500-2988

4.2018

ЛОКУС | ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

Издается с 2010 г.

ИЗДАТЕЛЬ:
Московский
педагогический
государственный
университет

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК)

ПИ № ФС 77–67762
от 17.11.2016 г.

Электронная версия журнала:
www.mpgu.su

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Подписной индекс журнала
по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85007

ISSN 2500-2988

LOCUS | PEOPLE
SOCIETY
CULTURE
MEANINGS

4.2018

THE FOUNDER:
Moscow Pedagogical
State University

The journal has been published
since 2010

Mass media
registration
certificate
ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

The journal is published 4 times a year

Editorial office:
Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru
Information on journal can be
accessed via: www.mpgu.su

Редакционная коллегия

Алексей Брониславович Ананченко – кандидат исторических наук; заведующий кафедрой новейшей отечественной истории, директор Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*главный редактор*).

Александр Анатольевич Орлов – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*заместитель главного редактора*).

Денис Николаевич Сергованцев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*ответственный секретарь*).

Ирина Александровна Батанина – доктор политических наук, профессор; директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета.

Игорь Валентинович Бочарников – доктор политических наук; руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности.

Елена Викторовна Бродовская – доктор политических наук, профессор; заведующая кафедрой политических исследований России и постсоветского пространства Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Анна Юрьевна Домбровская – доктор социологических наук; доцент кафедры социально-политических исследований и технологий Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Иван Георгиевич Жириков – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета.

Татьяна Васильевна Карадже – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой политологии и социологии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета.

Андрей Викторович Манойло – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Фёдор Александрович Михайловский – доктор исторических наук, профессор; профессор общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории Института гуманитарных наук и управления Московского городского педагогического университета.

Владимир Дмитриевич Нечаев – доктор политических наук; вице-президент Российской ассоциации политической науки; ректор Севастопольского государственного университета.

Вячеслав Леонтьевич Пархимович – кандидат исторических наук; доцент кафедры ЮНЕСКО «Востоковедение и африканистика: современные методы изучения и преподавания» Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кристофер Рид – PhD (история); профессор исторического факультета Университета Уорвика, г. Ковентри, графство Уэст-Мидлендс, Великобритания

Джованни Савино – PhD (история); научный сотрудник Университета Неаполя им. Федерико II, Италия; профессор Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва.

Владимир Борисович Слатинов – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры государственной политики и территориального управления Юго-Западного государственного университета, г. Курск.

Николай Иванович Смоленский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета.

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, г. Москва.

Дмитрий Борисович Фролов – доктор политических наук, доцент; профессор кафедры «Защита информации» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана.

Владимир Леонидович Шаповалов – кандидат исторических наук, доцент; заместитель директора Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Александр (Алек) Давидович Эпштейн – PhD (социология); директор Центра изучения и развития современного искусства; главный научный редактор Электронной еврейской энциклопедии, г. Иерусалим, Израиль.

Александр Иванович Юрьев – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета.

Editorial Board

Alexey B. Ananchenko – PhD in History; Head of the Department of Modern Russian history, the Director of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University (*editor in chief*).

Aleksandr A. Orlov – Dr. Hab. in History; Professor of the Department of Modern and Contemporary History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University (*deputy editor*).

Denis N. Sergovantsev – PhD in History; Associate Professor of the Department of Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University (*executive secretary*).

Irina A. Batanina – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor, Director of the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University.

Igor V. Bocharnikov – Dr. Hab. in Political Sciences; Head, Research Center of the National Security Studies.

Elena V. Brodovskaya – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor, Head of the Department of Political Studies of Russia and the Former Soviet Union of the Institute of History and Policy, Moscow State Pedagogical University.

Anna Yu. Dombrovskaya – Dr. Hab. in Sociology; Associate Professor of the Department of Socio-Political Research and Technology of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University.

Aleksandr (Alek) D. Epstein – Ph.D. in Sociology; Leading Researcher of the Ort Israel Research and Development Center, ORT Israel; Scientific Director, Center for Research and Development of Contemporary Art, Israel.

Vasily R. Filippov – Dr. Hab. in History; Leading Researcher of the Center for the Study of the Countries of Tropical Africa, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences.

Dmitry B. Frolov – Dr. Hab. in Political Sciences; Associate Professor of the Chair «Computer Law», National Research Nuclear University «Moscow Engineering Physics Institute» (MEPhI).

Tatyana V. Karadze – PhD in Philosophy; Professor, Head of the Department of Political Science and Sociology of the Institute for Social and Humanities, Moscow State Pedagogical University.

Andrey V. Manoilo – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor of the Chair of Russian Politics of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.

Fedor A. Mikhailovsky – Dr. Hab. in History; Professor of the Department of World History of the Institute of Human Sciences, Moscow City University.

Vladimir D. Nechaev – Dr. Hab. in Political Sciences; vice president, Russian Association of Political Science; Rector, Sevastopol State University.

Vyacheslav L. Parkhimovich – PhD in History; Assistant Professor of the UNESCO Chair on Asian and African Studies «Modern methods of studying and teaching of Institute of Asian and African Studies», Lomonosov Moscow State University.

Christopher Reed – PhD in History, Professor at the Department of History, University of Warwick, Coventry, West-Midlands, United Kingdom

Giuseppe Savino – Ph.D. in History; Senior Lecturer, University of Naples Federico II, Italy.

Vladimir L. Shapovalov – PhD in History; Deputy Director of the Institute of History and Policy, Moscow State Pedagogical University.

Vladimir B. Slatinov – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor of the Department of State Policy and Territorial Administration, Southwest State University.

Nikolai I. Smolensky – Dr. Hab. in History; Professor, Head of the Department of New, Modern History and Methodology of the Institute of History and Philology, Moscow Region State University.

Alexander I. Yuriev – Dr. Hab. in History; Professor of the Department of Modern Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow State Pedagogical University.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Д.В. Лобанов

Грузинский некрополь Донского монастыря 11

А.М. Новоторцева

Профессиональная деятельность
податных инспекторов Тверской губернии
в конце XIX в.: микроисторический взгляд 25

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

И.В. Васин

Роль синойкизма в политической эволюции
полисного мира Древней Греции. 41

М.В. Кузьмина

Проблема формирования понятий
«национальное чувство» и «национальное самосознание»
(по материалам французских источников
XIV–XV вв.) 54

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А.С. Маджаров

Теоретико-методологические проблемы
русской историографии в трудах историков
первой половины XIX в. 74

Ю.А. Никифоров

Прохоровское сражение в исторической памяти
и историографии (К 75-летию разгрома
немецко-фашистских войск в Курской битве) 88

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ВНЕШНЕЙ ПОЛТИКИ

А.Д. Карин

Десталинизация и политические изменения в Польше
в документах американских спецслужб
и Государственного департамента США 95

ПОЛИТОЛОГИЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИЯ

Г.А. Артамонов, А.С. Орлова

Эволюция образа врага в локальных конфликтах
в игровом кино современной России. 109

М.А. Шепелев

Великая русская цивилизационная революция
как первый глобальный индигенизационный проект. 120

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ,
ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ*Д.О. Чураков*

Малые войны и локальные конфликты:
проблемы научного дискурса. 134

ПАМЯТИ В.Н. ТАСКАЕВА 147

HISTORY AND ARCHEOLOGY

RUSSIAN HISTORY

D. Lobanov

Georgian necropolis of the Donskoy monastery 11

A. Novotortseva

Professional activity of tax inspectors
of Tver province at the end of XIX century:
Micro-historical view 25

GENERAL HISTORY

I. Vasin

The role of Synoecism in the political evolution
of the polis of the Ancient Greece 41

M. Kuzmina

The problem of the formation of the notions:
National feeling and national consciousness
(on the French sources of XIV–XV centuries) 54

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY
AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

A. Madzharov

Theoretical and methodological problem
of the Russian historiography in the writings
of Russian historians in the first half of the XIX century 74

Yu. Nikiforov

Prokhorovka battle in historical memory
and historiography (To the 75th anniversary
of the defeat of the Nazi troops in the Battle of Kursk) 88

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS
AND FOREIGN POLICY

A. Karin

De-Stalinization and political changes in Poland
in the documents of the American special services
and the USA State Department 95

POLITICAL SCIENCE

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGY

G. Artamonov, A. Orlova

The evolution of the image of the enemy
in local conflicts in the fiction films
of modern Russia 109

M. Shepelev

The great russian civilizational revolution
as the first global indigenization project 120

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS,
GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT*D. Churakov*

Local wars and conflicts:
Problems of scientific discourse 134

IN MEMORY OF V.N. TASKAEV 147

Д.В. Лобанов

Грузинский некрополь Донского монастыря

В статье предпринята попытка дать обзор захоронений грузинского некрополя Донского монастыря в Москве. С привлечением новых архивных материалов в работе показана история развития грузинского некрополя от его начала вплоть до конца XX в. Уделено значительное внимание как храмовым захоронениям грузинского некрополя, так и менее исследованной его внехрамовой части. При этом автор внес ряд дополнений и уточнений в список погребенных, дополнив его именами представителей русских дворянских фамилий, захоронения которых примыкают к грузинскому некрополю Донского монастыря.

Ключевые слова: некрополь Донского монастыря, Большой собор Донского монастыря, Сретенская церковь Большого собора, российско-грузинские политические отношения, российско-грузинские культурные отношения, царь Имеретии Арчил II.

Некрополь Донского монастыря занимает особое место среди других монастырских комплексов и кладбищ Москвы. Он уникален как место упокоения многих выдающихся деятелей русской политической и военной истории, культуры, литературы и искусства. В этом его можно сравнить с историческим некрополем Александро-Невской лавры. Около 150 представителей грузинских царских и княжеских фамилий и их потомков, видных политических и церковных деятелей нашли последний покой в стенах некрополя Донского монастыря, что подчеркивает особое место и значение монастырского некрополя в истории российско-грузинских политических и культурных отношений. В связи с этим целью данной статьи будет обзор грузинского некрополя Донского монастыря с привлечением новых архивных материалов, возможными дополнениями и уточнениями. Номера участков внехрамовой части

некрополя в статье даются по схеме монастырского некрополя московского краеведа М.Д. Артамонова [2, с. 224].

В конце XVIII в. описание грузинских захоронений Донского монастыря вошло в общий список погребенных в обители, в 4-ю часть «Путеводителя к древностям и достопамяностям Московским» [38]. В расширенном варианте он присутствует в фундаментальном трехтомном справочном издании «Московский некрополь» [29–31]. Отдельным разделом тема грузинского некрополя Москвы вошла в книгу грузинского военного историка Б.С. Эсадзе [45] и в исторический очерк исследователя русско-грузинских отношений В.Л. Татишвили [45]. Церковно-государственный аспект жизни и деятельности представителей грузинской колонии в Москве, погребенных в монастырском некрополе, рассматривается в статье Т.Д. Божутиной и И.С. Тихонова [6].

В начале XVIII в. Донской монастырь становится одним из центров русско-грузинских связей. 18 марта 1705 г. по указу царя Петра I и благословению митрополита Стефана (Яворского) настоятелем монастыря стал близкий к семье царя Арчила II архимандрит Лаврентий (Габашвили), до этого живший в Златоустовском монастыре Белого города [12, с. 19; 21, с. 166]. Основание Сретенской церкви на месте палаты под алтарем Большого собора связано с семейными захоронениями представителей рода царя Имеретии Арчила II (1647–1713). Грузинская колония, появившаяся в Москве еще в период царствования Алексея Михайловича при грузинском царевиче Ираклии (Николае) Давидовиче, значительно увеличилась при Арчиле II.

Можно предположить, что первые захоронения в подклете Большого собора были сделаны до создания Сретенской церкви. Об этом говорит архивная запись о погребении в сентябре 1708 г. архимандритом Лаврентием «архимандрита Николаевского монастыря Нико...» (к сожалению, конец имени в записи отсутствует) [35, л. 5 об.]. Первым грузинским захоронением в некрополе Донского монастыря можно считать погребение архимандритом Антонием (Одиновичем) в 1693 г. крестника царевича Александра Арчиловича князя Елисея Александровича Корганшвили [30, с. 83].

Еще при создании Большого собора под его алтарем была устроена палата, с целью, как предположил известный исследователь Москвы И.Е. Забелин, превращения ее в дальнейшем в могильный склеп [21, с. 63]. В палате-крипте Арчил II устроил свою фамильную усыпальницу, похоронив здесь 27 марта 1711 г. своего сына, первого генерал-фельдцейхмейстера русской армии царевича Александра Арчиловича Имеретинского (1674–1711), сподвижника царя Петра I в деле становления русской артиллерии, скончавшегося при возвращении из шведского плена.

5 апреля 1711 г. из Новодевичьего монастыря в новую усыпальницу были привезены останки первой жены царевича Феодосии Ивановны Мирославской (ум. в 1689 г.) и двух его братьев – царевичей Давида (ум. в 1688 г.) и Мамуки (Матвея) (ум. в 1693 г.). Погребение царевича Александра Арчиловича и перенесение останков близких родственников из Новодевичьего монастыря положило начало формированию в Донском монастыре некрополя видных грузинских политических и церковных деятелей, представителей грузинских царских и княжеских фамилий [21, с. 166].

24 сентября 1712 г. в палате, ставшей усыпальницей, Арчил II устроил храм во имя Сретения Господня [Там же, с. 63; 23, с. 358]. У южной стены храма 19 апреля 1713 г. были погребены сам Арчил II и его жена царица Кетеван (ум. в 1719 г.), внучка царя Кахети Теймураза I; «при гробе мужа» была похоронена вторая жена царевича Александра Арчиловича Гликерия Ильинична (Элизбаровна), урожденная княжна Багратион-Давыдова (ум. в 1720 г.) [21, с. 166–167, 170].

Размер церкви отвечал размеру алтаря Большого собора, под которым она расположилась. 7 сентября 1717 г. настоятель монастыря «архимандрит Лаврентий из своей келейной казны» построил в Сретенской церкви «перемычки каменные с окнами круглыми» 19 штук и 3 двери [Там же, с. 169]. Сретенская церковь, таким образом, оказалась обнесенной с северной и южной сторон крытой, с окнами галереей [42, с. 212]. Погребен архимандрит Лаврентий был 21 мая 1720 г. в правой части церкви «подле стены у окошка» против лестницы, что ведет из Большого собора в Сретенскую церковь [21, с. 169].

1 сентября 1729 г. дочь Арчила II царевна Дарья Арчиловна «по совету с архимандритом Илларионом» [Там же, с. 174] вновь приделала для пространства алтарь к паперти Сретенской церкви. На протяжении многих лет она делала пожертвования на украшение царской усыпальницы и Большого собора. После этого трапезная церкви значительно увеличилась. 6 октября 1740 г. царевна Дарья Арчиловна была погребена «при гробах отца своего и матери» [Там же, с. 180]. Надгробия семьи Арчила II были разрушены в связи с устройством бомбоубежища во время Великой Отечественной войны [42, с. 213]. В 1985–1986 гг. Академией наук Грузинской ССР и Институтом археологии АН СССР в храме над местами захоронения лиц царской фамилии были установлены надгробные плиты с надписями на двух языках [5, с. 146].

В 1732 г. в Сретенской церкви был погребен царевич Давид, сын царя Картли Кайхосро (1674–1711), оставленный сиротой и воспитанный, как было сказано в надписи на стене, в «великом довольствии» у своего дяди царя Вахтанга VI [35, л. 6 об.]. Со смертью царевны Дареджан

Сретенская церковь переходит в ведение потомства царя Картли Вахтанга VI (1675–1737), брата Арчила II, после вторжения турок выехавшего в Россию в июле 1724 г. со свитой более чем 1200 человек и поселившегося в Москве в 1726 г. [36, с. 42, 46].

Первой, 13 января 1741 г., в церкви была погребена у северной стены усыпальницы жена царя Вахтанга VI царица Русудан Келчикова, сопровождавшая мужа при переезде в Россию и умершая в Москве [21, с. 180; 42, с. 215]. До нашего времени в Сретенской церкви сохранился саркофаг сына Вахтанга VI генерал-поручика царевича Бакара Вахтанговича (1700–1750), управляющего Артиллерийской конторой в Москве [5, с. 145]. Царевич Бакар Вахтангович был похоронен в Даниловском монастыре, позже его прах был перенесен в Сретенскую церковь [23, с. 362]. Здесь же были погребены: первая жена царевича Бакара Вахтанговича, дочь владетельного князя Георгия Эристова Анна Георгиевна (1706–1780), и его младший брат генерал-аншеф царевич Георгий Вахтангович (1712–1786), участник Семилетней войны, после смерти брата возглавивший грузинскую колонию в Москве [35, л. 7 об., 8 об.; 14, с. 16].

Третий ряд захоронений усыпальницы покрыт чугунными плитами [42, с. 215]. Под плитами были погребены потомки царя Вахтанга VI, дети царевича Георгия Вахтанговича: подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка князь Василий Егорович Грузинский (1750–1765); поручик лейб-гвардии Преображенского полка князь Яков Егорович Грузинский (1751–1768); княгиня Анна Егоровна Голицына (1754–1779) [35, л. 7]. Рядом плита секунд-майора лейб-гвардии Измайловского полка принца Леона Бакаровича Грузинского (1728–1763) [Там же, л. 7 об.]. Также плиты жены Л.Б. Грузинского светлейшей княгини Александры Яковлевны Грузинской (1728–1793), внука князя Евграфа Леоновича Грузинского (1788–1794) и внучки княжны Марии Леоновны Грузинской (родилась и ум. в 1791 г.) (плиты поставлены князем Л.Л. Грузинским в 1800 г.) [42, с. 216–217]. Сам князь Леон Леонович Грузинский (1764–1800) упокоился здесь же, в Сретенской церкви, у могил своих родителей и детей [29, с. 336].

В.И. Татишвили высказал предположение, что вделанная в стену решетка с гербом Багратионов находится в усыпальнице на месте погребения царевича Вахушти Багратиони (ум. в 1758 г.), историка и географа, побочного сына царя Вахтанга VI [42, с. 216]. Однако во время проведенных в 1980-е гг. раскопок в Сретенской церкви захоронение царевича Вахушти Вахтанговича не было обнаружено. В «Московском некрополе» под его именем ошибочно были указаны даты жизни сына царевича князя Иоафама Вахуштовича, действительно

погребенного в Сретенской церкви: родившегося согласно архивной записи «1729 году августа 7 числа» [35, л. 10 об.], а умершего «6 декабря 1784 года» [29, с. 188]. Таким образом, захоронение царевича Вахушти в усыпальнице остается под вопросом. Там же, рядом с царевичем Иоафаном, была похоронена его сестра княжна Анна Вахуштовна Грузинская (1747–1779), а рядом с князем Н.Е. Дадианом, под каменной плитой, другая сестра княжна Александра Вахуштовна Грузинская (1720–1789) [35, л. 10 об., 12].

В Сретенском храме и его галереях были захоронены представители ветви первого дома грузинского княжеского рода Дадиани, потомки владетельных князей Мегрелии. Родоначальник ветви князь Георгий (Егор) Леванович Дадиани (1683–1765), сын владетеля Мегрелии Левана IV, выехал в 1700 г. в Москву с Арчилом II. В России он и его потомки стали именоваться князьями Дадиан или Дадиановыми [18, с. 44–45]. Женой князя Г.Л. Дадиан, дослужившегося в России до чина генерал-майора, стала царевна Софья Александровна Имеретинская (1691–1747), дочь царевича Александра Арчиловича. Ее надгробие и плита князя Г.Л. Дадиан находятся в стене южной части галереи (ранее здесь был южный выход из Сретенской церкви) [5, с. 145].

Под белокаменными досками, расположенными на внутренней стене храма, погребены дети Г.Л. и С.А. Дадиан. Здесь нашли последний покой подполковник князь Николай Егорович Дадиан (1712–1752); капитан артиллерии князь Петр Егорович Дадиан (1716–1784), погребенный вместе с женой княгиней Анной Александровной (1723–1780), урожденной княжной Багратион; артиллерии майор князь Михаил Егорович Дадиан (1724–1768); девица княжна Елизавета Егоровна Дадиан [Там же; 18, с. 49]. Под медной доской в Сретенской церкви погребен внук князя П.Е. Дадиан князь Петр Александрович Дадиан (1776–1786). Здесь же нашла упокоение дочь князя П.Е. Дадиан княжна Екатерина Петровна Дадиан (1743–1769) [Там же; 35, л. 11, 12].

В XIX в. некрополь князей Дадиани развивается уже на внехрамовой территории некрополя, за алтарем Большого собора. Первым здесь был погребен отставной артиллерии капитан князь Александр Петрович Дадиан (1753–1811), сын князя П.Е. Дадиан. Потом его жена княгиня Анна Леоновна (1753–1812), урожденная светлейшая княжна Грузинская, внучка царевича Бакара Вахтанговича [18, с. 49]. Чуть позже сестра княжна Елизавета Петровна Дадиан (1750–1814) [22, л. 6]. В середине XIX в. здесь были похоронены сыновья князя: мальтийский кавалер князь Леон Александрович Дадиан (1777–1847) с женой княгиней Марией Дмитриевной (1779–1854), урожденной Нарышкиной; мальтийский кавалер князь Георгий (Егор) Александрович Дадиан

(ум. 1861). Во второй половине XIX в. во внехрамовой части некрополя были похоронены: полковник в отставке, участник войн с Персией и Турцией, князь Александр Леонович Дадиан (1800–1865) с женой княгиней Лидией Григорьевной (1817–1866), урожденной баронессой Розен; гвардии поручик князь Дмитрий Леонович Дадиан (1801–1851); князь Петр Леонович Дадиан (1803–1875) [18, с. 50].

К внехрамовой части грузинского некрополя князей Дадиан в Донском монастыре примыкает небольшой некрополь семьи Олив (участок № 1). Бабушка погребенной в монастырском некрополе Софьи Сергеевны Олив (1806–1883) Ольга Петровна Щербинина (1750–1821) была дочерью князя П.Е. Дадиана, погребенного в Сретенской церкви [Там же, с. 49]. В конце XIX в. «рядом с могилой родителей» [9, л. 4 об.] нашла упокоение Мария Александровна Арсеньева (1840–1894), урожденная княжна Дадиан, жена тайного советника Николая Сергеевича Арсеньева [1, с. 83].

В галерее Сретенской церкви нашли упокоение служилые люди грузинских царей – «грешных князей Грузинских секретарь Гургент Мазович» (с поминальной надписи на стене церкви над захоронением Мазовича, умершего в 1730 г.); «благоверного царя Арчила Вахтангевича чиновный ближний стольник Матвей Осипович» (ум. в 1730 г.), перед смертью принявший схимничество, и «грузинского царя князь Сулхан Елизбарович» (ум. в 1733 г.) [35, л. 5 об.–6].

7 апреля 1737 г. в ризнице Сретенской церкви был похоронен боярин Стефан Петрович Нелединский-Мелецкий (1666–1737) [19, л. 11]. Татишвили сделал предположение, что он «имел тесную родственную или иную связь с представителями грузинской колонии в Москве» [42, с. 132]. В 1686 г. Нелединский-Мелецкий был послан к царю Арчилу «от государей» (малолетних царей Петра I и Ивана V) во Владимир спрашивать о здоровье [39, с. 132]. Имели ли место родственные связи Нелединского-Мелецкого с представителями грузинской колонии в Москве? «Управлять поминовением» Нелединского-Мелецкого, согласно его «Духовному завещанию», должны были: архимандрит Донского монастыря Кирилл, духовный отец Нелединского-Мелецкого священник Алексей Андреев, и родственники покойного – князь Михаил Матвеевич Оболенский и Александр Никитич Прозоровский. Причем князь М.М. Оболенский указан «братом», а князь А.Н. Прозоровский «племянником» [19, л. 4 об.]. Здесь нужно отметить родство князя А.Н. Прозоровского с первой женой царевича Александра Арчиловича Феодосией Ивановной. Ф.И. Имеретинская была дочерью боярина Ивана Михайловича Милославского (1635–1685) и княжны Евдокии Петровны Прозоровской [28, с. 383–384]. Можно предположить,

что именно родство, пусть и отдаленное, с Ф.И. Имеретинской, сыграло свою роль в выборе места захоронения Нелединского-Мелецкого [26, с. 69].

В чумной 1771 г. некрополь Донского монастыря пополнился двумя грузинскими захоронениями, не вошедшими впоследствии в список «Московского некрополя»: князя Ивана Борисовича Жевахова (ум. 13 июня 1771 г.) и грузинской княгини Марии Ерастовны (ум. 19 июля 1771 г.). Возможно, это были первые внехрамовые грузинские захоронения монастырского некрополя [8, л. 1 об.; 13, л. 5 об., 8; 20, л. 2 об.].

В галерее Большого собора были погребены грузинские иерархи: архимандрит Григорий Цинамдзгвришвили (ум. в 1777 г.) и митрополит Тбилисский Афанасий (Амилахвари) (ум. в 1774 г.), направленный в 1752 г. в Россию в составе объединенного картли-кахетинского посольства и решивший здесь остаться [6, с. 258–259; 7, с. 87–89; 41, с. 72].

В 1724 г. в составе свиты царя Вахтанга VI в Россию прибыл его брат царевич Афанасий Леванович Грузинский (1707–1786), впоследствии генерал-поручик русской армии и обер-комендант Москвы, погребенный в восточной части Сретенской церкви под железной плитой [35, л. 11]. Сохранилось надгробие вблизи Большого собора жены царевича Афанасия Левановича Анны Васильевны (Вахтанговны) (1720–1794), племянницы архимандрита Афанасия (Амилахвари) [6, с. 256]. Под папертью Большого собора («на западной стороне») были похоронены ее братья: действительный статский советник князь Евгений (Автандил) Васильевич Амилахоров (1721–1786) и действительный тайный советник, президент Вотчинной коллегии, князь Егор (Георгий) Васильевич Амилахоров (1724–1779) [18, с. 108; 35, л. 12 об.]. В 1789 г. «у больничной церкви» [38, с. 127] была погребена их мать, княгиня Елена Амилахорова [18, с. 107].

Там же у больничной церкви Св. Евфимия Великого в 1788 г. был погребен коллежский советник князь Илья Борисович Туркестанов (1736–1788). Отец князя И.Б. Туркестанова князь Борис (Баадур) Панкратьевич, племянник архимандрита Донского монастыря Лаврентия, служил при московском дворе царевны Дарьи Арчиловны, выехал в Москву при Петре I и стал родоначальником русской ветви рода князей Туркестановых [Там же, с. 211–215]. К грузинскому некрополю примыкают захоронения Васильчиковых «у больничной церкви». В конце XVIII в. здесь был погребен подполковник и кавалер Александр Николаевич Васильчиков (ум. в 1791 г.). Позже рядом с ним нашла последний покой его жена Анна Петровна Васильчикова (ум. в 1803 г.), урожденная княжна Дадиан [29, с. 185; 38, с. 308].

Слева от алтарной части Большого собора в монастырском некрополе можно увидеть надгробную плиту полковника Полоцкого полка князя Захара Павловича Меликова (1746–1782), представителя грузинского княжеского рода армянского происхождения [35, л. 6]. Несмотря на большие повреждения, на плите сохранились рельефные изображения двух геральдических эмблем, первая из которых представляет собой неизвестный ранее герб князей Меликовых. Герб – круглый щит, состоящий из четырех частей, в третьей части которого плохо сохранившийся родовой герб князей Меликовых. Второе изображение представляет собой круглый щит, размещенный на фоне лавровых ветвей с княжеской шапкой, в центре щита монограмма из трех пересеченных латинских литер. Интересно, что схожая с плитой князя З.П. Меликова надгробная плита грузинского князя А.А. Челакаева была найдена при проведении реставрационных работ в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре [18, с. 174; 32, с. 82].

Можно предположить, что князь З.П. Меликов был первым мужем светлейшей княжны Дарьи Левановны Грузинской, внучки царевича Бакара Вахтанговича. На это косвенно, без указания инициалов, указывает родословная таблица старшей ветви царевичей и князей Грузинских [17, с. 47]. Изначально плита князя З.П. Меликова находилась, судя по описанию расположения надгробных памятников, в галерее Сретенской церкви «на полу на восток против окна» [35, л. 6].

К грузинскому некрополю Сретенской церкви примыкает ряд захоронений. В 1779 г. в Сретенской церкви обрела последний покой княгиня Анна Егоровна Голицына (1754–1779), внучка царя Картли Вахтанга VI. В 1792 г. рядом с княгиней был похоронен ее муж генерал-майор князь Алексей Борисович Голицын (1732–1792), один из учредителей Московского благородного собрания [11, с. 159; 29, с. 284]. Возможно, там же упокоилась и их дочь княжна Екатерина Алексеевна, умершая в младенчестве и погребенная в Донском монастыре 13 декабря 1776 г. [4, л. 3].

На территории внехрамовой части монастырского некрополя были погребены дочери князя А.Б. и княгини А.Е. Голицыных: графиня Софья Алексеевна Сен-При (1777–1814) [22, л. 11]; графиня Мария Алексеевна Толстая (1773–1826); графиня Елизавета Алексеевна Остерман-Толстая (1779–1835), супруга героя Отечественной войны 1812 г. генерала от инфантерии графа Александра Ивановича Остерман-Толстого (1772–1857). Сын графини М.А. Толстой обер-прокурор Святейшего Синода граф Александр Петрович Толстой (1801–1873), в доме которого на Никитском бульваре умер писатель Н.В. Гоголь, был похоронен здесь же вместе с женой графиней Анной Георгиевной Толстой

(1798–1889), дочь светлейшего князя Георгия Александровича Грузинского (1762–1852) [9, л. 11; 17, с. 47].

Одна из причин возникновения семейного некрополя князей Урусовых, «справа» от Большого собора, связана, как мы предполагаем, с их родством с царевичем Георгием Вахтанговичем. Жена царевича княжна Мария Яковлевна Долгорукова была племянницей княгини Прасковьи Петровны Урусовой, жены генерал-поручика князя Василия Алексеевича Урусова (ум. в 1742 г.). В основании семейного некрополя князей Урусовых лежат захоронения детей В.А. и П.П. Урусовых – княжны Прасковьи Васильевны Урусовой (ум. в 1793 г.), князей Александра Васильевича (1729–1813) и Петра Васильевича (1733–1813) Урусовых [10, с. 88, 111; 17, с. 47; 33, с. 19, 22–23].

В 1799 г. в усыпальнице наша упокоение светлейшая княгиня Александра Яковлевна Грузинская (1728–1793), жена грузинского царевича Леона Бакаровича. Светлейшая княгиня А.Я. Грузинская была дочерью князя Я.В. Сибирского, потомка в VI колене сибирского хана Кучума [15, с. 54; 29, с. 335]. В начале XIX в. в Сретенской церкви была похоронена Татьяна Васильевна Глебова (1750–1802), урожденная Ададурова. В 1826 г. здесь был погребен ее муж, четвероюродный брат светлейшей княгини А.Я. Грузинской действительный статский советник Павел Иванович Глебов (1744–1826), крестный отец Л.А. Пушкина, младшего брата поэта А.С. Пушкина. Стоимость захоронения, судя по архивным данным, была достаточно высока – 2160 руб. [22, л. 47 об.; 47, с. 125–126].

После опустошения 1812 г. Сретенский храм был восстановлен и освящен наследниками действительного тайного советника светлейшего князя Сергея Александровича Меншикова (1746–1815). Выбор места погребения объясняется родством Меншиковых с потомками царя Вахтанга VI (родная сестра светлейшего князя С.А. Меншикова Дарья Александровна была замужем за грузинским царевичем Александром Бакаровичем) [17, с. 47; 21, с. 63]. В 1832 г. здесь же последний покой обрела супруга светлейшего князя С.А. Меншикова светлейшая княгиня Екатерина Николаевна Меншикова (1764–1832), урожденная княжна Голицына [22, л. 12 об.].

В XIX в. в Сретенской церкви были похоронены представители старшей, карталинской, ветви князей Багратион, потомки царевича Александра Иессеевича (1705/8–1773), переехавшего в Россию в 1758 г. Здесь был погребен сын царевича тайный советник князь Кирилл Александрович Багратион (1749–1828), дядя героя Отечественной войны 1812 г. князя П.И. Багратиона. Точное местонахождение захоронения князя

при проведении в 1983 г. археологических раскопок и обследования захоронений установлено не было [16, с. 205; 29, с. 68]. Первая жена князя Варвара Алексеевна Багратион (1769–1788), урожденная княжна Хованская, упокоилась в семейном некрополе князей Хованских (участок № 2) [29, с. 68; 43, с. 39]. В 1797 г. рядом с Большим собором нашла последний покой княжна Прасковья Александровна Багратион, сестра князя К.А. Багратиона, вызванная им после смерти первой жены из Кизляра для воспитания его детей Алексея и Александра [6, с. 258].

В 1832 г. иконостас Сретенского храма был возобновлен усердием второй жены князя К.А. Багратион княгини Екатерины Ивановны Багратион (ум. в 1853 г.), дочери курского купца И.И. Голикова, одного из основателей Российско-американской компании [Там же; 21, с. 66]. Погребена княгиня Е.И. Багратион рядом с мужем в Сретенской церкви. В галерее Сретенской церкви рядом с родителями упокоились три их дочери: княжна Дарья Кирилловна Багратион (1809–1831), надворная советница Наталья Кирилловна Альбединская (1803–1873), Анна Кирилловна Годейн (1804–1875), – и сын Петр, умерший в младенчестве и названный в честь князя П.И. Багратиона [6, с. 258]. В 1856 г. здесь же нашел последний покой генерал-майор Николай Петрович Годейн (1790–1856), муж А.К. Годейн, участник Отечественной войны 1812 г., декабрист, член Союза Благоденствия, и их дочери: девица Александра Николаевна Годейн (1834–1873) и Наталья Петровна Полозова (ум. в 1861 г.) [25, с. 38–39; 30, с. 440].

В 1832 г. в Сретенской церкви была погребена имеретинская царица Анна Матвеевна (1769–1832), урожденная княжна Орбелиани, жена царя Имеретии Давида II. Рядом с матерью нашел упокоение сын царицы Анны Матвеевны генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 г., царевич Константин Давидович Имеретинский (1784–1844). На участке № 5 сохранился памятник его сыну светлейшему князю Константину Константиновичу Имеретинскому (1827–1885) [17, с. 91, 93; 26, с. 40; 29, с. 41, 501; 30, с. 81].

В середине XIX в. в Сретенской церкви нашла последний покой действительная статская советница Мавра Егоровна Быховец (ум. в 1853 г.), дальняя родственница М.Ю. Лермонтова. Погребение М.Е. Быховец в грузинской усыпальнице, скорее всего, объясняется ее родством со светлейшими князьями Грузинскими. Женой гвардии штаб-ротмистра Николая Петровича Шишкова, двоюродного брата М.Е. Быховец, была светлейшая княжна Екатерина Леоновна Грузинская, правнучка царевича Бакара Вахтанговича [17, с. 47; 24, с. 74; 29, с. 163; 42, с. 752]. Здесь же в Сретенской церкви были погребена внучка и два правнука светлейшего князя Леона Бакаровича Грузинского:

подполковница Ольга Леоновна Аничкова (1800–1850) и ее дети от первого брака подпоручик Леон Александрович Турчанинов (1817–1841) и ротмистр Николай Александрович Турчанинов (1819–1856) [29, с. 39; 31, с. 47].

Под полом паперти Малого собора под чугунной плитой покоится прах настоятеля монастыря архимандрита Афанасия (Петриева) (1774–1832), происходившего «из рода грузинских дворян» [34, л. 14], сына протоиерея кизлярского Казанского собора, переведенного в Донской монастырь из настоятелей Богоявленского монастыря [3, с. 100].

Целый ряд захоронений XIX в. сохранился на внехрамовой территории некрополя. На участке № 5 можно увидеть памятник в виде гранитной колонки действительной статской советницы Елизаветы Семеновны Мансуровой, урожденной княжны Баратаевой (Бараташвили), дочери казанского генерал-губернатора князя С.М. Баратаева (1745–1798) [22, л. 10]. Еще одна представительница рода Баратаевых майорша княгиня Мария Баратаева была погребена в некрополе 30 сентября 1815 г. [Там же, л. 14 об.]. Сохранился памятник (участок № 4) имеретинскому князю Спиридону Ивановичу Яшвили (ум. в 1827 г.). Рядом с ним можно увидеть памятник девице Елизавете Богдановне Гигаур (1810–1835) [29, с. 268; 31, с. 410].

На участке № 6, недалеко от монастырской стены, в 1914 г. возникает семейный некрополь грузинских князей Ратиевых (Ратишвили), последнее захоронение которого относится к концу XX в. Первым здесь был погребен князь Дмитрий Иосифович Ратиев (1840–1914). В дальнейшем здесь нашли упокоение: княгиня Екатерина Ираклиевна Ратиева (1872–1917), урожденная светлейшая княгиня Грузинская, правнучка царя Ираклия II, жена полковника князя Ивана Дмитриевича Ратиева (1868–1958); княгиня Ольга Михайловна Ратиева (1849–1926), урожденная Маслова, жена князя Д.И. Ратиева; князь Дмитрий Иванович Ратиев (1899–1926), утонувший в Москве-реке, и его сестра Ольга Ивановна Ратиева-Львова (1902–1987), жена инженера князя Юрия Сергеевича Львова (1898–1937), племянника главы Временного правительства князя Георгия Евгеньевича Львова (1861–1925) [18, с. 191–193].

В 1935 г. был разрушен собор Николая Чудотворца Николаевского греческого монастыря. Из нижней Никольской церкви в подклет Большого собора Донского монастыря были перенесены 8 надгробных плит (без скульптурных украшений, обрамляющих их) представителей грузинской колонии в Москве, религиозным и культурным центром которой в XVII в. был Николо-Греческий монастырь [37, с. 165; 42, с. 220].

Первое из восьми надгробий принадлежит митрополиту Грузинскому Епифанию (ум. в 1668 г.), приехавшему в Москву в 1665 г.

из Тушетии от царевича Николая (Ираклия) Давыдовича, второе – грузинскому генералу Парсадану Папунову (ум. в 1733 г.), погребенному ранее в трапезной Никольского собора [29, с. 434; 30, с. 400; 40, с. 205–206]. Третье – кахетинскому князю Отару Челокаеву (ум. в 1742 г.). Четвертое – царице Екатерине Егоровне (ум. в 1730 г.), супруге царя Картли Кайхосро Леоновича. Последние четыре надгробия принадлежат представителям грузинского княжеского рода Багратион-Давыдовых: стольнику князю Потапу Хохоновичу (1656–1718), его дочери княжне Екатерине Потаповне (1708–1724), стольнику князю Панкратию (Баграту) Хохоновичу (1648–1724) и его жене княгине Софье Борисовне (ум. в 1733 г.), урожденной княжне Львовой [17, с. 83; 42, с. 220; 45, с. 361–362].

Подводя итог, следует отметить, что нами была сделана попытка дать общий обзор грузинского некрополя Донского монастыря, показать его развитие, внести ряд дополнений и уточнений в список погребенных, дополнив его именами представителей русских дворянских фамилий, захоронения которых примыкают к грузинскому некрополю. Новые архивные материалы и документы в дальнейшем дополняют историю грузинского некрополя Донского монастыря.

Библиографический список

1. Арсеньев В.С. Род дворян Арсеньевых. 1389–1901. Тула, 1903.
2. Артамонов М.Д. Московский некрополь. М., 1995.
3. Артюшенко М.В. Церковно-общественное служение архимандрита Афанасия (Петриева) – грузинского дворянина, настоятеля Донского монастыря // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. № 25. М., 2015. С. 99–102.
4. Билеты, выданные жителям города на разрешение похоронить родственников в Донском монастыре. 13 февраля 1776 – 14 декабря 1776 г. // Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г. Ф. 421 (Московский ставропигиальный Донской монастырь). Оп. 1. Д. 4910.
5. Божутина Т.Д. Сретенский храм Донского монастыря и формирование некрополя грузинских деятелей в Донском монастыре // Россия – Грузия. Диалог культур: Сб. статей по материалам конференции 2013 года и научных чтений 2016 года, посвященных памяти Давида Ильича Арсенишвили. М., 2015. С. 143–146.
6. Божутина Т.Д. Тихонов И.С. Церковно-государственный аспект жизни и деятельности представителей грузинской колонии в Москве, упокоенных в некрополе Донского монастыря // XV Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. Т. 1. М., 2005. С. 255–259.
7. Ватейшвили Д.Л. Грузия и европейские страны. Т. 3. Грузия и Россия XVIII–XIX века. Кн. 1. М., 2006.

8. Ведомость о похороненных в Донском монастыре. 10 апреля 1771 – 3 сентября 1771 г. // Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г. Ф. 421 (Московский ставропигиальный Донской монастырь). Оп. 1. Д. 4863.
9. Ведомость о продаже мест на кладбище монастыря. 1856–1884 гг. // Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г. Ф. 421 (Московский ставропигиальный Донской монастырь). Оп. 1. Д. 7358.
10. Власьев Г.А. Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий. Т. 3. Князя Черниговские. Ч. 3. СПб., 1907.
11. Голицын Н.Н. Род князей Голицыных. Т. 1. СПб., 1892.
12. Григорий [Воинов И.И.] Историческое описание Московского Златоустовского монастыря. М., 1914.
13. Дело о доставке сведений об умерших и погребенных в Донском монастыре. Июль 1771 г. // Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г. Ф. 421 (Московский ставропигиальный Донской монастырь). Оп. 1. Д. 4864.
14. Джавахишвили Н.Г. Грузины под российским флагом (Грузинские военные и государственные деятели на службе России в 1703–1917 гг.). Тбилиси, 2003.
15. Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. 3. СПб., 1856.
16. Домбровский И.Е. Некрополь Донского монастыря. М., 2007.
17. Думин С.В., Гребельский П.Х. Дворянские роды Российской империи. Т. 3. Князя. М., 1996.
18. Думин С.В., Чиковани Ю.К. Дворянские роды Российской империи. Т. 4. Князя Царства Грузинского. М., 1998.
19. Духовное завещание С.П. Нелединского-Мелецкого // Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г. Ф. 421 (Московский ставропигиальный Донской монастырь). Оп. 1. Д. 2172.
20. Журнал регистрации умерших и погребенных в Донском монастыре. 9 апреля 1771 – 24 июля 1771 г. // Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г. Ф. 421 (Московский ставропигиальный Донской монастырь). Оп. 1. Д. 4862.
21. Забелин И.Е. Историческое описание Московского Ставропигиального Донского монастыря. М., 1893.
22. Книга записи денежных сумм, получаемых от кладбища Донского монастыря. 1813–1830 гг. // Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г. Ф. 421 (Московский ставропигиальный Донской монастырь). Оп. 1. Д. 5335.
23. Кутищева А.В. Некрополь грузинских государственных и политических деятелей в Донском монастыре // Макарьевские чтения. Монастыри в России. Вып. VII. Можайск, 2000. С. 351–367.
24. Лермонтовская энциклопедия. М., 1981.
25. Лобанов Д.В. Декабристы в некрополе Донского монастыря // Вопросы отечественной истории: Межвузовский сб. научных статей преподавателей, аспирантов и соискателей / Отв. ред. А.И. Юрьев. М., 2015. С. 36–42.
26. Лобанов Д.В. Участники Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. в некрополе Донского монастыря //

- Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. XIV: Сб. материалов. М., 2016. С. 37–43.
27. Лобанов Д.В. Начало формирования некрополя Донского монастыря // Преподавание истории в школе. 2017. № 6. С. 68–71.
 28. Лобанов-Ростовский А.Г. Русская родословная книга. Кн. 1. СПб., 1895.
 29. Московский некрополь / Сост. Б.И. Саитов, Б.Л. Модзалевский. Т. 1. СПб., 1907.
 30. Московский некрополь / Сост. Б.И. Саитов, Б.Л. Модзалевский. Т. 2. СПб., 1908.
 31. Московский некрополь / Сост. Б.И. Саитов, Б.Л. Модзалевский. Т. 3. СПб., 1908.
 32. Мурзин-Гундоров В.В. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь: место князя А.А. Челокаева (Челокаева) в фамильном некрополе Бутулиных – Приклонских – Вольтских – Вульф – Сухово-Кобылиных // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. 2016. Т. 21. № 2. С. 79–88.
 33. Нарбут А.Н. Князья Урусовы. Вып. 2. М., 2007.
 34. Описание Донского монастыря // Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г. Ф. 421 (Московский ставропигиальный Донской монастырь). Оп. 1. Д. 7733.
 35. Опись надгробных памятников монастырского кладбища // Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г. Ф. 421 (Московский ставропигиальный Донской монастырь). Оп. 1. Д. 7353.
 36. Пайчадзе Г.Г. К истории грузинской колонии в Москве в XVII–XVIII веках. Тбилиси, 1982.
 37. Паламарчук П.Г. Сорок сороков. Краткая иллюстрированная история всех московских храмов. Т. 1. Кремль и окрестности. М., 2004.
 38. Путеводитель к древностям и достопамяностям московским / Сост., [вступ.] ст. С.С. Илизарова. М., 2009.
 39. Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 2. СПб., 1887.
 40. Русско-чеченские отношения, вторая половина XVI–XVII вв.: Сб. документов. М., 1997.
 41. Тарсаидзе Н.Г. Исторические этюды. Тбилиси, 1972.
 42. Татишвили В.А. Грузины в Москве. 1653–1722. Тбилиси, 1959.
 43. Хованский С.А. Князья Хованские. М., 2007.
 44. Чернопяттов В.И. Дворянское сословие Тульской губернии. Т. 3 (12). Родословец. Материалы. Ч. 6. М., 1909.
 45. Эсадзе Б.С. Летопись Грузии. Юбилейный сборник к 300-летию Дома Романовых 1613–1913. [Тифлис], 1913.

Лобанов Дмитрий Владимирович – методист по музейно-образовательной деятельности, Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., г. Москва

E-mail: dmitr.lobanow@yandex.ru

D. Lobanov

Georgian necropolis of the Donskoy monastery

The article gives an overview of the Georgian graves of a necropolis of Donskoy monastery in Moscow. With the use of new archival material, the paper shows the history of the development of the Georgian necropolis until the end of the XX century. The article gives a significant attention to places like the temple tombs of the necropolis of Georgian, and the least investigated outside the temple part. The author made a number of additions and clarifications to the list of the buried, adding to it the names of the representatives of Russian noble families, burial of which are adjacent to the Georgian necropolis of the Donskoy monastery.

Key words: Donskoy monastery necropolis, Great Cathedral of Donskoy monastery, Sretensky church of Donskoy monastery, Russian-Georgian political and cultural relations, Tsar Archil of Imerety.

Lobanov Dmitry V. – methodist for museum education activities, Central Museum of the Great Patriotic War of 1941–1945, Moscow

A.M. Новоторцева

Профессиональная деятельность податных инспекторов Тверской губернии в конце XIX в.: микроисторический взгляд

В статье представлен микроисторический взгляд на результаты профессиональной деятельности податных инспекторов в России в конце XIX в. (на примере Тверской губернии в 1891 г.). С помощью сужения масштаба наблюдения и применения отдельных элементов микроистории был осуществлен более глубокий и детализированный анализ оценки результатов профессиональной деятельности податных инспекторов в дореволюционной России в указанный период. В статье приведены краткие характеристики личности каждого инспектора Тверской губернии, которые давал им управляющий Тверской Казенной палатой, и ряд таблиц с количественными данными по движимым имуществам и подворным участкам недоимщиков, назначенных и подвергнутых

по общественным приговорам к продаже, а также мерам, принятым для взъяснения казенных и земельных сборов у частных землевладельцев в Тверской губернии в 1891 г.

Ключевые слова: податная инспекция Тверской губернии, отчет податного инспектора, податной участок, недоимки по поступлению окладных сборов, управляющий Казенной палатой.

В конце XIX в. в России был образован новый государственный институт податной инспекции, призванный усилить контроль за правильным и своевременным соблюдением налоговых предписаний, а также улучшить качество надзора и создать новые механизмы его реализации. Однако на характер и качество профессиональной деятельности податной инспекции объективно повлиял, прежде всего, сам процесс законодательного оформления этого органа в России в середине 1880-х гг. Более глубокий и детализированный анализ оценки результатов профессиональной деятельности податных инспекторов возможен с помощью сужения масштаба наблюдения и применения отдельных элементов микроистории – дисциплины исторической науки, изучающей историю через всестороннее воссоздание жизни «маленьких людей». По словам итальянского историка Дж. Леви, микроистория означает не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях [7, р. 93–111]. Именно с этих позиций хотелось бы обратиться к изучению содержания одного архивного документа фонда Казенной палаты Тверской губернии за 1891 отчетный год.

В нем сообщается, что 30 мая 1892 г. в Департамент окладных сборов от управляющего Тверской Казенной палатой поступили отчеты податных инспекторов о результатах своей деятельности в Тверской губернии в 1891 г. Предварительно инспекторы предупреждали свое начальство, что на качество составления отчетов могло оказывать влияние то обстоятельство, что отчеты впервые должны были составляться по новой форме. Для того чтобы избежать затруднений, новым податным чиновникам сверху были спущены многочисленные циркуляры и отдельные указания, а сам вопрос о правильности составления отчета обсуждался податными инспекторами на съезде. В результате выяснилось, что новые отчеты в ноябре 1891 г., составленные в первый раз, не включали в себя все требуемые формой сведения и были возвращены составителям на доработку [3, л. 1А].

Существенным фактором, повлиявшим на результаты деятельности податных инспекторов, было изменение размеров и состава податных участков. К 28 марта 1891 г. из 8 податных участков Тверской губернии образовалось 12, таким образом, каждый уезд сделался отдельным

участком. До 1889 г. в Тверской губернии было 6 податных участков, а затем прибавилось еще два. Более дробное деление участков дало возможность податным инспекторам больше и глубже вникать в предмет своей деятельности. Это также освобождало их от дальних поездок, обременительных из-за плохого сообщения и затрачиваемых на дорогу средств и времени [2, с. 87–90; 3, л. 2–2 об.].

В отчетном году деятельность податной инспекции, по мнению ее представителей, вследствие улучшения условий их работы достигла значительных успехов как в наблюдении за поступлением окладных сборов, так и в наблюдении за правильностью торговли и прочих обязанностях. По мнению управляющего Казенной палатой, даже 4 новых инспектора, поступившие на службу лишь в апреле отчетного 1891 г. и только приступившие к своим обязанностям (начинали знакомиться со своими участками и налаживать в них окладное дело), принесли существенную пользу [3, л. 2–2 об.].

Благотворное влияние на деятельность податных инспекторов оказал съезд, проходивший 4–8 ноября 1891 г. в Твери, на котором обсуждалась должностная инструкция в виде «Наказа податным инспекторам по губерниям Европейской России» от 12 августа 1885 г. и порядок отношений инспекторов с преобразованным крестьянским учреждением и земским начальником. Параллельно затрагивались вопросы по разным аспектам инспекционной практики и тут же давались разъяснения, основанные большей частью на практическом опыте. На съезде было отмечено, что поступления окладных сборов с крестьянских обществ было настолько успешным, что поступил весь оклад и были погашены недоимки в размере 40 270 руб. 70 коп. Успех поступления был замечен в разной степени по всем участкам и явился следствием, во-первых, продуктивной деятельности податных инспекторов, во-вторых, сбора богатого урожая хлеба в Тверской губернии, в то время, как в юго-восточных губерниях России случились неурожаи, повлекшие за собой рост цен на хлеб. Отмечалось также успешное поступление и государственного поземельного налога, и сбора с городских недвижимых имуществ [Там же, л. 2 об., 3–3 об.].

Неблагоприятным явлением в 1891 г. было увеличение недоимок в земских сборах. Это зависело не столько от способов взыскания сборов, сколько от увеличения уездными земствами Тверской губернии суммы земского сбора в соответствии со ст. 3 «Высочайше утвержденных Правил» от 12 июня 1890 г. (Положения о губернских и уездных земских учреждениях) о составлении, утверждении и исполнении земских смет и раскладок. Главные же усилия податных инспекторов были направлены на проверку торговли, что и выразилось в увеличении

торговых пошлин по сравнению с 1890 г. Увеличению пошлин, кроме основательного обследования положения торговли и промышленности, способствовало также разъяснение Правительственного Сената о необходимости купеческих документов для тех трактиров и постоянных дворов, в которых производится продажа вина «произвольными мерами» (т.е. любыми объемами) и «в наливе из графинов». Кроме того, общее оживление торговли и увеличение средств у крестьян явилось следствием успешной продажи хлеба по высоким по сравнению с другими годами ценам [3, л. 4–4 об.].

Проверяя торговлю с особым старанием, податные инспекторы стремились не только к правильной постановке торговли и промыслов в отношении оплаты их торговыми пошлинами, но и к сбору точных («несомненных») данных о торговле, необходимых для податных присутствий, для того чтобы справедливо и равномерно разложить дополнительный сбор пропорционально действительным оборотам и достигнуть полного (безнедоимочного) поступления его в казну.

В крестьянских учреждениях деятельность податных инспекторов после реформы существенно не изменилась, лишь отчасти изменился способ воздействия податного инспектора на крестьян «по отбывании... денежных повинностей» [Там же, л. 4]. По некоторым делам инспектор стал сноситься не с уездным съездом, а с земскими начальниками уезда. Говорить о результатах нового порядка ввиду его сравнительно недолгого существования управляющему Казенной палатой представлялось преждевременным, но перспективы были уже очевидны [Там же, л. 4–4 об.].

Немаловажным условием качества финансового контроля являлась личность самого проверяющего, т.е. знания и опыт налогового чиновника. Так, после краткого описания общих финансово-окладных дел в губернии управляющий Казенной палатой переходил к характеристике деятельности каждого податного инспектора в отдельности, начав с податного инспектора г. Твери, отвечавшего за Тверской участок, г-на Соколова. Управляющий сообщал, что он исполнял свои служебные обязанности аккуратно, со знанием дела и проявил себя как опытный чиновник и способный исполнитель. Вместе с тем, Тверской участок сохранил свой первоначальный состав при постепенном уменьшении всех прочих участков и по разным вопросам инспекторской практики представлялся наиболее трудным. Поэтому в 1892 г. из-за значительной занятости г-на Соколова Казенная палата командировала ему в помощь чиновника Палаты для проверки торговли в г. Твери. В целом, деятельность податного инспектора Соколова во всем отличалась «стойкостью и приносила очевидную пользу делу» [Там же, л. 5 об.–6].

Податной инспектор Корчевского уезда г-н Новиков проявил особую энергию в деле наблюдения за правильностью торговли и погашением недоимок окладных сборов, главным образом, с крестьянских обществ, поэтому большую часть времени он проводил в разъездах по уезду. В результате, по Корчевскому уезду в 1891 г. поступил весь оклад и недоимка за прошлый год – 1451 руб. 39 коп. Причины недоимок, особенно в первое время, объяснялись преимущественно ошибками из-за недостатка опытности инспектора, но Казенной палатой своевременно были даны надлежащие указания, которыми г-н Новиков успешно воспользовался [3, л. 6–6 об.].

Деятельность податного инспектора Кашинского уезда г-на Иврюкова в отчетном году, как и в предыдущем, отличалась целесообразностью благодаря его знанию дела и хорошим способностям.

В свою очередь, податной инспектор Калязинского уезда г-н Гофштеттер, переведенный из Орловской губернии в Тверскую 4 апреля 1891 г., параллельно изучая участок, занялся проверкой торговли и промыслов. Им было составлено много отчетов о нарушениях, но не все акты отличались должной основательностью и нередко возвращались ему с соответствующими указаниями для дополнений. При исполнении поручений Казенной палаты г-н Гофштеттер проявлял усердие и исполнительность.

О податных инспекторах Бежецкого уезда г-не Михайловском, Вышневолоцкого уезда г-не Воронцове, Новоторжского уезда г-не Тевяшеве было сказано в представлении от 31 мая 1891 г. [Там же, л. 6 об., 7–7 об.].

Податной инспектор Весьегонского уезда г-н Беренс не всегда аккуратно исполнял поручения Казенной палаты, поэтому результаты его работы вызывали неоднократные замечания. Определенным оправданием его неоперативности в исполнении профессиональных обязанностей могло служить невыгодное положение г. Весьегонска, находящегося на самом краю длинного уезда, по которому ему приходилось делать большие разъезды «и при том по дурным дорогам» [Там же, л. 7 об., 8–8 об.].

Относительно податных инспекторов Осташинского и Старицкого уездов г-на Пектрицкого и г-на Мандельштама было сказано, что они назначены на должности в 1891 г. и еще не успели в полной мере проявить себя, однако их усердие в исполнении своих обязанностей и поручений Казенной палаты весьма заметно. Из отчетов инспекторов можно было увидеть, что изучение ими участков продвинулось вперед и принесло определенную пользу делу [Там же, л. 8 об.–9].

Нестандартная и непредвиденная ситуация в отношении кадров возникла в Зубцовском уезде, где податным инспектором некоторое время

был кн. Путятин, умерший 21 декабря 1891 г. На его место 17 января 1892 г. был назначен чиновник особых поручений Казенной палаты г-н Менделеев. Неожиданно выяснилось, что кн. Путятин не приступал к составлению какого-либо отчета и никаких материалов после себя вообще не оставил, вследствие чего отчет г-на Менделеева по Зубцовскому уезду за 1891 г. страдал несовершенством, в частности, в нем не был представлен обзор экономического положения уезда, с которым чиновник в силу объективных обстоятельств не успел познакомиться [3, л. 9–9 об.].

Напротив, податной инспектор Ржевского уезда г-н Песоченский был одарен хорошими способностями, поручения Казенной палаты выполнял с основательностью, усердием, знанием дела, но иногда задерживал исполнение поручений в срок, что требовало напоминания. Особое внимание он обращал на окладные сборы с крестьян и частных землевладельцев. Исследуя причины неуспешного поступления сборов, г-н Песоченский в своих донесениях в Казенную палату от 19 и 27 января, 10 февраля, 6 и 14 марта, 2 и 28 мая, 11 сентября 1891 г. и 4 февраля 1892 г. объяснял это исключительно недостаточными действиями местной полиции, однако высказанное им мнение не было подкреплено какими-либо фактическими данными [Там же, л. 10–10 об.].

Параллельно в Казенную палату поступили донесения из местной полиции (от 25 января, 19 февраля, 11 июня, 17 сентября 1891 г.). Так, местным исправником в рапорте губернатору опровергались все обвинения в недостаточных («слабых») действиях полиции по взысканию сборов. Поэтому Казенная палата потребовала от г-на Песоченского предоставления конкретных фактов относительно сделанных им выводов и оценок, а также и по другим вопросам, но ответа так и не поступило. Кроме того, по процедуре податной инспектор должен был помещать подобные сведения в свои донесения в Казенную палату на основании циркуляра управляющего Казенной палатой от 28 сентября 1889 г. № 397, данного для руководства при производстве дознаний о недоимках [Там же, л. 11–11 об.].

Отмечая по ежемесячным ведомостям казначейства неполное поступление сборов по указанному уезду, особенно в первой половине года, Казенная палата неоднократно просила губернатора об оказании содействия исправному поступлению сборов, а 30 августа 1891 г. обратила внимание губернатора на несоблюдение частных сроков, установленных губернским присутствием. До этого губернатора также просили распорядиться о принятии мер для поступления оклада в первой половине года, в противном случае значительная часть этого оклада, как и прежде, была бы недобрана и грозила стать недоимкой. Благодаря

такой предусмотрительности, окладные сборы с крестьянских обществ по Ржевскому уезду в 1891 г. поступили более исправно, нежели в предыдущем. Это подтвердила и сумма недоимки – 6042 руб. 77 коп. на 1 января 1891 г., а к 1 января 1892 г. сумма составила 4892 руб. 86 коп. [3, л. 12в–12в об., 12г–12г об., 12ж, 12и].

Вместе с тем, некоторые податные инспекторы, например, 7-го участка г. Торжка и г. Зубцова, сами запрашивали те или иные сведения, в частности, о долге в продовольственный капитал и страховых платежах по волостям.

Податной инспектор 5-го участка г. Вышний Волочок предоставил в Казенную палату отчеты за 1890 и 1891 гг. с путевым журналом и в девяти таблицах, правда, вызвавших замечания управляющего Казенной палатой по каждой из них. Так, в первой таблице сборы не были разделены соответствующим образом, в ней не были также показаны недоимки по указанным сборам, отсутствовали примечания и о выкупленных наделах. Во второй таблице в примечании не была указана информация о сельских обществах, товариществах и лицах, владеющих землей на правах частных лиц. В третьей таблице не было отмечено, на какой срок были составлены приговоры сходов о мирских сборах – не указано число поселков. В четвертой таблице не было указано время получения и исполнения поручений. В пятой таблице были представлены не все волости и не указаны принятые меры по ликвидации в них недоимок. По мнению управляющего, если меры действительно не принимались, тогда податному инспектору нужно было объяснить почему. Не указывались также другие меры согласно форме: аресты, штрафы и др. В седьмой таблице не были представлены оценки имущества и т.д. [5, л. 171–171 об., 172].

Сведения о недоимках в Тверской губернии за 1891 г. также были представлены в таблицах. Результаты расследования причин накопления недоимок в окладных сборах за 1891 г. по Тверской губернии показали следующее: Тверской уезд (с земель крестьянских обществ): 11 селений – по своему почину, 1 селение – по поручению уездного съезда. Причины недоимок: по 4 селениям – из-за общего экономического упадка положения крестьян, обусловленного отсутствием местных и отхожих заработков, неудовлетворительностью надела, плохим качеством земли и упадком существовавшего ранее гвоздарного промысла; по 2 селениям – из-за неурожая трав как одного из доходных промыслов крестьян; по 1 селению – из-за пожара 1890 г.; по 1 селению – из-за недоброкачества и разбросанности надела, из-за чего многие крестьяне уходили из деревень, оставляя землю и, соответственно, недоимку на ней [Там же].

В указанное время в одном селении вместо 92 ревизских душ раскладка делалась только на 54, а оклад платежей с одной души достигал 13 руб. Применение общинной круговой поруки к этому селению было невозможно. Известно, что одним из условий неиспользования данного механизма взыскания сборов было следующее обстоятельство: если в селении или части селения, имеющих отдельное владение землей и получающих на этом основании отдельный окладной лист, числилось менее 40 ревизских душ, состоящих в окладе, то подати и повинности взыскивались с крестьян без круговой поруки. А в 1899 г. применение круговой поруки при взимании государственных и земских сборов с надельных земель сельских обществ было существенно ограничено в 46 губерниях европейской России. В данном случае можно предположить, что окладной платеж с одной ревизской души и так был слишком высок. По двум другим селениям была замечена бездеятельность по взысканию платежей, которым с 1861 г. занимались, как правило, выборные сельские старосты и сборщики, состоявшие под наблюдением волостного старшины, а еще по двум – поступление замедлилось из-за бескормицы и затянувшейся весны (внесшей в последствии свои коррективы в графики сева и сбора урожая) и несвоевременного сбыта заготовленных общественных дров. Впоследствии недоимка была уплачена. Результаты расследования причин накопления недоимок с земель частных владельцев (по 1 – по поручению Казенной палаты) показали следующее: из 11 недоимочных имений в 8 отсутствовали сами владельцы, однако недоимки вскоре поступили; по 3 владениям – недоимки числились несколько лет за их владельцами, которых в действительности не было. Об этом податным инспектором были произведены особые дознания [5, л. 172].

Корчевский уезд: с земель крестьянских обществ оклад и недоимка поступили в полном объеме и большей частью своевременно, поэтому никаких расследований не производилось.

Кашинский уезд: по 2 селениям было произведено расследование, в результате выяснилось, что недоимка накопилась из-за опустошительного пожара 1890 г., истребившего все постройки; в 1 селении – из-за неправильного привлечения к раскладке крестьянина, выкупившего свой надел.

Калязинский уезд: по 13 селениям – от крайней бедности крестьян; плохого качества надельной земли; упадка местного сапожного и башмачного промысла; «безвестной отлучки» хозяев, бросивших землю; по 2 селениям – из-за упадка местных и отхожих заработков и, частично, по нерадению сельских старост [Там же, л. 172, 173–173 об.].

Весьегонский уезд (с земельных крестьянских обществ): 3 селения – по своему почину; 56 селений – по поручению Казенной палаты;

51 селение – главным образом, из-за неурожаев в прежние годы, когда крестьяне даже для собственного пропитания должны были продавать последний скот, поэтому в последние годы земля осталась без удобрения и, будучи плохого качества, не могла давать хорошего урожая. По 3 селениям – причина в самих крестьянах, не заботившихся о своей земле; по 5 селениям – в бездеятельности сельских властей.

Вышневолоцкий уезд (с крестьянских землевладений): 45 селений – по своему почину; 3 селения – по поручению Казенной палаты; 1 – по поручению уездного съезда. По 32 селениям – из-за упадка хозяйства; убыли рабочей силы; оставление земли в пустырях из-за постоянного неурожая; недоброкачественности земли; упадка местных заработков; по упущению местного сельского и волостного начальства и полиции [5, л. 174–174 об., 175 об.].

Осташковский уезд (с крестьянских землевладений): 4 – по своему почину, причина – крестьяне, обедневшие от нерадивой обработки земли и малого дохода. Местный промысел (изготовление клещей для хомутов) давал очень скудный заработок, что явилось главной причиной недоимок, плюс плохое состояние крестьянских хозяйств. По 1 селению – по случаю запутанности сельского счетоводства (недоимка пополнена виновным старостой). 1 селение – накопилась в прежние годы из-за одного обедневшего крестьянина (в 1892 г. пополнена через продажу его имущества) – с земель частных владельцев, по 2 селениям – по собственному почину, 1 недоимка была начислена неправильно, т.к. такой земли не существовало, а по другой земле – накопилась в прежние годы и уплачена сполна [Там же].

Ржевский уезд (с крестьянских землевладений): 15 селений – по своему почину, 7 – по поручению Казенной палаты. По 21 селению – из-за не принятых своевременно надлежащих мер взыскания (теперь недоимки погашаются); 1 селение – у одного крестьянина (недоимка постепенно погашается); 1 селение – из-за запущенности сборов в прежнее время, по бедности крестьян; по неудобству пользования землей, не окупающей платежи.

Старицкий уезд (с земель крестьянских обществ): 4 – по своему почину, 1 – по поручению Казенной палаты, 1 – по поручению уездного съезда, 1 селение – из-за плохого качества надельной земли, нехватки рабочего скота, значительный материальный вред был причинен от градобития в 1891 г., 1 селение – от неурожая нескольких лет, пожара 1890 г., доведшего крестьян до крайней бедности, 2 селения – из-за плохого качества надельной земли, неудобного для крестьян расположения участков и крайне неудовлетворительного хозяйственного инвентаря, 1 селение – недоимка лежала на крестьянине по подушной подати

(он признает ее неправильной, но съездом его жалоба оставлена без последствий); по 1 селению – от бездействия сельского старосты, подвергнутого за это взысканию [5, л. 176–176 об., 177].

Новоторжский уезд (с крестьянских землевладений): 56 – по своему почину, 5 – по поручению Казенной палаты, 2 – по поручению уездного съезда. По 7 селениям – из-за раздела земли на подворные участки, хозяйственного и нравственного упадка отдельных семейств (в отчете точно не указывается, о каком именно нравственном упадке идет речь; под ним могли пониматься самые разные нравственные проступки, например, лень или отсутствие какой-либо моральной поддержки и взаимопомощи, но чаще всего причина могла заключаться в банальном пьянстве); 13 селений – беспорядок счетоводства, небрежности сельских старост и упущение волостного начальства; 4 селения – опустошительные пожары, 29 селений – из-за многочисленности и незначительности (по доходности) сельских обществ, плохого состава сельских старост, допустивших растраты собранных денег, из-за чего за ними и числятся недоимки. По 1 селению – неурожаи 1884–1885 гг., пожар 1880 г., недостаток работников и хозяйственного инвентаря в малосемейных дворах; 2 селения – малочисленность селений, большое количество детей при одном работнике – отце, недоброкачество земли; 1 селение – 2 пожара и растраты более 400 руб.; 1 селение – небрежение крестьян, перешедших из ямщиков к землевладению; 1 селение – разделение земли на подворные участки, злоупотребление сельского схода при сдаче в аренду участков малолетних и недостаток сенокоса; 1 селение – нравственный упадок крестьян из-за переселения их помещиком перед выкупом на недоброкачественную землю; 1 селение – растраты тремя сельскими старостами общественных денег, прекращение заработков на соседней мельнице, упадок некоторых семейств при подворном землевладении; 1 селение – хозяева отсутствуют, находясь на заработках в Петербурге, но позднее они прислали оттуда деньги. С земель частных владений 73 – по своему почину, в неприменении полицией законных мер взыскания недоимок [Там же, л. 177 об., 178–178 об., 179].

По Бежецкому и Зубцовскому уездам никаких результатов расследований представлено не было.

Далее управляющий Казенной палатой указывал те меры, которые были приняты для взыскания сборов (казенных и земельных) у крестьянских обществ за 1891 г. в Тверской губернии. Так, в Тверском уезде 9 сельских старост были подвергнуты аресту, 3 – штрафу, 309 недоимщиков – аресту. Корчевский уезд: 20 сельских старост были подвергнуты аресту, 3 старшин – штрафу, 246 недоимщиков – аресту, 304 – телесному

наказанию. Кашинский уезд: 2 сельских старосты и 7 недоимщиков подвергнуты аресту, 4 недоимщика – телесному наказанию. Калязинский уезд: 45 сельских старост и 1 волостной старшина подвергнуты аресту. Бежецкий уезд: 280 недоимщиков, 48 сельских старост и 3 волостных старшины подвергнуты аресту; 60 недоимщиков – телесному наказанию, 1 старшина – денежному штрафу. Весьегонский уезд: 2 сельских старосты и 468 недоимщиков подвергнуты аресту, 13 недоимщиков – телесному наказанию [5, л. 180–180 об., 181]. Вышневолоцкой уезд: 1 волостной старшина, 20 сельских старост и 301 недоимщик арестованы; 135 недоимщиков были подвергнуты телесному наказанию. Осташковский уезд: 12 волостных старост, 50 сельских старост подвергнуты аресту, 6 волостных старшин и 98 сельских старост – штрафу. Ржевский уезд: 9 сельских старост и 70 недоимщиков подвергнуты аресту, 3 сельских старосты – штрафу, 1 недоимщик – телесному наказанию. Зубцовский уезд: налагались денежные штрафы на должностных лиц сельского и волостного управления; были подвергнут аресту 1 волостной староста, несколько сельских старост, 174 недоимщика; 5 недоимщиков подвергнуты телесным наказаниям. Старицкий уезд: 19 случаев наложения штрафа и 10 случаев ареста [5, л. 181 об.–182]. Новоторжский уезд: 160 сельских старост и 33 недоимщика подвергнуты аресту, 6 недоимщиков – телесным наказаниям [Там же, л. 182 об.–183].

Таким образом, результаты профессиональной деятельности податных инспекторов в Тверской губернии в конце XIX в. могут быть оценены неоднозначно. С одной стороны, в отчетном 1891 г. деятельность губернской податной инспекции достигла значительных успехов, в частности, из-за улучшения условий их работы по разным направлениям: более дробного деления участков и сужения масштаба наблюдения и контроля, увеличения доходов населения за счет урожая хлебов и выгодных цен на хлеб. Поступление окладных сборов с крестьянских обществ было также успешным: поступил весь оклад и были погашены недоимки в несколько десятков тысяч рублей. В целом, успех поступления был замечен в разной степени по всем участкам Тверской губернии (табл. 1, 2).

С другой стороны, меры по достижению подобных результатов, особенно связанные со взиманием недоимок, дают нам представление о некоторых т.н. моральных издержках профессии налоговых чиновников (речь идет об арестах, телесных наказаниях, продажах имущества крестьян). При этом причины недоимок у крестьян не всегда были следствием нерадивости людей или малоопытности чиновников в сборе информации о доходах. Среди причин, по которым крестьянские общества не могли своевременно и в полном объеме заплатить взимаемые

Таблица 1

Движимые имущества и подворные участки недоимщиков, назначенные и подвергнутые по общественным приговорам продаже, в Тверской губернии в 1891 г.

№	Количество селений, в которых составлялись описи имуществ недоимщиков	Продажа, произведенная за недоимки			Количество отобранных наделов по п. 6 ст. 118 Общего Положения	Количество лиц, отданных в заработки	Количество дополнительных раскладок по круговой поруче
		Количество селений	Сумма недоимки на проданном имуществе, руб.	Вырученная сумма, руб.			
I	7	–	–	–	–	–	1
II	317	2	66,40	52,00	1	–	5
III	15	2	110,00	21,00	6	–	2
IV	127	2	1592,00	530,00	2	–	13
V	3	–	–	–	–	–	2
VI	103	30	1420,00	391,00	2	–	–
Внесено перед продажей 951							
VII	69	32	2810,12	361,76	6	–	4

Внесено перед продажей		248,41					
VIII	266	14	745,13	582,53	3	-	3
IX	68	20	5789,17	369,52	1	-	-
Внесено перед продажей		743,15					
X	75	1	31,00	31,00	-	-	-
XI	143	7	908,00	297,00	-	-	1
XII	41	10	2909,25	417,94	-	-	2
Итого	1234	120	16381,07	3053,90	21	-	33
Внесено перед продажей		1942,56					

* Составлена по: [5, л. 182 об.-183].

Таблица 2

Меры, принятые для взыскания казенных и земельных сборов у частных землевладельцев в Тверской губернии за 1891 г.

№	Количество селений, в которых составлялись описи имуществ недоминщиков	Произведенная продажа за недоимки		Количество несостоявшихся продаж	Случаи пополнения недоимок	
		Количество селений	Сумма недоимки на проданном имуществе, руб.		Вырученная сумма, руб.	Арендное число
I	–	–	–	–	2	1700,00
II	2	2	2404	604	3	300,00
III	–	–	–	–	–	–
IV	6	–	–	–	6	597,18
V	2	–	–	–	2	–
VI	5	2	423	300	2	237,00
VII	15	–	–	–	15	–
VIII	–	–	–	–	–	–
IX	–	–	–	–	–	–
X	–	–	–	–	–	–
XI	3	–	–	–	–	–
XII	6	–	–	–	5	450,00
Итого	39	4	2827	904	31	3284,18

* Составлена по: [5, л. 184–184 об., 185].

сборы, были пожары, неурожаи, засухи и затопления, наделение заведомо негодными земельными участками, упадок в отдельные годы некоторых промыслов и другие не зависящие от них обстоятельства, доводившие некоторых крестьян до крайней бедности.

Определенные этические моменты профессиональной деятельности российских податных инспекторов, которые также могли оказывать влияние на результаты их работы, возникали при взаимодействии с непосредственными начальниками на местах – управляющими казенными палатами. Последние осуществляли контроль за деятельностью своих подчиненных и давали оценку не только результатам их работы, но и личностным качествам в официальной письменной форме. Следует отметить, что ситуация в кадровой политике в конце XIX в. была непростой: сама служба (податная инспекция) была образована всего лишь несколько лет назад, в 1885 г., но для многих должность податного инспектора сразу стала интересна и привлекательна, а специальных образовательных учреждений, которые готовили квалифицированные кадры, в России на тот момент не было. Кроме того, выводы, представленные в отчетах, свидетельствовали об межведомственной разобщенности и несогласованности действий между органами местной полиции и податной инспекции.

Вместе с тем, состав податных инспекторов не был однороден по своему социальному статусу и национально-конфессиональной принадлежности. Среди представителей податной инспекции в Тверской губернии (это можно наблюдать также и по Ростовскому уезду Ярославской губернии) были, например, представители княжеского рода Путятинных и много выходцев из, скорее всего, прибалтийских губерний, лютеран по вероисповеданию (Беренс, Гофштеттер), а в Ростовском уезде Ярославской губернии – Виллерт, Укке и др.

Библиографический список

1. Новоторцева А.М. Микроисторический угол зрения на условия эффективности работы податной инспекции в России в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2006. № 3. С. 145–148.
2. Новоторцева А.М. Факторы эффективности работы податной инспекции в России в конце XIX – начале XX вв. как одна из актуальных проблем социально-экономической истории // Роль университетов в поддержке гуманитарных научных исследований: Материалы IV международной научно-практической конференции. Тула, 25–28 мая, 2009 г. Т. 2. Тула, 2009. С. 87–90.
3. Отчеты податных инспекторов Тверской губернии о деятельности в 1891 году // Государственный архив Тверской области. Ф. 312 (Тверская казенная палата). Оп. 4. Д. 5619. Л. 1А–12 об.

4. Петров Ю.И. История становления податной инспекции в западных губерниях России в конце XIX столетия. М., 2015.
5. Расследование причин накопления недоимок в окладных сборах за 1891 год по Тверской губернии // Государственный архив Тверской области. Ф. 312 (Тверская казенная палата). Оп. 4. Д. 5619. Л. 171–189.
6. Ровинский К. Податная инспекция в России (1885–1910 гг.). Очерк деятельности податной инспекции за 25 лет ее существования в связи с развитием прямого обложения. СПб., 1910.
7. Levi G. On Microhistory. *New Perspectives on Historical Writing*. P. Burke. University Park (Pennsylvania), 1992. Pp. 93–111.

Новоторцева Анна Михайловна – кандидат исторических наук; доцент кафедры логопедии дефектологического факультета, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

E-mail: annov1@mail.ru

A. Novotortseva

Professional activity of tax inspectors of Tver province at the end of XIX century: Micro-historical view

This article presents a micro-historical angle on the results of professional activities of assessors in Russia in the end of XIX century (on the example of Tver province in 1891). With the narrowing of the scale of observation and the application of individual elements of microhistory more in-depth and detailed look at the estimation of results of professional activity of assessors in pre-revolutionary Russia in this period was carried out. The article provides short characteristics of each inspector of the Tver province, which the Manager of Tver of the exchequer gave them, and a number of tables with quantitative data on personal property and homestead plots of delays assigned and subjected to public sentences, the measures taken for the recovery of state-owned land and fees from private landowners in the Tver province in 1891.

Key words: the tax inspection of the Tver province, the report of the tax inspector, the tax station, the arrears on the receipt of the overhead fees, the manager of the Treasury Chamber.

Novotortseva Anna M. – PhD in History; associate professor at the Department of Speech Therapy, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

И.В. Васин

Роль синойкизма в политической эволюции полисного мира Древней Греции

Статья посвящена процессу синойкизма как основы формирования государства в Древней Греции. Синойкизм рассматривается как этап в постепенном движении греческой цивилизации от ком и демов к протополису, от протополиса к полису и от полиса к союзам полисов, т.е. к федерациям. Для реконструкции политической эволюции древнегреческих общин проводится аналогия между синойкизмом и процессом образования федераций. В связи с этим автор уделяет внимание первой ступени полисного развития – союзу ком (протополису), после которой следовал синойкизм как логическое продолжение эволюции союза ком или демов. Также в статье сравниваются синойкии, образующие полисы, и симполитии, образующие федерации, как два взаимосвязанных процесса полисного развития. Особое внимание уделяется анализу государственных документов союзов полисов. Федерации полисов, как и отдельные полисы, издавали проксенические декреты и имели аналогичную политическую структуру. В статье делается вывод, что в эллинских федерациях интеграция полисов шла на всех уровнях: политическом, социально-экономическом и религиозном. Ввиду различных обстоятельств, в одних случаях указанные три линии интеграции шли параллельно друг другу, в других – нет.

Ключевые слова: протополисы Древней Греции, особенности синойкизма и симполитии, федерация полисов, федеративная проксения, союзные магистраты.

При рассмотрении синойкизма представляет интерес одно из высказываний Полибия об Ахейском союзе. Следует привести его полностью: «Вообще, если весь почти Пелопоннес не составляет одного города (*μᾶς πόλεως*), то потому только, что жители его не имеют общих стен

(*περίβολον*); во всем остальном существует единообразие и сходство между ними в отдельных городах и целом союзе (*κατὰ πόλεις ἐκάστοις ταῦτὰ καὶ παραπλήσια*)» [6, с. 133; 42]. Возможно, за идеализированным взглядом Полибия скрывается больше, чем кажется. В данном контексте существует удачное высказывание И.Е. Сурикова об «эстафетном» характере генезиса древнегреческой цивилизации как об исследовательской проблематике [20, с. 41]. Думается, что суть данной «эстафеты» заключалась в постепенном движении греческой цивилизации от ком и демов к протополису, от протополиса к полису и от полиса к союзам полисов, т.е. федерациям. Данная конструкция нуждается в разъяснении.

Полис не всегда являлся основной формой политической организации. Демы и комы являлись тем фундаментом, из которого формировались полисы, и до определенного момента поселения обладали политической независимостью. Тетракомии и тетраполисы могли образовать лишь независимые, с собственной политической структурой поселения, как и союз ком Элиды VI в. до н.э. мог быть образован лишь политически активными элементами. В данный контекст укладывается сообщение Фукидида о том, что до Тесеява синойкизма «население Аттики жило постоянно отдельными городами, имевшими свои пританеи и правителей» (*ἡ Ἀττικὴ... αἰεὶ κατὰ πόλεις ὄκειτο πρυτανεῖά τε ἐχούσας καὶ ἄρχοντας*) [22, с. 93; 49]. Т.е. некогда, до образования полисов, существовали союзы ком, об устройстве которых практически ничего не известно. Ясно лишь одно: ввиду своей слабости союзы ком или демов строились не иначе как на основе равноправия, и лишь когда одно из поселений набирало достаточно силы, чтобы политически подчинить себе соседей, тогда и появлялся полис. Вероятно, признаки усиления Афин перед синойкизмом видны из упоминаний об их войне с Элевсином [22; 49]. Конечно, демы и комы не были развитыми государствами в прямом смысле слова, но именно они легли в основу полиса, который не мог не полагаться на политический опыт предшественников. «Федерация сел», «федерация сельских общин» [11, с. 41], (*συστήματα δήμων*) [18, с. 319] – все эти категории отражают добровольность объединения сел как стадию протополисного развития, некую ступень на пути к полису.

Логическим продолжением развития федераций ком или демов было их объединение, т.е. синойкизм. Афины, Спарта, Коринф и многие другие крупнейшие полисы Эллады были образованы при помощи слияния ком или демов. Также, наряду с полисами, в Элладе начинают появляться союзы полисов – симмахии, амфикионики и койноны (племенные объединения). Еще одной формой объединения полисов

являлась симполития (*συμπολιτεία*) – полное слияние двух или нескольких полисов, например, симполития Гелиссона (*Ελισσών*) и Мантинен [29, р. 90; 40, р. 255–256]; Коринфа и Аргоса во время Коринфской войны 395–387 гг. до н.э.; Халкидского союза во главе с Олинфом и Беотийского союза во главе с Фивами [2, с. 236]. Причины появления таких союзов были различны: военный союз (Пелопонесский и Афинский союзы), религиозный союз вокруг святилищ (храм Аполлона в Дельфах, святилище Посейдона в Онхесте и Калаврии, храм Аполлона в Делосе) [18, с. 356, 391], племенной союз (Беотийский, Акарнанский, Фессалийский). В.Г. Васильевский усматривает в амфикиниях «федеративные свойства» [1, с. 20]. Но на практике участники амфикиний вряд ли стремились к политическому союзу [28, р. 30].

Стоит отметить, что данная классификация условна, и в реальности многие из указанных союзов сочетали в себе различные элементы. Так, клятва Дельфийской амфикинии демонстрирует элементы симмахии, где ее члены должны были ограничить боевые действия между собой (не уничтожать города друг друга и не перекрывать водоснабжение при осаде), всякому же нарушившему клятву грозила война со всеми членами амфикинии [43, р. 438–439]. В легенде, переданной Феопомпом, говорится, что союз вокруг Дельф образовал Амфикион, который собрал вместе народы царей (*τὰ ἔθνη βασιλεύων*), среди которых он называет ионийцев, дорийцев, перребов, беотийцев, магнетов, дорийцев, ахейцев, фтиотийцев, мелиадян, долопов, энианов, дельфийцев и фокейцев [31]. Таким образом, Дельфийская амфикиния приобретала черты койнона, состоявшего из множества племен.

В эллинистическую эпоху доминировать стали федеративные объединения, крупнейшими из которых являлись Ахейский и Этолийский союзы, впитавшие в себя опыт всех предшествующих объединений. Интересно, что Полибий называет Ахейский союз *τῶν Ἀχαιῶν συμπολιτεία* [6, с. 169–179, 919; 42]. Любопытно заметить, что симполития во многом напоминает синойкизм [3, с. 235].

Συνοικίζω – «селиться вместе», где приставка *συν* обозначает «вместе», глагол *οἰκίζω* – «основывать, заселять». Подобное значение имеет аналогичный глагол *συνοικέω* – вместе заселять, быть тесно связанным. Интересно, что без приставки одно из значений *οἰκέω* – управлять, т.е. термин «синойкизм» можно перевести как «совместное заселение и управление», что опять-таки описано Фукидидом, когда он сообщает, что Тесей «упразднил советы и должностных лиц прочих городов... учредив один совет и один пританей» [22, с. 93]. Судя по всему, политическая независимость поселений упразднялась, когда местные власти становились частью центральных органов полиса.

Συμπολιτεύω – быть согражданином, образовывать союз политий, совместно управлять государственными делами, где приставка *συμ* – вместе, *πολιτεύω* – участвовать в управлении делами, быть гражданином. От данного глагола происходит существительное *συμπολιτεία* – содружество государств или федерация. Если проводить параллель между этими двумя процессами, то получается следующее.

1. Оба процесса приводили к слиянию поселений и образованию более крупной политической единицы: синойкизм рождал полис, симполития – полис или федерацию, в зависимости от масштабов объединения. Кроме того, некоторые ученые выделяют два аспекта симполитии: федеральная симполития и синойкизированная симполития (*synoikistic sympolity*), первое рождало федеральное государство, второе – унитарное [46, р. 241]. В любом случае эта классификация еще раз показывает тесную взаимосвязь синойкизма и симполитии.

2. Как видно, синойкизм сыграл решающую роль в период ранней стадии развития полиса, симполитии же появляются во времена кризиса полиса, т.е. начиная с конца V в. до н.э.

3. Синойкизм, прежде всего, объединял комы и демы в полис, но также уже сформировавшийся полис мог проводить дальнейший синойкизм с соседними полисами (Родос в 408/7 г. до н.э., Мегалполис в 368 г. до н.э. и Кос в 366/5 г. до н.э.) [30, р. 118] или полисами и комами одновременно, как это сделали Фивы в 431 г. до н.э. Симполитии, в свою очередь, формировали преимущественно союзы полисов и образовывали более широкие образования. В отрывке из Оксирикса имеется упоминание о симполитии Платей, Скол, Эрифр, Скаф и прочих областей Беотии, подчиненных позднее Фивами (*Πλαταιέων καὶ Σκόλου καὶ Ἐρυθρῶν καὶ Σκαφῶν καὶ τῶν ἄλλων χωρίων... συμπολιτευομένων*) [32]. Конечно, самой масштабной симполитией является Ахейский союз.

4. Полисы или комы, объединенные синойкизмом, теряли свою политическую автономию. Хотя в демах Афин имелись органы самоуправления, подобные общеполисной системе, и местные культы, тем не менее, политической автономии они были лишены [20, с. 38–39]. В симполитии Ахейцев полисы могли взаимодействовать с другими полисами, если это не противоречило интересам союза.

В целом, можно утверждать, что и синойкизм сыграл решающую роль на начальном этапе рождения греческого полиса и в процессе его развития, тогда как симполития, являясь логическим продолжением синойкизма, проявила себя в наибольшей степени в момент кризиса полиса и позволила полисам образовать более обширные государства. Если симполития являлась приемницей синойкизма, следовательно,

и федерации являлись продолжателями полисных традиций. Следует подкрепить данный тезис некоторыми примерами.

Многие проксенические декреты, в основном, касались частных лиц и полисов. Но существуют декреты, где проксения вручается не от лица полиса, а от имени федеративного объединения. Ввиду этого интерес представляет проксенический декрет Беотийского союза 365 г. до н.э., часть которого звучит так: «решено народом даровать беотийскую проксению и звание евергета (*ἔδοξε τοῖ δάμοι πρόξενον εἶμεν Βοιωτῶν κῆ εὐεργέταν*) Афанею, сыну Дамоника, македонцу, и даровать ему право приобретать землю и недвижимость (*εἶμεν αὐτοῖ γᾶς καὶ φοικίας ἔπασιν*), асилию во время войны и мира и на земле, и на море, ему и его потомкам (*ἀσυλίαν κῆ πολέμῳ κῆ ἱράνας ἰώσας κῆ κατὰ γᾶν κῆ κατ θάλατταν κῆ αὐτοῖ κῆ γένοι*)» [48]. Любопытно, что в данном декрете после права приобретать землю и имущество записана не совсем ясная привилегия, которая обозначена существительным *ἐνώναν* [Там же]. Отсекая приставку *ἐν*, получается существительное *ὠνή* – покупка, аренда, откуп, которое происходит от глагола *ὠνέομαι* – приобретать, арендовать. Если сопоставить право *ἐνώναν* с правами *ἔγκτησις* или *ἔμψασις* и принять во внимание значение приставки *ἐν* ‘в, внутри, внутрь’, то, скорее всего, право *ἐνώναν* давало возможность или продавать, или арендовать землю или имущество в Беотийском союзе. Таким образом, отрывок *εἶμεν αὐτοῖ γᾶς καὶ φοικίας ἔπασιν κῆ ἐνώναν* [Там же] можно перевести следующим образом: «даровать ему право приобретать и (или) арендовать (продавать) землю и имущество». Учитывая аграрный характер Беотии, такое пояснение в данном декрете кажется логичным.

Имеется еще ряд декретов Беотийского союза 240–180 гг. до н.э., в которых также даруется союзная проксения. По решению народа Беотийского союза (*δεδόχθη τῷ δάμῳ...τῷ κοινῷ Βοιωτῶν*) житель Трезен получил проксению и звание евергета, а также *ἔπασιν κῆ ρισοτέλιαν κῆ ἀσφάλιαν κῆ ἀσυλίαν* [48]. С аналогичными формулировками проксению получил житель Ламии, Кардии [Там же], Византии [34], Стратонид, сын Никета, халкидянин, Каллипид, сын Феоклея, афинянин, Ойклес, сын Антифата, македонянин [48], Нобан, сын Аксиуба, карфагенянин [34] и другие [41], а также те, чьи имена, патронимы и этниконны не сохранились [48]. Одновременно с федеральной продолжала существовать и полисная проксения [41; 48]. Как видно из приведенного перечня декретов, федеральная проксения вытесняет полисную, хотя последняя и продолжает существование.

Также федеральная проксения существовала в Акарнанском союзе, что подтверждается союзным декретом 167–146 гг. до н.э.: «решено советом и союзом акарнанцев даровать проксении и звания евергетов

согласно закону Акарнанского союза (*τοῦ κοινοῦ τῶν Ἀκαρνάνων κατὰ τὸν νόμον*) Горгину, сыну Алкеменея, Дамансиду, сыну Андробола, Лахару, сыну Еперата и их потомкам; даровать им асфалею (*ἀσφάλεια*), асилию (*ἀσιλία*) во время войны и мира и право приобретать земли и имущество (*ἐγκτησιν*), и все прочие почести и благосклонности (*φιλόανθρωπα*), которые другим проксенам и евергетам Акарнанского союза (*προξένοις καὶ εὐεργέταις τοῦ κοινοῦ τῶν Ἀκαρνάνων*) вручаются» [33]. Также наряду с федеральной проксенией продолжала существовать полисная [26, р. 79].

Федеральная проксения практиковалась и в Этолийском союзе. В союзном декрете, датированном промежутком времени между 300 и 250 гг. до н.э., зафиксировано вручение федеральной проксении с перечислением всех подобающих привилегий. Декрет начинается следующим образом: «Этолийский союз постановил» (*τὸ κοινὸν τῶν Αἰτωλῶν ἔδωκεν*) [35]. Существует целый ряд подобных декретов этолийского союза [Там же]. Стоит отметить, что есть и более поздние, относящиеся ко II в. до н.э., федеральные проксенические декреты [Там же; 36]. В одном из указанных декретов, который не датирован, Этолийский союз вручает федеральное гражданство: «Этолийский союз постановил (*τὸ κοινὸν τῶν Αἰτωλῶν ἔδωκεν*)... Хайронду, сыну Никандра и его потомкам даровать гражданство в Этолии (*πολιτείαν ἐν Αἰτωλίᾳ*), равное и подобное по участию во всем, как и для прочих этолийцев, и быть им равными и подобными этолийцам (*εἶμεν αὐτοῦς Αἰτωλοῦς ἴσους καὶ ὁμοίους*)» [35].

О существовании федеральной проксении в Ахейском союзе говорит документ 222/221 гг. до н.э., который звучит следующим образом: «Решено Ахейским союзом (*ἔδοξε τῷ κοινῷ τῶν Ἀχαιῶν*): изгнанникам из беотийцев и фокейцев даровать им и их потомкам проксению (*προξενίαν δόμεν*)... и даровать им ателею и асилию» [25].

Помимо союзных проксенических указов, многие федерации копировали полисные политические институты. Для наглядности следует воспользоваться классификацией обязательных элементов любого полисного устройства, приведенных И.Е. Суриковым:

- 1) народное собрание – верховный суверенитет, законодательные, судебные и контролирующие функции;
- 2) совет (булэ) – прерогатива законодательной инициативы;
- 3) развитая система магистратур – полисных должностей – исполнительная власть [19, с. 43].

В Ахейском союзе народным собранием являлся синод, в заседании которого участвовали делегации полисов, имеющих численность не менее шести тысяч человек [16, с. 78–79]. Синод созывался четыре

раза в год, помимо чего существовал экстренный вид собрания – синклит [10, с. 50]. В IV в. до н.э. в Ахейском союзе существовал союзный совет (*βουλή τῶν Ἀχαιῶν*), который был идентичен по форме и функциям полисным советам [16, с. 107]. Вероятно, со временем союзный совет прекратил свое существование, передав некоторые свои полномочия синоду и трансформировавшись в новый тип государственного органа, сочетавший в себе признаки экклесии и булэ [Там же, с. 111]. Система магистратур в союзе была высокоразвитой, в нее входили: стратег, гиппархи, навархи, демиурги, секретарь, номографы, казначей [10, с. 60–69]. Стратег и верховный судья были не в состоянии принимать какие-либо важные решения без согласия синода [44, р. 128]. Интересно, что заседание союзного синода, голосование в котором происходило поднятием рук (*χειροτονία*), во многих отношениях напоминало народное собрание в греческом полисе [17, с. 78].

В Этолийском союзе общее народное собрание (синод) созывалось два раза в год. Доступ к федеральному собранию был открыт для всех граждан без имущественного ценза [2, с. 110; 27, р. 110]. При экстренных обстоятельствах возникновения вопросов войны и мира могло созываться чрезвычайное собрание [2, с. 120; 11, с. 58; 37, р. 1]. «Синедрион» или «Булэ» состоял из делегатов общин пропорционально размеру поселения и занимался судебными делами союза [11, с. 54, 58]. Власти Этолийского союза состояли из следующих магистратов: архонты, во главе которых стоял стратег, гиппарх, секретарь, апоклеты (тайный совет при стратеге), казначей, номографы и многочисленные культовые чиновники [Там же, с. 58–64; 27, р. 106]. При всем многообразии магистратов последнее слово оставалось за синодом.

Акарнанский союз имел союзное собрание, при голосовании в котором каждый город имел один голос [14, с. 120], союзный совет (булэ) и ежегодно меняющихся мировых судей [26, р. 74, 82]. После структурных изменений в III в. до н.э. Акарнанский союз стал возглавляться одним стратегом (ранее было семь) и федеральными архонтами (*κοινὸὶ ἄρχοντες*): председатель советников стратега (*πρόνυμμον*) и два или три советника (*συνπρόνυμμες*) составляли исполнительный комитет федерального совета, избранного в течение года членами союза [Там же, р. 80].

Во второй половине V в. до н.э. Беотийский союз был разделен на четыре области во главе со 165 членами булэ, что в совокупности являло 660 булевтов. Чтобы принять общесоюзное решение, было необходимо согласие всех четырех советов, которые председательствовали поочередно [4, с. 85–86; 23, р. 143]. В IV в. до н.э., в связи с победой при Левктрах в 361 г. до н.э., в Беотийском союзе происходит централизация федеральных структур в Фивах, в которых начинает собираться

народное собрание для всех слоев населения Беотии. Народное собрание, в свою очередь, избирало семь беотархов, которые выполняли функции союзных военачальников. Надписи эллинистического койнона рисуют ряд беотийских магистратов: беотархи, архонты, гиппархи, навархи [23, р. 154]. Вероятно, в союзе также существовал федеральный казначей или коллегия казначеев, которые контролировали поступление налогов в федеральную казну [15, с. 240–241].

В III в. до н.э. в Малой Азии образуется Ликийский союз, включающий в себя 23 города. Данный союз также имел союзное собрание (*κοινὸν συνέδριον*), в котором голоса распределялись пропорционально размеру города: три голоса было у крупных полисов, два у средних и один у небольших. На союзном синедрионе избирались союзные магистраты: ликиарх (союзный стратег), гиппарх, казначей [7, с. 53]. Ранее упоминалось, что синойкизм мог инициироваться извне, т.е. союзами полисов или царской волей. В этой связи интересно наблюдение И.С. Свенцицкой, которая при сопоставлении политики эллинистических держав и формирования крупных городских объединений приходит к выводу, что «наряду с синойкизмом цари применяли и симполитии» для облегчения контроля над подвластными землями [8, с. 200, 202].

Союзное собрание Аркадского союза носило название *οἱ μυρίαί* («десять тысяч»), поскольку в нем могли участвовать все граждане союза. Союзный совет носил название совет аркадян (*βουλὴ τῶν Ἀρκαδῶν*) и ведал созданием проектов для обсуждения в союзном собрании. Союзное собрание избирало союзных магистратов [40, р. 261–264].

Высшим государственным органом Халкидского союза являлся союзный совет (булэ) [9, с. 11]. Скорее всего, на совете избирался ряд союзных магистратов [50, р. 354–356].

Приведенные выше примеры демонстрируют, что многие федерации копировали полисные политические институты, которые распространяли не на бывшие комы или демы, а на полисы. Конечно, нельзя ставить знак равенства между полисом и федерацией, т.к. такие огромные федерации, как Ахейский и Этолийские союзы, не могли равняться полису из-за разницы в размерах. В полисе, ввиду его небольшого размера, функционирование политических органов происходило на прямой основе, а не на представительной, как во многих федерациях. Также во многих федерациях ее члены имели признаки государственного суверенитета [10, с. 70–72]. При этом федерации стремились укрепить интеграционные процессы при помощи федеральных прав энкtesis и эпигамии, которые были распространены во многих объединениях [12, с. 221–223; 27, р. 110; 44, р. 122; 50, р. 356–357]. Эпигамия должна была соответствовать законам полиса-члена федерации и федеральному закону, как

это было в Ахейском союзе: «выдавать замуж эпидаврийских женщин согласно брачным договорам в Ахейском союзе, которые заключаются согласно законам полиса и согласно другим договорам, которые приняты в Эпидавре соответственно общим постановлениям» (*γαμῆσαι δὲ γυναῖκα Ἐπιδαυρίαν ἐκ τῶν ἐν Ἀχαΐαι συναλλαγμάτων τῶν γαμικῶν, ἃ κατὰ τοὺς τὰς πόλιος νόμους γίνεται, καὶ τῶν ἄλλων συναλλαγμάτων, ἃ κατὰ τοὺς κοινοὺς νόμους, ὄικησε ἐν Ἐπιδάυρῳ*) [33]. Данный отрывок свидетельствует о прочном переплетении полисных и федеративных законов, что также существенно укрепляло интеграцию. Также интеграции способствовали общие федеративные законы и общая монета, что развивало региональную торговлю [38, р. 491; 39, р. 210]. Помимо этого, в федерациях наблюдается и религиозная интеграция, т.е. наличие общих союзных святилищ, которые часто играли роль мест созыва союзного народного собрания [13; 23, р. 135; 24, р. 248; 40, р. 265; 45, р. 181].

Как видно, в эллинских федерациях интеграция полисов шла на всех уровнях: политическом, социально-экономическом и религиозном. Ввиду различных обстоятельств, в одних случаях указанные три линии интеграции шли параллельно друг другу, в других – нет. Но факты указывают на то, что греческие федерации являлись прямым продолжением эволюционного развития полиса. Одни исследователи утверждают, что ввиду кризиса полиса в IV в. до н.э. «полисное государство оказалось бессильным перед трудностями времени» [21, с. 12], другие – что кризис полиса, затронувший все сферы полисной жизни, «продолжался, усугублялся и, не находя выхода, переходил в полный застой» [20, с. 352]. Будет неверно полностью отрицать приведенные утверждения. Но и неверно полагать, что кризис полиса привел его к гибели. Да, классический полис уходил в прошлое, но полис как социальный, политический, экономический и религиозный институт не исчез, а стал трансформироваться, приспосабливаться к новым историческим реалиям. Конечно, союзы полисов существовали и в классическое время, но все они находились в тени борьбы между Афинами и Спартой. Как только эти два центра силы утратили свое могущество, союзы начали бурно развиваться. Эпоха эллинизма, с непрерывными войнами диадохов и эпигонов, не могла не оказать усиливающего воздействия на интеграционные процессы в Элладе. Федерации не только помогли грекам пережить бурю борьбы преемников Александра Великого, но и создать обширные государства, основанные на равноправном союзе полисов и этносов, на что Афины и Спарта были неспособны. Помимо этого, именно федерации помогли сохранить полис, его самобытность и политические институты. Полис полностью не растворялся в союзе, а, наоборот, вклинивался во взаимовыгодное интеграционное взаимодействие, тем самым двигая

Элладу к постепенному объединению. Логика эллинской политической эволюции подсказывает, что так же, как и союзы ком со временем образовывали единый полис, так и союзы полисов со временем смогли бы образовать монолитное государство, которое по устройству напоминало бы Аттику, только в гораздо больших масштабах. Но, как показала история, наряду с политическими институтами, федерации впитали и тот самый полисный партикуляризм, только уже на федеративном уровне. Неспособность к объединению между Ахейским и Этолийским союзом перед угрозой завоевания со стороны Македонии, а позже перед Римом, красноречиво доказывает данный тезис.

Библиографический список

1. Васильевский В.Г. Политическая реформа и социальное движение в Древней Греции в период ее упадка. Изд. 2-е. М., 2012.
2. Власюков С.Ю. Этолийское народное собрание // *Antiquitas aeterna*. 2005. Вып. 1. С. 107–121.
3. Кареев Н.И. Государство-город античного мира: Опыт исторического построения политической и социальной эволюции античных гражданских общин. Изд. 4-е. М., 2015.
4. Можайский А.Ю. Внешнеполитический курс Фиванского полиса в классический период: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.
5. Отрывок из «Греческой истории», найденный в Оксирихе // Ксенофонт. Греческая история / Пер. с древнегреч. и коммент. С.Я. Лурье. СПб., 2002. С. 264–276.
6. Полибий. Всеобщая история / Пер. с древнегреч. Ф.Г. Мищенко. Т. 1–2. М., 2004.
7. Свенцицкая И.С. Социально-экономические особенности эллинистических государств. М., 1963.
8. Свенцицкая И.С. Крупные городские объединения и политика эллинистических держав (III–II вв. до н.э.) // *Античный мир: Проблемы истории и культуры*: Сб. ст. / Под ред. И.Я. Фроянова. СПб., 1998. С. 200–208.
9. Светилова Е.И. Халкидский союз в VII–IV вв. до н.э. (Основные проблемы истории): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.
10. Сизов С.К. Ахейский союз. М., 1989.
11. Сизов С.К. Федеративное государство эллинистической Греции: Этолийский союз. Нижний Новгород, 1990.
12. Сизов С.К. Права *enktesis* и *epigamia* в федерациях эллинистической Греции // *Античный мир: Проблемы истории и культуры*: Сб. ст. / Под ред. И.Я. Фроянова. СПб., 1998. С. 209–235.
13. Сизов С.К. Федерализм и религия в эллинистической Греции // *Из истории античного общества*. Нижний Новгород, 2007. С. 264–285.
14. Сизов С.К. Федеральное собрание в союзе акарнанов (III–II вв. до н.э.) // *Из истории античного общества*. Нижний Новгород, 2010. Вып. 13. С. 106–124.

15. Сизов С.К. Источники пополнения городской и федеральной казны в полисах эллинистической Беотии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. Вып. 6 (1). С. 238–244.
16. Сизов С.К. Существовал ли союзный совет в Ахейской федерации во времена Полибия? // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 3. С. 107–114.
17. Сизов С.К. О составе участников регулярных собраний (синодов) в Ахейской федерации во II веке до н.э. // Вестник древней истории. 2016. № 1. С. 63–84.
18. Страбон. География: в 17 кн. / Пер., вступ. ст. и коммент. Г.А. Стратановского. М., 1994.
19. Суриков И.Е. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2012.
20. Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М., 2015.
21. Фролов Э.Д. Феномен кризиса в социально-политической и духовной жизни Античного мира (к постановке проблемы) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 2: История. 2010. Вып. 3. С. 9–19.
22. Фукидид. История / Пер. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелева. СПб., 1999.
23. Beck H., Gantner A. Boiotia and the Boiotian Leagues. *Federalism in Greek Antiquity*. Beck H., Funke P. (eds.). Cambridge, 2015. Pp. 132–157.
24. Bouchon R., Helly B. The Thessalian League. *Federalism in Greek Antiquity*. Beck H., Funke P. (eds.). Cambridge, 2015. Pp. 231–249.
25. Dittenberger W. *Sylloge inscriptionum Graecarum*. Ed. 3. Vol. 1–3. Leipzig, 1915–1924.
26. Freitag K. Akarnania and the Akarnanian League. *Federalism in Greek Antiquity*. Beck H., Funke P. (eds.). Cambridge, 2015. Pp. 66–85.
27. Funke P. Aitolia and the Aitolian League. *Federalism in Greek Antiquity*. Beck H., Funke P. (eds.). Cambridge University Press, 2015. Pp. 86–117.
28. Hall M.J. Federalism and ethnicity. *Federalism in Greek Antiquity*. Beck H., Funke P. (eds.). Cambridge, 2015. Pp. 30–48.
29. Hansen M.H. A typology of Dependent Poleis. *An investigation conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation*. Hansen M.H., Nielsen T.H. (eds.). Oxford, 2004. Pp. 87–94.
30. Hansen M.H. The Emergence of Poleis by Synoikismos. *An investigation conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation*. Hansen M.H., Nielsen T.H. (eds.). Oxford, 2004. Pp. 115–119.
31. *Harpocratonis lexicon in decem oratores Atticos*. Vol. 1. W. Dindorf (ed.). Oxford, 1853.
32. *Hellenica oxyrhynchia cum Theopompi et Cratippi fragmentis recognoverunt brevisque adnotatione critica by Grenfell, Bernard P. (Bernard Pyne), 1869–1926; Theopompus, of Chios; Cratippus; Hunt, Arthur S. (Arthur Surridge)*. Oxonii typographeo clarendoniano, 1909.
33. *Inscriptiones Graecae IV. Inscriptiones graecae Aeginae, Pityonesi, Cecryphaliae, Argolidis. Corpus inscriptionum graecarum Peloponnesi et insularum vicinarum, I*. M. Fraenkel (ed.). Berlin, 1902. URL: <http://epigraphy.packhum.org/biblio#b6> (дата обращения: 20.07.2017).

34. Inscriptiones Graecae VII. Inscriptiones Megaridis, Oropiae, Boeotiae. W. Dittenberger (ed.). Berlin, 1892. URL: <http://epigraphy.packhum.org/biblio#b13> (дата обращения: 20.07.2017).
35. Inscriptiones Graecae IX. 2nd ed. G. Klaffenbach (ed.). Berlin, 1932–1968. URL: <https://epigraphy.packhum.org/biblio#b9> (дата обращения: 20.07.2017).
36. Inscriptiones Graecae XII. Inscriptiones Deli, fasc. 4. P. Roussel (ed.). Berlin, 1914. Nos. 510–1349. URL: <http://epigraphy.packhum.org/biblio#b17> (дата обращения: 20.07.2017).
37. Larsen J.A. The Assembly of the Aetolian League. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1952. Vol. 83. Pp. 1–33.
38. Mackil E. The economics of federation in the ancient Greek world. *Federalism in Greek Antiquity*. Beck H., Funke P. (eds.). Cambridge, 2015. Pp. 487–502.
39. McInerney J. Phokis. *Federalism in Greek Antiquity*. Beck H., Funke P. (eds.). Cambridge, 2015. Pp. 199–221.
40. Nielsen T.H. The Arkadian Confederacy. *Federalism in Greek Antiquity*. Beck H., Funke P. (eds.). Cambridge, 2015. Pp. 250–268.
41. Petrakos V.Ch. Hoi Epigraphes tou Oropou. *Vivliothēkē tēs en Athēnais Archaïologikēs Hetaireias*, 170. Athens, 1997. URL: <http://epigraphy.packhum.org/biblio#b225> (дата обращения: 20.07.2017).
42. Polybius. *Historiae*. Theodorus Büttner-Wobst after L. Dindorf. Leipzig, 1893. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=urn:cts:greekLit:tlg0543.tlg001.perseus-grc1:1.1> (дата обращения: 20.07.2017).
43. Raaflaub K. A Forerunners of federal states: Collaboration and integration through alliance in Archaic and Classical Greece. *Federalism in Greek Antiquity*. Beck H., Funke P. (eds.). Cambridge, 2015. Pp. 434–452.
44. Rizakis A. The Achaian League. *Federalism in Greek Antiquity*. Beck H., Funke P. (eds.). Cambridge, 2015. Pp. 118–131.
45. Rocch G.D. The Lokrians and their federal leagues. *Federalism in Greek Antiquity*. Beck H., Funke P. (eds.). Cambridge, 2015. Pp. 179–198.
46. Rzepka J. Ethnos, Koinon, Sympoliteia and Greek Federal States. *Journal of Juristic Papyrology*. 2002. Suppl 1. Euergeries Charin Studies presented to Ewa Wipszycka and Benedetto Bravo by their Disciples. Pp. 225–247.
47. Strabo. *Geographica*. A. Meineke (ed.). Leipzig, 1877.
48. Supplementum Epigraphicum Graecum (SEG). Vol. 1–50. Leiden – Amsterdam, 1923–2003. URL: <http://epigraphy.packhum.org/biblio#b172> (дата обращения: 20.07.2017).
49. Thucydides. *Historiae* in two volumes. Oxford, 1942.
50. Zahrnt M. The Chalkidike and the Chalkidians. *Federalism in Greek Antiquity*. Beck H., Funke P. (eds.). Cambridge, 2015. Pp. 341–357.

Васин Иван Вячеславович – учитель истории, школа № 1359 имени авиаконструктора М.И. Миля, г. Москва

E-mail: rome2009@list.ru

I. Vasin

The role of Synoecism in the political evolution of the polis of the Ancient Greece

The article is devoted to the process of synoecism as a basis for the formation of a city-state in Ancient Greece. Synoecism is considered to be a stage in the gradual movement of Greek civilization from kome and demes to the protopolis, from the protopolis to the polis and from the polis to the union of policies, i.e. federations. To reconstruct the political evolution of the ancient Greek communities, an analogy is drawn between synoecism and the formation of federations. In this regard, the author pays attention to the first stage of polis development – the union of kome (protopolis), which was followed by the synoecism as a logical extension of the evolution of the union of kome or demes. Also, the article compares the synoikia that form the poleis, and the sympolities that form federations as two interrelated processes of polis development. Particular attention is paid to the analysis of state documents of poleis unions. The Federation of Poleis, as well as individual poleis, issued proxenic decrees, and had a similar political structure. The article concludes that in Hellenic federations the integration of poleis took place at all levels: political, socio-economic and religious. Due to various circumstances, in some cases these three lines of integration went parallel to each other, in others - not.

Key words: ancient Greek protopoleis, features of synoecism and sympolity, the federation of poleis, federal proxenia, union magistrates.

Vasin Ivan V. – teacher of history, School № 1359 named after the aircraft designer M.L. Mil, Moscow

М.В. Кузьмина

Проблема формирования понятий «национальное чувство» и «национальное самосознание» (по материалам французских источников XIV–XV вв.)

В статье рассматривается сложная проблема формирования национального чувства как части национального самосознания, основанное на понятии «отечество» (*patria*) (на основе французских источников XIV–XV вв.). Поскольку понятие – это обобщение чувственного опыта, то большое значение играют многочисленные факторы. Одним из них явилась Столетняя война, послужившая катализатором формирования французского национального самосознания. Географический фактор, политический, языковой, информационный и т.д. – каждый из них по-разному и в разной степени оказывал влияние на людей в указанный период, замедляя или ускоряя переход от чувственного восприятия к рациональному осознанию бытия, а, следовательно, и к осознанию себя как части одного целого – нации, оформление которой завершилось гораздо позже.

Ключевые слова: понятие «отечество», факторы формирования национального самосознания, национальное чувство, Столетняя война, средневековый город, понятие «свой», понятие «чужой».

Вопрос о том, когда и как возникает, какие этапы проходит процесс осознания человеком своей принадлежности к определенной национальной общности, до сих пор нельзя назвать чисто академическим и не требующим изучения. Понятия «нация», «национальность», «национальный» не возникают вдруг. Формирование любых понятий – это процесс, имеющий свою логику, причины, следствия.

На сегодняшнем этапе истории, когда политика мультикультурализма, т.е. фактического стирания национальных особенностей, провалилась, снова становится актуальным изучение проблемы формирования самоидентификации, т.е. осознание отдельным человеком себя как части нации.

Национальное чувство как составная часть национального самосознания формируется в течение долгого времени и зависит от многих причин. Это и социально-экономические, политические и культурные факторы, и многое другое. Прежде чем говорить о формировании национального самосознания народа, нужно рассмотреть вопрос формирования национального самосознания отдельного человека, этнической, социальной группы, к которым этот индивид принадлежит. В этом смысле традиционные (обыденные) формы осознания общности играли и продолжают играть большую роль в формировании самосознания и отдельной личности, и группы в целом.

Противопоставление «своих» и «чужих» – базовой формы формирования национальной идентичности – совершенно естественно и оправданно как эволюционно, так и исторически. Эта оппозиция относится к наиболее архаичным пластам ментальных представлений. Тесно связанным с ней является вопрос о самоидентификации отдельного человека, являющегося частью любой исторической общности. При этом границы между «своими» и «чужими» не являются раз и навсегда данными, непреодолимыми, поскольку также зависят от конкретно-исторических условий. Более того, столкновения между этими группами как раз интенсифицируют процесс идентификации их членов.

В Европе в античную эпоху граница между «своими» и «чужими» проходила по линии «эллина», «римляне» и «варвары» [11, с. 6–7]. Однако в эпоху Средневековья стала актуальной оппозиция «язычество – христианство». Но и она не была единственной. Следует учитывать, что социальная структура средневекового общества в целом и городского пространства в частности являлась весьма сложно организованной. Человек оказывался «вписанным» в многочисленные социальные системы, находящиеся между собой в запутанных взаимоотношениях. Он жил в определенном церковном приходе, принадлежал какой-либо корпорации, семейной общности, кроме того, ему приходилось постоянно соотносить свое поведение с быстро меняющейся политической обстановкой во время социальных потрясений, когда остро стояли вопросы выживания. Все это не могло не оказывать влияния на изменение границ между «своими» и «чужими», в том числе и в смысле принадлежности к другой этнической, языковой и т.д. общностям. Эти границы могли определяться географическими, профессиональными, национальными, профессиональными, социальными,

социокультурными, политическими факторами, что делало их еще более зыбкими [6, с. 285–291; 16, с. 175–193]¹.

Некоторые исследователи продолжают утверждать, что не все народы смогли самостоятельно сформироваться как нации: они заимствовали идею нации из Англии (именно Англия была тем местом, где процесс рождения нации зародился и начался, якобы, только в первой трети XVI в.), поскольку сами они в силу разных причин просто были не в состоянии сделать это [2, с. 27]. На самом деле, формирование нации – процесс объективный и «идею» нации невозможно привнести, а патриотизм нельзя отождествлять с национализмом, как это делает, например, Лия Гринфельд [2, с. 32–33].

Многофакторность этого исторического процесса очевидна, а протяженность во времени усложняет его анализ, к тому же необходимо учитывать специфику исторических источников. В выделенный нами период наиболее значимым фактором, во многом определяющим и ускоряющим процесс самоидентификации человека в смысле принадлежности к какой-либо общности, и национальной общности в том числе, чаще всего была война. В условиях войны привычные формы ментальных представлений и социального поведения неизбежно трансформируются. Франция первой четверти XV в. (на этот период пришелся один из этапов Столетней войны, начавшейся как война за французскую корону, а закончившейся как война национальная) страдала не только от вторжения англичан, но и от гражданской войны, вспыхнувшей между сторонниками герцога Бургундского и арманьяками (по имени графа Арманьяка) – сторонниками герцога Орлеанского. У каждого из этих персонажей и их приверженцев были свои интересы, свои амбиции и свои способы достижения политических целей. При этом «национальные» интересы страны, если вообще возможно говорить о них на этом этапе, чаще всего отходили на второй план, поскольку

¹ Е.В. Калмыкова писала по поводу формирования национальной идентичности в Англии в XIV–XV вв.: «Общепризнано, что противопоставление “своей” общности другой всегда способствует фиксации и активному закреплению отличий и тем самым – укреплению общности. Во многом именно складывание представлений об отличии от «других» формирует общность, позволяя ее членам осознать единство. Однако формирование национальной идентичности происходит в тесной связи с идентичностью социальной, корпоративной, религиозной» [6, с. 285]. Особенно сложно выглядела картина в условиях средневекового города. Пытаясь выяснить, существовало ли общественное мнение в Париже в XV в., П.Ю. Уваров отмечал, что «наряду с дробностью мнений различных корпораций и общин можно наблюдать также и временный распад старых, устойчивых форм группового сознания и возникновение новых, более атомизированных, аморфных, открытых... Более того, любое общинное, групповое, корпоративное мнение почти всегда было дискретным, слагалось из отдельных составляющих, не совпадающих друг с другом суждений» [16, с. 189].

само понятие «национального» не было четко сформировано. Период Столетней войны и для Франции, и для Англии как раз и стал временем становления национального самосознания, но этот процесс не был ни простым, ни однозначным.

Образ англичан как врагов французского королевства формировался на протяжении нескольких веков и претерпевал неизбежные мутации, причем не всегда резко отрицательные. У англичан также происходило закрепление стереотипов относительно французов, которые не изжиты и до сих пор² [8; 17]. Но порой и англичане могли восприниматься французами гораздо более лояльно, нежели французские военные, грабившие деревни и города. Как отмечал Ж. Фавье, нужно различать ненависть к англичанину и враждебность по отношению к английскому солдату [17, с. 453].

Для англичан разделение на «своих» и «чужих» в силу того, что именно они вторглись на континент, а Англия не подвергалась в этот период нападению извне, было более четким и определенным, но отношение к чужакам жителей Франции, чья территория оказалась разделенной на части, было неоднозначным. Заметим, что мы называем население «французским», исходя из современного знания, хотя само понятие «французский» не было достаточно устойчивым в этот период. Что означало быть французом? Л. Гринфельд утверждает, что быть французом в конце Средневековья означало быть особенно ревностным христианином [2, с. 94]. Если этот тезис рассматривать как оппозицию христианин – не христианин, она заслуживает внимания. Равно как и вопрос идентификации по религиозному признаку в условиях войны с англичанами – также христианами, но нарушающими христианские заповеди, т.е. тем самым ставящими себя вне рамок христианской этики, заслуживает особого анализа.

² В частности, можно назвать сравнительно недавно вышедшую на русском языке книгу Стефана Кларка «Англия и Франция: мы любим ненавидеть друг друга», в которой достаточно красочно и не без иронии описывается многовековая история англо-французских противоречий [8]. Французский медиевист Эммануэль Бурассен в книге «La France anglaise 1415–1453. Chronique d'une occupation» подчеркивает, в частности, что «мы говорим не об оккупации, а именно о господстве» (domination), о том, что англичане бок о бок с французами проливали свою кровь во время Второй мировой войны и что это братство по оружию будет всегда связывать два народа, что воспоминание о прошлых разногласиях французов и англичан будут не горящим факелом, но воскрешением страниц Истории. Э. Бурассен высказывал пожелание, чтобы все это помогло лучше понять и узнать, как жили простые люди со своими бедами и надеждами, когда с 1417 г. по 1453 г. англичане господствовали на половине территории Франции [22]. Такая щепетильность и тщательность в подборе выражений свидетельствует о том, что оценка событий многовековой давности до сих пор могут вызывать взаимные упреки и переживания.

В этой связи правомочно также поставить вопрос определения национальной идентичности в городской среде, которая была мультиэтничной и социально неоднородной, что могло порождать присущие именно этой среде особенности мировосприятия и самоидентификации. Горожанин был, скажем, не нормандцем, лимузенцем или пикардийцем, а прежде всего «парижанином», «руанцем» и т.д., хотя и сохранявшим в условиях города связь с земляками и своими традициями.

Обратимся к так называемым «journal» – записям личного характера, обычно переводимым как «дневники». Это хорошо известный «Дневник Парижского горожанина» («Дневник парижского буржуа») – «Journal d'un bourgeois de Paris pendant la guerre de Cent Ans, 1405–1449» [24] и записи секретарей Парижского Парламента Николя де Бая (1400–1417) [25] и Клемана де Фокамберга (1417–1435) [26], которые условно также называют дневниками.

Нами взят небольшой временной отрезок: 1415–1422 гг., включающий битву при Азенкуре, поражение Франции в которой произвела на современников ошеломляющее впечатление, подписание мира в Труа (1420 г.), статьи которого содержали условия объединения двух королевств, и пришедшую на этот период смерть обоих королей, Карла VI Валуа и Генриха V Ланкастера. Другими словами, этот отрезок можно было бы определить как «хронотоп», т.е. ситуацию, когда события и люди объединены общими территориально-временными координатами, а события и явления, понимаемые и отображаемые в определенном культурном коде, имеют своеобразное отражение и в коллективном сознании, и в сознании отдельных личностей. Отражение в языке культурных реалий общества интересно еще и потому, что в рамках субъективного отношения к пространству и времени проявляются типологические черты восприятия национального сообщества, к которому принадлежит отдельная личность [14].

В этот сложный период в наиболее уязвимом положении оказался Париж, жителями которого были авторы всех трех дневников – и это важный момент в анализе позиции авторов. Договор в Труа, как известно, являлся попыткой создания двойной монархии – франко-английской. При этом отметим, что, оценивая договор, одни историки полагают, что соглашение означало подчинение Франции Англией, иные – Англии Францией, но акцент все-таки делается при этом на независимом статусе обеих стран [13, с. 324]. Попытка эта была обречена на провал именно потому, что не учитывался и, скорее всего, просто еще не мог быть объективно выраженным уже имевший место процесс формирования двух наций. В нем размежевание по всем параметрам было ключевым историческим моментом, что отчасти все-таки отразилось и в самом

тексте Договора в Труа, где специально оговаривалась невозможность соподчинения обычаев, законов и правил одного королевства таковым другого королевства³ [12, с. 17; 13, с. 325–326]. Более того, в 1420 г. английский парламент потребовал от Генриха V подтверждения статута 1340 г., в котором указывалось, что ни королевство Англия, ни его подданные никогда не попадут в подданство или подчинение королей Франции. Это, по мнению Е.В. Калмыковой, свидетельствует о достаточном зрелом национальном чувстве английского народа, опасавшегося объединения двух королевств [5, с. 86].

Среди множества факторов, оказывавших наиболее сильное влияние на формирование представлений людей (чувственный опыт как основа формирования понятий) в том, что касается отношения к «своим» и «чужим» в смысле принадлежности к определенной национальной (этнической) общности, выделим наиболее очевидные и те, что играли в этот период наиболее важную роль. При этом следует отметить то, что эти факторы могли быть более значимыми в одной ситуации и в один временной отрезок, но терять свое влияние – в другой.

Фактор территориально-географический. Франция для авторов дневников – понятие не слишком четкое, тем более что в этот период территория страны была разделена на несколько частей: часть, захваченная англичанами (Франция Ланкастеров или «английская» Франция); «французская» Франция (Иль-де-Франс) и Франция дофина Карла (в будущем – Карла VII). Нужно учитывать и существование «местного патриотизма», когда свой город, своя местность, своя деревня становились центром макромира. Особенно ярко такая позиция проявлялась у парижан. Имеется в виду не только отчужденное или порой настроенное отношение к выходцам из разных регионов Франции или других стран, но и отстраненное отношение к людям из пригородов Парижа. Чужими становились все, кто был не из Парижа, затем те, кто жил на других территориях Франции, совсем чужаками были иностранцы, но англичане как военный противник занимал особое место в этой иерархии. По мере удаленности от тех регионов Франции, куда вступили англичане, а, следовательно, и от чинимых ими преступлений, смягчалось и отношение к ним.

³ Это предполагаемое объединение скорее было политическим решением, больше существовавшим в умозрении английской политической верхушки. О.И. Нуждин указывает на набирающие силу процессы формирования двух наций. Термин нация впервые фиксируется в начале XIV в. в формуле: «нация Англии есть англичане все вместе», а не французы или кто-то еще. В официальных документах в названном смысле термин стал использоваться с 1336 г., что не сближало, а, скорее, разводило два народа [12, с. 17].

Англичане, конечно же, не были «своими». Однако благодаря тому, что уже на протяжении нескольких веков английский король владел обширными территориями во Франции как вассал французского короля, он все-таки не воспринимался в контексте средневековых реалий как абсолютно «чужой», а его подданные – пока они находились на своем острове – также не вызывали резко отрицательных коннотаций. Тем более следует иметь в виду и то, что люди Средневековья определяли свою общность, в том числе, и в осознании себя подданными своего короля, чья власть распространяется на определенную территорию, которая и есть «Франция».

«Франция» автора «Дневника Парижского горожанина» – это, как отмечает Колетт Бон, территории, включение которых в это понятие зависит от конкретного политического расклада [24, с. 475]. Судя по упоминаемым им на протяжении всего дневника населенным пунктам и областям, территория королевства Франция включала, прежде всего, земли Парижского бассейна, Нормандию (которую автор все-таки считает исконно французской, но временно потерянной), даже земли герцога Бургундского и земли «Буржского короля» – дофина Карла [Там же, с. 474–475]. Но четкого определения того, что представляет собой в географическом плане «королевство Франция», мы все-таки не найдем. Отчасти это связано и с объективной политической ситуацией, и с характерным для этого периода истории восприятием географического пространства, знание о котором складывалось не только (а зачастую и не столько) благодаря личному опыту освоения этого пространства, но и культурной традиции, и особенностям получения информации в этот период. «Ментальная карта» человека как субъективное внутреннее представление об окружающем его пространстве оказывалось тесно связанным с социальными категориями [3]⁴. Горожане, и, в частности, парижане, чувствовали себя в границах своего города – за стенами и закрытыми воротами – в большей безопасности. Это было их пространство, внутри которого они ощущали себя защищенными [10]. Но очень часто сами парижане были выходцами из других областей Франции, поэтому в их сознании приверженность традициям своего родного угла (своей *patria*) сочеталась с осознанием себя частью

⁴ Особенностью осмысления пространства было соотнесение человека не столько с чисто физическими свойствами пространства, а скорее с социальными категориями, которые являются продуктами присущей обществу культуры (самонидентификация, власть).

городского организма Парижа, нивелирующего этнические и областные особенности [15, с. 436–445]⁵.

Очередное вторжение англичан во Францию в 1415 г. закончилось битвой при Азенкуре 25 октября (местечко, находящееся в более чем 200 км от Парижа). Битву «Парижский горожанин» не описывает, но до него дошли слухи, которые он беспристрастно излагает [24, р. 87–89]. Далее автор перечисляет имена знатных, взятых в плен и погибших, заключая, что «никто от рождества Христова не брал столько пленных во Франции, ни Сарацины, ни другие...»⁶ [Там же]. Правда, он все-таки оценит значимость для королевства потерь в битве при Азенкуре. Когда Парижу станут угрожать англичане, в его дневнике за 1419 г. появится запись о том, что англичане взяли Понтуаз – почти пригород Парижа, находящийся менее чем в 30 км от столицы и, по рассказам очевидцев, бесчинствовали так, что вызывали ужас у христиан больший, чем сарацины⁷ [24, р. 144].

Пока английские солдаты были далеко от Парижа, они не вызывали у автора дневника резко отрицательных эмоций. Но стоило им начать угрожать непосредственно Парижу и парижанам, как тон изложения меняется. Отношение к городу Парижу – предмету забот автора «Дневника Парижского горожанина» – во многом предопределяет деление на «своих» и «чужих». Все, что во вред Парижу, вызывает у него однозначную реакцию: так могут поступать только враги, т.е. не «свои».

⁵ Даже учитывая тот факт, что они ощущали себя прежде всего уроженцами определенной территории – *nation* (одно из значений, которое слово имело в период Средневековья, наряду со значением «люди (народ), имеющие связи благодаря тому, что живут на одной территории, объединены общностью происхождения и языка»), городская среда сглаживала их региональные особенности и в определенном смысле унифицировала людей. Понятие «*nation*», наряду с правовыми, а значит – политическими импликациями, имело благодаря своей персональности еще и определенное аффективное значение, которое подтверждалось и усиливалось за счет привязки к *patria*, потому что и это понятие больше, чем, например, *regnum* или *gens* подчеркивало внутреннюю и личную связь индивида с его личным «отечеством» [6, с. 291–295; 15, т. 2, с. 366–460].

⁶ «Item, le 20 jour dudit mois insuivant, les seigneurs de France orient dire que les Anglais s'en aller par la Picardie, si les tint monseigneur de Charolais si court et de si près qu'ils ne purent passer par où ils cuidaient. Adonc allèrent après tous les princes de France, sinon 6 ou 7, et les trouvèrent en un lieu Azincourt, près de Rousseauville; et en ladicte place, le jour Saint-Crépin et Crépinien, se combattirent à eux; et étaient les Francais plus la moitié qu'Anglais, et si furent Français déconfits et tués, et pris des plus grands de France... Oncques, puis que Dieu fut né, ne fut faite telle prise en France par Sarrasins ni par autres...».

⁷ «Nous sommes de Pontoise qui a été ...prise des Anglais... et puis ont tué, navré tout ce qu'ils ont trouvé en leur voie, et bien se tient pour bienheureux qui put échapper de leur main, car oncques Sarrasins ne fir pis aux chrétiens qu'ils font».

Но и жителей близлежащих городов – «не парижан» – он мог воспринимать как «чужих», но без возможной враждебной составляющей [9].

Проявлений такого местного «патриотизма» практически нет в дневниках де Фокамберга и де Бая. Они, будучи секретарями Парламента, служили прежде всего интересам королевства и строили свое поведение сообразно интересам Короны и Парламента⁸, вероятно, опасаясь на страницах официальных протоколов, где они делали свои личные записи, высказываться очень резко и нелицеприятно по отношению к англичанам или к кому бы то ни было [18, p. 299]. Они, разумеется, понимали разницу между французами и англичанами как разными народами, а также то, что англичане – враги королевства. Однако видеть в этом четкую гражданскую позицию не стоит. Главным для них были интересы Короны (король и королевство), патриотизм не был присущ парламентской среде [Там же; 26, t. I, p. 133].

Проведенный исследователями анализ понятий «*natio*», «*gens*», «*populus*», «*patria*» применительно к проблеме формирования наций показал, что понятия «*natio*» и «*patria*» имеют тонкие различия: «если *nation* (у каждого своя, личная) связывалась с географическим происхождением, то тогда это понятие перекликалось с *patria*. Под ним часто – но не всегда – подразумевался родной город человека со всей округой (*civitas*)» [15, т. 2, с. 426]. Постепенно наряду с малой *patria* – местом рождения, «родиной», появилась и обрела приоритет большая *patria* – «отечество» т.е. страна, в которой человек родился⁹. В Средние века во Франции, считает Колетт Бон, французы – *nation France* – представлялись чистокровными по происхождению (*une race pure*), а других, чье происхождение было смешанным – англичан или бургиньонов – высмеивали [21, p. 103–104]¹⁰.

Фактор этнокультурный. Помимо проживания на одной территории люди идентифицируют себя с теми, кто говорит на одном с ними языке, и дистанцируются от тех, кто говорит на языке чужом. Язык как средство коммуникации в то же время является и выражением картины мира

⁸ Любопытно, что издатели текста источника слово «Король» написали с заглавной буквы, но, как об этом можно судить по выложенным на сайте Национального архива Франции некоторым страницам дневника Клемана де Фокамберга, это все же не соответствует действительности. У него написание слова «король» – со строчной буквы (http://www.culture.gouv.fr/public/mistral/caran_fr?ACTION=CHERCHER&FIELD_1=REF&VAL_UE_1=03870).

⁹ «Рождение и родина, равно как и сохранившийся античный мотив смерти за отчину, на все последующие века срослись с понятием «нация», которое сильнее всех прочих выражало групповую солидарность и отличие от своих и чужих» [15, т. 2, с. 427].

¹⁰ «...ceux qui n'avaient que d'origine mêlées et bâtardes, comme les Anglais ou les Bourguignons».

носителя языка. В этом смысле создание человеком текста – нарратива – является проявлением социальных, этнокультурных черт личности.

Представляется обоснованным считать, что проявлением «языковой личности»¹¹ [4, с. 28] (его картины мира) в анализируемых текстах будет являться прежде всего то обстоятельство, что они написаны на французском языке. Исследователи отмечают, что если говорить, например, об английском языке как об одной из основных характеристик формирования английской нации, то этот процесс уже к XV в. достиг того уровня, что на английском писались не только политические документы, но и хроники. Клеман де Фокамберг указывает прямо по поводу писем от короля Англии, написанными им после договора в Труа с требованием принести клятву в соблюдении этого договора, что французский язык, на котором были написаны письма, трудно понять [26, т. I, р. 366–368]. Возможно, Клеман де Фокамберг хотел подчеркнуть, что даже король Англии, претендующий на то, чтобы быть еще и королем Франции, не владеет языком завоеванной им страны, тем самым де Фокамберг высказал свое неприятие договора в Труа. Однако хорошо известно, что французский довольно долго использовался английской аристократией и был языком официальной документации. Это можно расценивать именно как акт неприятия англичан, поскольку французский язык, как отмечает С. Лузиньян, все же оставался языком английского короля вплоть до начала XV в., а языком права до 1731 г., и поэтому упрекнуть английского короля в незнании французского языка затруднительно¹² [27]. Правда, это была уже иная «ветвь» французского письменного языка, которую можно было бы назвать англо-нормандская или англо-французская. Король и его двор продолжали использовать как раз этот англо-французский язык, у которого были свои особенности. Английский язык до начала XIV века оставался

¹¹ Широко используемое в лингвистической антропологии понятие, которое подразумевает несколько уровней абстракции: а) личность как индивидуум и автор текстов, обладающий «своим характером, интересами, социальными предпочтениями и установками»; б) личность – совокупный или усредненный носитель языка, типовой представитель данной языковой общности и более узкого входящего в него коллектива; в) личность как представитель человеческого рода вообще. Термин «языковая личность» входит в группу основных понятий самого молодого ответвления этнолингвистики – лингвокультурологии. Лингвокультурология изучает взаимоотношения языка и трех базовых идентифицирующих элементов любой нации – культуры, этноса и национального менталитета. Под речевой личностью понимается человек, специфические поведенческие стереотипы которого определяются его принадлежностью к данному этносу [14].

¹² Интересный и показательный факт: в декабре 1418 г. Генрих V отправил во Францию послов, которые требовали переводчика, намеренно подчеркивая незнание французского языка. Е.В. Калмыкова отмечает, что в ходе Столетней войны французский язык, знакомый и привычный для большинства английских феодалов, стал ассоциироваться с врагами Англии [6, с. 277–278].

языком простонародья, но уже выступал средством идентификации тех, кто не считал себя французами. Исследователями высказывается идея, что французский язык английской аристократии мог сохраняться еще и в качестве дополнительного фактора легитимизации претензий на французский престол. Однако уже Генрих V, использовавший в начале своего правления французский и латынь, затем (после Азенкура) до конца своего царствования использовал английский язык [6; 7; 27].

Вероятно, хотя и с оговорками, можно говорить о том, что язык уже в этот период выступает фактором идентичности, хотя не все исследователи разделяют эту точку зрения. Французы отделены от англичан еще и потому, что они говорят на разных языках. Более того, на территории оккупированной Нормандии представители английских властей обязаны были разговаривать с местным населением на французском языке, а не навязывать английский [1].

Дефиниции «французы» и «англичане» противоположны у всех авторов. Однако если «англичане» – это люди, говорящие на чужом языке, пришедшие на землю Франции из-за моря, сторонники английского короля, то с понятием «французы» дело обстоит не так просто. Для «Парижского Горожанина» (как сторонника герцога Бургундского) французы и арманьяки – дефиниции политические, а не этнические – зачастую выступают синонимами. И поэтому французы в данном случае могут считаться врагами. Он не называет их врагами открыто, и это следует подчеркнуть. Свое негативное отношение к сторонникам графа Арманьяка и к дофину Карлу, чьи интересы они отстаивали, автор выражает иначе: говорит о них как о *ceux qui disaient Français* («тех, кто говорит по-французски»). Он вообще склонен несколько отстраненно говорить о «французах», при этом себя он никогда не называет французом, поскольку в его самоидентификации социально-корпоративная принадлежность превалирует, равно как и статус парижанина. Порой трудно понять, жителей каких территорий он именуется французами. Скорее, «французы» у него ассоциируются с подданными короля Франции. В период с 1415 по 1420 гг. слово «французы» встречается в его дневнике всего два раза. Первый – в рассказе о битве при Азенкуре. Второй – в записи от 1417 г. Под французами здесь имеются в виду арманьяки¹³ [24, р. 103]. Граф Арманьяк, по его словам, такой же жестокий человек,

¹³ «И правда то, что некие люди, пришедшие в Париж из Нормандии, спасались от Англичан из-за поборов или по другим причинам, затем были захвачены Бургинонами, а потом за лье или что-то около того взяты Французами, которые с ними обошлись так же жестоко и тиранически, как Сарацины...».

каким некогда был Нерон¹⁴ [24, р. 112]. Как видим, на данном этапе осознание себя подданным французского короля не всегда совпадает с определением «француз». Таким образом, в этот период (и даже гораздо позднее) у «Парижского Горожанина» французы (арманьяки) вполне могут быть сравнимы с англичанами – врагами [17, с. 358]¹⁵.

В более ранний период, когда военное противостояние с англичанами не было так остро, вопросы взаимного восприятия французов и англичан не принимали жесткие формы, как в период с 1415 г. и далее. Так, автор «Chronique parisienne anonyme du XIV^e siècle» (1319–1339 гг.) – предположительно парижский буржуа, ясно понимая разницу между французами (*Franchois, nacion franchoise*) и англичанами (*Anglais, nacion d'Engleterre*), а также другими иностранцами (*gens d'etranges nations*), не выказывает чувства отторжения по отношению к англичанам. Более того, из его записей становится ясно, что браки между англичанами и французами не являлись чем-то из ряда вон выходящим и были делом обычным, а конфискационные действия по отношению к англичанам воспринимаются им как недостойные короля и его Совета: “et ainsi fut il fait contre droit escript et bonne foi... au grant honte du roy de France et son conseil”¹⁶ [23, р. 105–107], чего уже не было в период войны [5, с. 38].

К. Бон отмечает в связи с вопросом о становлении нации во Франции в XIV–XV вв., что постепенно, довольно медленно, но французский язык (хотя между 1300–1500 гг. и наблюдалось возвращение к латыни в русле развивающегося гуманизма) приобретал качество «одного из сакральных языков, на котором было написано Священное Писание» [21, р. 111]. Более того, говорить на французском языке означало также и противопоставление себя англичанам [Там же, р. 111–112].

Во время Столетней войны французский язык все более приобретал качество языка национального, объединяющего всех подданных французского королевства.

¹⁴ “Item, en ces jours ...prenait-on les Armagnacs par tout Paris et hors Paris. Entre lesquels furent pris plusieurs grands de renom et très mauvais courage, comme Bernard d’Armagnac, connétable de France, aussi cruel homme que fut oncques Néron...”

¹⁵ Затруднительно все-таки в этой связи согласиться с С.К. Цатуровой, которая пишет по поводу позиции Парижского Горожанина, что у него «французы, т.е. люди Карла Валуа, нередко названы врагами» [18, с. 358]. В том-то и дело, что Горожанин четко и определенно не называет их врагами, как он это делает по отношению к англичанам. Это, скорее, им подразумевается. Колетт Бон, комментируя текст дневника, указывает, что Горожанин впервые в 1436 г. ставит знак равенства между французами и арманьяками, но опять-таки определение «враги» он не использует [24, р. 344].

¹⁶ «И было это совершено против писаного права и против доброй веры... и к великому стыду короля Франции и его Совета...».

Фактор конфессиональный. Этот фактор трудно рассматривать как определяющий, но все-таки его также нельзя не учитывать. И англичане, и французы – христиане. Авторы практически не показывают своего неприятия англичан как врагов по вере, как это было бы в случае с мусульманами. Во взаимной пропаганде своего преимущества французы, правда, говорят о том, что их король – самый «христианнейший» король, т.е. можно предположить, что английский король уступает французскому королю в этом смысле. Это именование распространилось не только на короля, но и на его подданных. и на всю территорию королевства. Тем самым подчеркивалась богоизбранность королевства Франции, что также использовалось в качестве аргумента в противостоянии англичанам¹⁷ [20, р. 207–229].

«Парижский Горожанин» сравнивает англичан и арманьяков с сарацинами-мусульманами, желая подчеркнуть их жестокость, несообразную с христианским милосердием, поэтому арманьяки-французы становились «чужими», они воспринимались уже не как христиане, не говоря уже об англичанах, которые также убивали своих братьев по вере, т.е. были, по сути, врагами и «другими», «не своими». Однако речь идет, скорее, об отрицательных коннотациях, а не о четких определениях.

Если война воспринималась англичанами как справедливая, поскольку английский король, как это представлялось, отвоевывал земли, принадлежащие ему по праву [6, с. 28–61], то для французов война была наказанием за грехи. Наказание за грехи в контексте средневековых представлений – это следствие отхождения от заветов Христа. Дьявол воспринимался как «чужой», и в этом смысле англичане – последователи дьявола, т.е. чужие. Но это касается и политической партии арманьяков, которые, хотя и были французами, но действовали во вред Франции, и в указанном выше смысле были врагами¹⁸.

Фактор политический. Он наиболее показателен. Клеман де Фокамберг объединяет англичан с другими «старинными врагами королевства» [26, т. II, р. 133, 289], ему вторит и Николя де Бай, говоря об англичанах как о «врагах королевства», хотя первый – сторонник бургиньонов, а второй – арманьяков. Николя де Бай, в частности, упоминает в 1416 г. о процессе против магистра искусств и медицины, бакалавра теологии

¹⁷ Со времени царствования Карла V (1364–1380) титулование «христианнейший» прочно закрепилось за королями Франции, хотя до середины XIV в. использовалось папским престолом и в обращении ко всем суверенам Европы. Впрочем, и англичане в период Столетней войны изображали своих монархов превосходящими по всем своим качествам других христианских государей [6, с. 300].

¹⁸ Примечательно, что и англичане, сражаясь с врагами, полагали, что именно они – Христово воинство, а противник – дьявольское [6, с.301].

Жана Фюзори, каноника собора Нотр-Дам, который «поддерживал [англичан] и советовал королю Англии и англичанам против общего блага королевства [Франции]»¹⁹ [Там же, р. 237–238], и это квалифицировалось как *crime de lèse magesté*, т.е. преступление против короля и королевства [25, т. II, р. 238], одно из самых тяжких, но в записи де Бая – лишь констатация факта. Никакого осуждения или даже просто резких слов в записях обоих секретарей в адрес англичан мы не найдем, они оба весьма сдержаны. Отношение же к англичанам у Горожанина менялось не просто в зависимости от политической конъюнктуры, но, будучи крепко связанным с чувством «местного парижского патриотизма», с уважительным отношением к верховной власти в целом. Вероятно, этим можно объяснить весьма терпимое отношение к заключенному в 1420 г. в Труа мирному договору, в соответствии с которым английский король Генрих V должен был наследовать французский трон после смерти Карла VI – короля Франции. Это вызвало недоумение, но не более того. Для автора «Дневника Парижского Горожанина» авторитет короля Карла VI безусловен, а его неприятие дофина Карла, будущего Карла VII, заканчивается вместе с его коронацией.

Можно условно выделить несколько этапов в изменении позиции «Парижского Горожанина» при разграничении политических врагов и друзей, в которой англичане могли занимать разные положения в зависимости от политической конъюнктуры. Разумеется, его личные приоритеты не означают позицию всех, но ее, возможно, можно считать показательной для определенных социально-политических кругов Парижа.

1. Сдержанно негативное, когда англичане находятся далеко от Парижа; англичане – «чужие», «исконные враги Франции», но «далекие чужие».

2. Англичане ассоциируются с сарацинами – безусловными «чужими» (не христианами), чьи злодеяния даже хуже, чем у сарацин, поскольку они подошли слишком близко к Парижу, разоряя округу.

3. После мира в Труа (1420 г.), заключенного между королями Англии и Франции, – фактическое признание короля Англии в качестве верховного сеньора; англичане – условно «свои» [17, с. 462]²⁰. Любопытна отмеченная Е. Калмыковой особенность: в качестве ключевых компонентов для определения принадлежности к тому или иному народу

¹⁹ «...ledit Fusori avoir favorisé et conseillé le roy d'Engleterre et Anglois contre le bien public de royaume...».

²⁰ Жан Фавье отмечает, что «Парижский Горожанин» считает французами и подданных английского короля Генриха VI, поскольку он – законный король (по договору в Труа), а сторонников дофина Карла до освобождения Парижа от англичан он называл предателями-арманьяками, т.е. по сути врагами.

принимались во внимание место рождения, место проживания и подданство. Перемена подданства, а также места жительства могли привести к смене национальной идентичности. Кроме того, за «этнической характеристикой» стояло указание на политическую лояльность, отсутствие которой во время войны воспринималось как смена национальной идентичности (например, запрет на заключение браков между французами и англичанами) [5, с. 36–38].

4. Явно отрицательное отношение после признания Карла VII легитимным правителем (коронация в 1429 г.). Англичане однозначно воспринимаются в качестве врагов Франции. Связь самоидентификации по подданству и формирование идентификации по «национальности» представляется очевидной.

Политические колебания были неизбежны и во многом зависели от того, насколько пострадали от военных конфликтов местности и города. Париж больше пострадал во время захвата его арманьяками в 1413 г., чем от англичан. А вот для жителей Юга понятия «англичанин» и «грабитель» были синонимами [17, с. 466]. Соглашательская позиция зачастую не означала позицию антигосударственную (антикоролевскую), это скорее был вопрос выживания.

Действительно, идентификация средневекового человека происходила прежде всего по социальным, корпоративным, религиозным параметрам, а не по «национальным» (этническим). Столетняя война, как заметил Ж. Фавье, была не только войной между Францией и Англией, но включала и побочные военные конфликты, которые также сопровождались разорением и кровью [Там же, с. 464], втягивали в себя большое количество людей и регионы. Это также влияло на индивидуальное и коллективное сознание.

Фактор корпоративный. Своеобразная «политкорректность» по отношению к англичанам со стороны чиновников Парламента, де Бая и де Фокамберга, продиктована, прежде всего, тем, что они оба принадлежали к парламентской корпорации. Пользуясь определенными социальными привилегиями, замкнутые в кругу своих обязанностей, нацеленные на укрепление своего исключительного положения в социальной системе, ревниво оберегавшие свои ряды от проникновения чужаков, они действовали в русле парламентских интересов, даже если их личные взгляды с ними и не совпадали [18]. «Парижский Горожанин», тесно связанный с университетской корпорацией, со многими богатыми парижскими буржуа, напротив, очень живо переживает происходящее, переживает за «своих»: богатых буржуа, адвокатов, людей Университета. Но и остальные жители Парижа – тоже «свои». Однако, как показывает анализ источника, эти связи в целом оказывались

гораздо более слабыми, чем корпоративные. Этот фактор можно назвать скорее «разъединяющим», нежели «объединяющим».

Фактор информационный. Стоит говорить, по крайней мере, о нескольких источниках, формировавших в этот период, если и не общественное мнение, существование которого в этот период вопрос спорный, то мнение разных групп населения по отношению к политическим противникам²¹. Имеются в виду и распространявшиеся в Париже слухи, порочившие ту или иную сторону, и пропаганда, направленная против англичан, в виде трактатов и стихов, в которых клевета перемешивалась с призывами к победе и поддержке короля. Особенно действенны в этом смысле были описания зверств, учиненных англичанами и арманьяками. В «Дневнике Парижского Горожанина» довольно часто говорится о таких ужасах, хотя сам автор вряд ли был их свидетелем. Англичане, равно как и арманьяки (противники уважаемого им герцога Бургундского, чьим сторонниками были многие парижане), согласно его мнению, всегда совершают преступления по отношению к жителям Парижа, ко всему Французскому королевству, следовательно, они злейшие «враги». Благо королевства, короля и благо Парижа для Парижского Горожанина идут рука об руку, и, если король и его приближенные игнорируют Париж, его это оскорбляет.

Примечательна в этом отношении позиция нормандского поэта Оливье Басселена, чья деятельность пришлась на период гораздо более поздний – середина XV в. Басселен открыто с оружием в руках боролся против англичан в партизанском отряде и погиб в стычке с ними. Он, воочию видевший свой разоренный край и бесчинства английских военных отрядов, призывал к вооруженному сопротивлению им, обращаясь к подданным французского короля – тем, кто, по его словам, «любит короля Франции:

*Entre vous gens de village
Qui aymés le roy François
Prenez chascun bon courage
Pour combattre les Anglois²²*

[28, p. 300–302]

²¹ Разумеется, были и другие способы воздействия на сознание населения: политические памфлеты, чтение королевских прокламаций глашатаями, церковные проповеди, а в Англии – еще и помещение «программных изображений» на печатях и монетах [7, с. 81]. Что же касается «общественного мнения», то П. Уваров считает, что «оценка и была, собственно говоря, общественным мнением, которое, в свою очередь, и привело к некоторым изменениям в коллективных представлениях» [16, с. 182].

²² «Среди вас, людей деревенских, которые любят французского короля, пусть каждый отважится сразиться с англичанами...».

Быть нормандцем и быть подданным французского короля для него вещи, не противоречащие друг другу. Идея подданства и верности французскому королю сопряжена с идеей борьбы за свою родину [1].

Подводя итог, мы вправе сказать, что противопоставление англичан и французов в качестве «своих» и «чужих», чьи интересы чаще всего не совпадают, не всегда абсолютно, поскольку при определенных политических условиях и англичан вполне можно было признать за «своих». Нечетко выраженный у анализируемых авторов этнический (национальный) фактор не играл определяющей роли, уступая факторам политическому и корпоративному, что связано с их специфическим положением и статусом. Однако этот фактор, отделявший французов от англичан, все же уже был частью индивидуального и коллективного сознания (менталитета), влияя вкуче с другими факторами на формирование национального самосознания.

Авторы «дневников» – парижский буржуа (Парижский Горожанин) и оба королевских чиновника были свидетелями событий одного из сложных этапов Столетней войны: очередного вторжения англичан, выигрывавших битву при Азенкуре в 1415 г., попытку создания двойной монархии в 1420 г., т.е. фактически угрозу потери Францией политической независимости. Правда, Николя де Бай не дожил до времени заключения Договора в Труа, поскольку умер в 1419 г.

Оба секретаря Парламента в своих оценках отличались бóльшей терпимостью, или лучше сказать, сдержанностью по отношению к англичанам, не используя резких определений или метафор в своих «дневниках», поскольку эти записи все же не носят сугубо личного характера, хотя Николя де Бай еще вел и более свободные записи на латыни.

Таким образом, если в качестве определяющего знака процесса формирования двух наций брать отношение французов к англичанам как к врагам, как к чужим, то можно констатировать, что в этот период именно война способствовала ускоренному размежеванию двух народов. Патриотическое чувство у автора «Дневника Парижского Горожанина» без ярко выраженной этнической составляющей претерпело некоторые мутации, связанные и с меняющейся политической конъюнктурой, и с особенностью его социального положения, когда корпоративные интересы, интересы города в целом стояли на первом месте, а интересы королевства несколько уступали в приоритете. Можно также констатировать, что позиция людей менялась в зависимости от их стратегии выживания в этот период и в каждом конкретном случае могла зависеть от многих факторов. О «национальном чувстве» секретарей Парламента Клемана де Фокамберга и Николя де Бая говорить также

не приходится: их самоидентификация как «французов» не проявляется, она поглощена их идентификацией как «офицеров власти» [18]. Это особенно характерно для периода формирования национального государства, когда национальное чувство еще не сформировалось и не проявило себя в достаточной мере: на первый план выходили соображения иного порядка.

Но уже в XVI в. в пору гражданских войн образ «чужого» совпадал с образом врага, более того, «чужой» – это, как правило, иностранец. Даже законный король вызывал подозрения, если он активно сотрудничал с чужестранцами [19].

Понятия «национальное чувство» и «национальное самосознание» в указанный период еще не сформировались в достаточной степени. Осознание себя французами было тесно связано с осознанием себя подданными короля Франции и верности ему, а, следовательно, и королевству Франция. Равно как и для тех, кто считал себя англичанами, идентификация по подданству королю Англии была решающей [5; 6]. «Свои» и «чужие» маркировались чаще не по этнической, а по политической и социальной шкале соответствия, хотя фактор языка начинал играть важную роль. Не всегда успешная деятельность королевской власти в различных сферах (политической, социальной, правовой, военной) в конечном итоге была направлена на защиту интересов жителей всего королевства. Королевская власть во Франции явилась той силой, которая смогла помочь французам осознать себя не только подданными короля, но людьми, принадлежащими к одной нации, независимо от места проживания и социальной принадлежности. За ней как гарантом единства уже в XIII в., по мнению исследователей, был виден отдельный и единый народ, шел процесс оформления понятия «отечество» (*patrie*), совпадающего с «Францией», и соответствующей ему «нации» (*nation*). Правда, процесс этот был длительный и противоречивый. Однако в период Столетней войны именно «культ династии и символа короны был выражением национального чувства, распространявшегося уже на всю Францию» [15, т. 2, с. 439–441].

Библиографический список

1. Бароне А.В. «Английская Нормандия» первой половины XV века: путь во Францию: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
2. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности / Пер. с англ. Т.И. Грингольц, М.Р. Вирозуб. М., 2008.
3. Джаксон Т.Н. Ориентация в пространстве // Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. *Imagines mundi*. Античность и средневековье. М., 2013. С. 321–375.

4. Иванцова Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 4 (12). С. 24–32.
5. Калмыкова Е.В. «Так, народы произошли от языков, а не языки от народов» // Казус. 2014–2016. Вып. 11 / Под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. М., 2016. С. 33–51.
6. Калмыкова Е.В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М., 2010.
7. Калмыкова Е.В. Официальная пропаганда английской внешней политики в XIV–XV вв. // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория, символика, церемониал. М., 2004. С. 81–113.
8. Кларк С. Англия и Франция: мы любим ненавидеть друг друга / Пер. с англ. И. Литвиновой. М., 2012.
9. Кузьмина М.В. Представление о «своих» и «чужих» в «Le Ménagier de Paris» (конец XIV в.) и в «Journal d'un bourgeois de Paris» (1-я пол. XV в.) // Проблемы исторического познания. М., 2011. С. 118–125.
10. Лазарев А.В. Ментальные карты Парижа XV–XVI вв.: восприятие городского пространства // Город в Античности и Средневековье: общеевропейский контекст: Доклады международной научной конференции, посвященной 1000-летию г. Ярославля. Ч. I. Ярославль, 2010. С. 116–124.
11. Лучицкая С.И. Образ другого. Мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001.
12. Нуждин О.И. Проблема объединения английской и французской нации во Франко-английском королевстве (1420–1435 гг.) // Научный диалог. 2012. Вып. 4: История. Социология. Культурология. Этнография. С. 10–22.
13. Нуждин О.И. Договор в Труа 1420 г.: причины, условия, последствия // Античная древность и средние века: Сб. науч. тр. Вып. 32. Екатеринбург, 2001. С. 318–327.
14. Седых А.П. Этнокультурные характеристики языковой личности (на материале французской языковой личности): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005.
15. Словарь основных исторических понятий. Избр. ст. в 2-х т. Т. 2 / Пер. с немецкого К. Левинсон; Сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле. М., 2014.
16. Уваров П.Ю. Париж в XV столетии: события, оценки... общественное мнение? // Одиссей. М., 1994. С. 175–193.
17. Фавье Ж. Столетняя война / Пер. с франц. М.Ю. Некрасова. СПб., 2009.
18. Цатурова С.К. Офицеры власти. Парижский Парламент в первой трети XV века. М., 2002.
19. Эльфонд И.Я. Образ «чужого» в политической идеологии и пропаганда Франции эпохи гражданских войн // Культурные связи в Европе эпохи Возрождения. М., 2010. С. 174–182.
20. Beaune C. Naissance de la nation France. Paris, 1990.
21. Beaune C. La notion de la nation en France au Moyen Âge. *Communications*. 1987. Vol. 45. Pp. 101–116.
22. Bourassin E. La France anglaise 1415–1453. Chronique d'une occupation. Paris, 1981.
23. Chronique parisienne anonyme du XIVe siècle. Par A. Hellot (éd.). Nogent-Le-Rotrou, 1884.

24. Journal d'un bourgeois de Paris 1405–1449. Texte original et integral présenté et commenté par Colette Beaune. Paris, 1990.
25. Journal de Nicolas de Baye, greffier du Parlement de Paris (1400–1417). Publié par Alexandre Tuetey. Paris, 1885–1888. 2 tt.
26. Journal de Clément de Fauquembergue, greffier du Parlement de Paris (1417–1435). Publié par Alexandre Tuetey avec la collaboration de Henri Lacaille. Paris, 1903–1915. 3 tt.
27. Lusignan S. La langue des rois au Moyen Âge en France et en Angleterre. Paris, 2004.
28. Recueil de chants historique français depuis XIIe siècle au XVIII siècle avec des notes et une introduction par Leroux de Lancy. Première série XIIe–XVe siècles. Paris, 1841.

Кузьмина Маргарита Владимировна – кандидат исторических наук; старший научный сотрудник Центра истории межкультурных коммуникаций стран Запада и России, Институт всеобщей истории РАН

E-mail: kuzmmargarita@yandex.ru

M. Kuzmina

The problem of the formation of the notions:
National feeling and national consciousness
(on the French sources of XIV – XV centuries)

The article deals with the complex problem of the formation of national feeling as part of national identity, based on the concept of “fatherland” (*patria*) (on the basis of French sources of XIV–XV centuries). Since the concept is a generalization of sensory experience, numerous factors play an important role. One of these factors was the Hundred Years War, which served as a catalyst in the formation of national identity. Geographical, political, linguistic, informational, etc. – each of them in different ways and in different degrees influenced people in a specified period, either slowing or accelerating the transition from sensory perception to rational awareness of being, and, consequently, to the recognition of oneself as part of one nation, the formalization of which completed much later.

Key words: notion “Fatherland”, national feeling, national consciousness (identity) formation factors, Hundred Years War, medieval city, notion “own”, notion “alien”.

Kuzmina Margarita V. – PhD in History; senior researcher at the Center for the History of Intercultural Communication in Western Countries and Russia, Institute of World History, RAS

А.С. Маджаров

Теоретико-методологические проблемы русской историографии в трудах историков первой половины XIX в.

В статье представлены взгляды российских историков первой половины XIX в.: А.-Л. Шлёцера, А.З. Зиновьева, И.Н. Среднего-Камышева, В. Шеншина, Н.Г. Устрялова, Н.И. Надеждина, А.Ф. Федотова, Н.А. Иванова, – на основы историографии, источниковедения, методологии истории. Эти ученые стремились превратить описательное историческое знание своего времени в прагматическую (от греч. *pragma* – действие, практика) науку, заострили внимание специалистов на теоретико-методологических категориях исторического познания: цели, предмете истории, предмете историографии, исследовали специальную область исторического познания – источниковедение и проблему достоверности источника, его низшей и высшей критики, начали изучение историографии источниковедения. Обществоведы первой половины XIX в. писали об исторической закономерности, теории и методе исторического познания, пытались моделировать идеальную структуру исторического исследования, а также задумывались над спецификой русской истории, возможностью раскрыть ее с помощью сравнительно-исторического метода.

Ключевые слова: историография, методология истории, источниковедение, А.-Л. Шлёцер, А.З. Зиновьев, И.Н. Средний-Камышев, В. Шеншин, Н.Г. Устрялов, Н.И. Надеждин, А.Ф. Федотов, Н.А. Иванов.

Расширение знаний по истории отечественной исторической науки предполагает включение историографических трудов авторов первой половины XIX в. в контекст современной истории отечественной исторической мысли.

Составители книги «Взгляд на историю как на науку. Малоизвестные источники по русской историографии (первая половина XIX в.)» Р.А. Киреева и К.Б. Умбрашко переиздали ряд работ российских ученых первой половины XIX в. Публикация напомнила читателям о том, что о становлении и развитии отечественной историографии, источниковедения, о теоретико-методологических вопросах истории писали не только С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, К.Н. Бестужев-Рюмин, Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Л.П. Карсавин, но и их предшественники.

В первой половине XIX в. А.-Л. Шлёцер, А.З. Зиновьев, И.Н. Средний-Камышев, В. Шеншин, Н.Г. Устрялов, Н.И. Надеждин, А.Ф. Федотов, Н.А. Иванов приступили к изучению источниковедческой и теоретико-методологической основы исторических трудов. Они начали исследование новой для того времени отрасли исторического познания – историографии, формировали ее форму и содержание, дали оценку вкладу предшественников в освещение прошлого страны. В момент первого издания их труды не вошли в полной мере в научный оборот, остались потенциальными историографическими источниками.

Сегодня ситуация меняется. С.И. Маловичко и В.Ф. Марухин в статье, посвященной «Учебной книге по русской истории» (конец XVIII – 40 гг. XIX в.), ссылаются на труды А.З. Зиновьева, И.Н. Среднего-Камышева, обращают внимание на уровень развития «исторической критики» в историографии первой половины XIX в. [16, с. 291].

В полной мере этот пробел пытаются восполнить Р.А. Киреева и К.Б. Умбрашко. Решению задачи ознакомления с теоретико-методологическими взглядами представленных в упомянутой книге историков, вкладом ученых в развитие отечественной историографии посвящена и данная работа. Включение этих трудов в историю исторической мысли необходимо для уточнения структуры науки XIX в., направлений научного поиска, проблематики того периода, приоритетов авторства, а также для совершенствования университетских лекционных курсов «Историография», «Источниковедение», «Методология истории», адресованных студентам и аспирантам.

Итоги развития отечественной историографии XIX в. в области истории, теории и методологии исторической науки в трудах и лекционных курсах отчасти подвел В.О. Ключевский. Автор лекций по русской историографии, методологии русской истории многое сделал для познания исторической закономерности, говорил о ее значении в изучении жизни

общества, писал о предмете и методе исторического исследования [15, с. 39–44]. Правда, в дневниках, характеризуя состояние науки своего времени, признавался в том, что закономерность ускользает от логического анализа [Там же, с. 39].

Поскольку взгляды ученых первой половины XIX – начала XX вв. на отечественную историографию, источниковедение, теорию и методологию истории развивались в рамках единой (домарксистской) науки, хотя и в контексте разных научных направлений, привлечение «итоговых» историографических оценок Ключевского, адекватных уровню знаний XIX в., для квалификации текстов изучаемых историков, может способствовать уточнению их места в отечественной историографии XIX в.

Последующее внедрение в отечественную историографию доктрины К. Маркса и наступивший спустя десятилетия ее кризис дважды изменяли взгляд на историю исторической науки. Традиции дореволюционной отечественной историографии были продолжены за рубежом, в частности, в трудах Н.А. Бердяева и многих других. Но этот спектр оценок выходит за рамки данной публикации [13, с. 17–32].

А.-Л. Шлёцер о русской историографии

Академик А.-Л. Шлёцер (1735–1809) во введении к работе «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные» [14] представил, говоря современным языком, источниковедческий и историографический обзор по теме исследования. Он определил предмет историографии. «Я пытаюсь, – подчеркивал автор, – написать *историю русской истории*» [22, с. 15]. Вероятно, это было первое определение предмета историографии в отечественной литературе.

В разделе «Русские летописи» исследователь охарактеризовал труды авторов, которые обращались к «Нестору»: С. Герберштейна, Г.-З. Байера, Г.-Ф. Миллера, В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, М.М. Щербатова, Н.-Г. Леклерка, И.Н. Болтина и др.

Предваряя основной текст, Шлёцер сообщал о том, что принял решение «обработать памятники русской древности» [Там же, с. 24], опираясь на современные научные требования. Он использовал текстологические приемы, впоследствии развитые в русской историографии. «Я начал собирать списки с временников... – констатировал академик, – усмотрел чрезвычайную их разность... и с величайшим терпением начал... сличать» [Там же].

Позже Ключевский, обращаясь к творчеству Шлёцера в девятой лекции курса «Русской историографии» (курс впервые был прочитан

в 1888–1889 гг.), разошелся с высокой оценкой Шлёцера как источниковеда и историка, данной С.М. Соловьёвым (1856 г.). Правда, он также подчеркнул, что автор внес в «самородную критику» правила «надежные и полезные» [5, с. 233]. Однако в итоге заметил: Шлёцер не понял, что перед ним «лежал не Нестор и не летописец, а ученая историческая диссертация», написанная в начале XII в., Шлёцер «не уяснил... свойства... памятника и прилагал к нему приемы... не идущие» к этому источнику [Там же].

Источниковедение и историография в трудах А.З. Зиновьева

Новые для своего времени мысли о русской историографии высказал в своих работах профессор русской словесности Алексей Зиновьевич Зиновьев (1801–1884). В 1827 г. он опубликовал сочинение «О начале, ходе и успехах критической российской истории», написанное для получения степени магистра. В преамбуле работы Зиновьев подчеркнул значение зарождающейся истории исторической науки [1, с. 38].

Вслед за Татищевым, Болтиным, Шлёцером он обратил внимание на необходимость изучения проблемы «начала, хода и успехов критической российской истории» (историографии источниковедения. – А.М.) [Там же, с. 39]. Цель критики автор видел в установлении «достоверности источников», «действительности событий» [Там же]. Такая постановка вопроса не противоречила научным воззрениям своего времени, взглядам историков второй половины XIX в.

Профессор раскрыл исследовательские приемы Шлёцера как «особенный способ» писать историю», предполагающий «сличение» летописей, восстановление слов и подлинного смысла «летописателя» [1, с. 44]. Эти размышления Зиновьева продвигали вперед новую область – историографию источниковедения, раскрывали лабораторию источниковедческого исследования. Наконец, автор дал обзор трудов Шлёцера, И.-Э. Тунмана, Ф.И. Круга, Н.П. Румянцева, Х.Д. Френа и др. [Там же, с. 44, 55].

В историографическом разделе своего сочинения Зиновьев обратил внимание на тот факт, что авторы «первых опытов» по российской истории («Степенной книги», «Синописа») не имели «понятия о критике» [Там же, с. 73].

Ключевский в «Обзоре историографии с царствования Иоанна Грозного. Историография смутного времени» (1891, 1895 гг.) отмечал «зачатки историографии» уже в «Волынской летописи» XIII в. [7, с. 152]. В материалах к разделу «Историография» (1891 г.), характеризуя «Синописис» Иннокентия Гизеля (XVII в.), он заметил, что это был первый опыт «систематического изложения русской истории» [8, с. 409]. Однако

вслед за этим определением ученый поместил слова Соловьева, который характеризовал суть источника как «младенческий несвязанный лепет» [8, с. 409].

Далее Зиновьев подчеркнул значение для отечественной историографии трудов В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, Ф.А. Эмина, И.П. Елагина, М.М. Щербатова.

Касаясь «замечаний» И.Н. Болтина на «Историю» Н.-Г. Леклерка, историограф отметил, что «это был первый ученый образец исторической критики», созданный русским ученым [1, с. 77]. Об успехах «критики», по словам автора, свидетельствовала и «История» И.-Ф.-Г. Эверса (1816 г.).

Труд Карамзина Зиновьев оценил как «блистательный» [1, с. 79]. Его значение в мировой историографии, по мнению исследователя, заключалось в том, что «на попроще истории» мы догнали и опередили многих [Там же]. Эта оценка соответствовала духу времени, а в последующем и той роли, которую «История» Карамзина сыграла в русской историографии и культуре XIX в. Карамзина читали, изучали рядовые и выдающиеся историки, публицисты, писатели, художники, актеры, композиторы, в частности, С.М. Соловьёв, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, А.П. Щапов, В.О. Ключевский, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, И.Е. Репин, Г.Г. Мясоедов, В.В. Стасов, М.П. Мусоргский, Ф.И. Шаляпин и др., и это сказалось на их творчестве [14, с. 40].

И.Н. Средний-Камышев о теории исторической науки

Одновременно с работой Зиновьева, в 1827 г. на страницах «Вестника Европы» было опубликовано сочинение «Взгляд на историю как на науку», принадлежавшее перу литератора Ивана Николаевича Среднего-Камышева (1805–1860-е гг.). Автор пытался построить универсальную теорию исторического процесса. Он справедливо подчеркивал, что простое перечисление дат, имен, событий не может «возвысить историю до степени науки» [18, с. 95]. Цель своего труда Средний-Камышев видел в том, чтобы «вывести понятие об *истории* как науке», доказать, что исторические события «не цепь случайностей, но... органическое целое» [Там же, с. 98].

Формулируя концепцию исторического процесса, Средний-Камышев, ссылаясь на И.Г. Гердера, утверждал, что наличие «порядка» в пространстве предполагает существование «целостности» и во времени – в истории [Там же, с. 94]. По определению исследователя, история, «в противоположность *учению о природе*», является «произведением души» человека, «зеркалом», «в котором отражаются судьбы» людей,

а задача ученого заключается в том, чтобы понять «смысл» «истории веков» [18, с. 93, 95].

Автор, опираясь на идею соотнесенности «летописей планеты» с историей человека, провел сравнение «истории рода человеческого» с «историей жизни человека» [Там же, с. 95, 96]. Этот прием в своих лекциях применял и Соловьёв. Как писал Ключевский (один из его слушателей) в 1895 г., «у Соловьёва... аналогия жизни народов с жизнью отдельного человека» вносила «в сознание слушателя... идею исторической закономерности» [11, с. 327].

В динамике веков Средний-Камышев выделял эпохи, характеризующиеся разным «направлением» жизни: народов «восточных», «греков и римлян» и «народов европейских» [18, с. 100]. Их специфику определял «дух» народов [Там же]. Теоретик устанавливал содержание каждого периода, их «взаимную связь» [18, с. 101]. Развивая сравнение античной истории с жизнью человека, он заключал, что «первый период» соответствовал «младенчеству», второй (до падения Западной Римской империи) – «юношескому возрасту», а третий – «возрасту мужества» [Там же].

Широта постановки вопроса и теоретический взгляд выделял это исследование из контекста эмпирической историографии. Подобные трактаты составляли особое направление в исторической литературе, изменяли структуру поля исследований по истории Отечества.

В. Шеншин: отечественная историография о самобытности русской истории

В 1834 г. вышло из печати дипломное сочинение выпускника Московского университета Василия Шеншина «О пользе изучения Российской истории в связи со всеобщей», опубликованное в журнале «Телескоп». В работе он писал о необходимости исследования истории России в сопоставлении с историей Европы.

Шеншин не был первооткрывателем упомянутого приема исследования истории отечества. Сравнительно-исторический метод уже реализовали М.М. Щербатов в «Истории Российской» (1770–1791 гг.), И.Н. Болтин в известных «Примечаниях» на историю Леклерка (1788 г.). На данное позитивное обстоятельство в лекционном курсе (1888–1889 гг.) обратил внимание Ключевский. В шестой лекции по «Русской историографии», оценивая деятельность Болтина, Ключевский описал особенности его метода исторического исследования. «Историческая жизнь народа должна быть изучаема сравнительно с однородными явлениями или одновременным ходом жизни других народов» [4, с. 216].

Но Шеншин, по сравнению с Болтиным, писал по-иному. До книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа. Эпоха столкновения цивилизаций» (1869 г.), он определил жизнь народа как «организм». Исследователь считал законом *философии истории* чередование периодов в жизни народов (кочевой, звероловный, земледельческий, торговый, гражданственный, государственный политический, умственный) [21, с. 130]. В соответствии с этим законом, Европа, по словам Шеншина, двигалась «последовательным ходом», а ее народы были тесно «связаны» [Там же, с. 134]. Для определения пути России автор обратился к истории исторической науки. Он рассмотрел «ход обрабатывания отечественной истории до нашего времени» [Там же]. Автор описал особенности изучения исторических источников Байером, Шлёцером, Татищевым, Эверсом, Карамзиным, критически оценил их взгляды на русскую историю.

В итоге ученый пришел к выводу о самобытности русской истории, констатировал, что «вера, физическое положение, народный характер» замедлили ее ход и «отделили... от европейской» [21, с. 139]. Тем не менее, Шеншин справедливо настаивал на необходимости учитывать взаимосвязь русской и всемирной истории в историческом исследовании [Там же].

Н.Г. Устрялов о цели, предмете, методе отечественной истории. Историографические оценки Н.Г. Устрялова

Николай Герасимович Устрялов (1805–1870) в 1836 г. опубликовал сочинение «О системе прагматической русской истории. Рассуждение, написанное на степень доктора философии». Автор подчеркивал необходимость определения таких методологических категорий, как цель, предмет истории, считал их осмысленное применение неотъемлемым «условием прагматического сочинения» [19, с. 184]. Устрялов, как и Болтин, Шеншин, Погодин, считал, что отечественная история совершалась «по иным началам» [Там же, с. 155], чем западная. Поэтому определять метод, создавать «систему русской истории», по его словам, «мы должны сами» [Там же]. Цель истории академик видел в «изображении перемен» состояния России, предмет – в «переходе страны из одного положения в другое» [19, с. 155, 156].

Ключевский в первой лекции «Курса русской истории» (1904 г.) также обосновывал идею специфики русской истории, конкретизировал определение предмета истории. В частности, под воздействием идей Данилевского он выделил два «предмета исторического изучения»:

- 1) культура или цивилизация, охватывающая всеобщую историю;
- 2) историческая социология, «изучение строения общества», охватывающая историю России [3, с. 34, 35].

Для достижения цели истории, согласно взглядам Устрялова, нужно изучить «памятники минувшего», «позднейшие изыскания», «факты», далее необходимо «вникнуть в смысл истории», «установить правильную связь причин и следствий» [19, с. 157]. Внешний перечень процедур «прагматического» [Там же] исследования, изложенный Устряловым, в последующем стал традиционным.

В собственном обзоре источников и литературы исследователь раскрыл степень соответствия этих трудов упомянутым теоретическим представлениям. Историк подчеркнул, что в летописании «прагматическая связь» событий отсутствовала. Он критически оценивал деятельность первых русских историков. Татищева Устрялов считал «последним» летописцем. К этой же традиции, по его мнению, принадлежала историография до Карамзина [19, с. 158, 159]. «Историю» Карамзина он оценивал как «подвиг», однако отметил ее важный недостаток. Он виделся академику в том, что историограф вел «не нить событий», «а ряд великих князей и царей» [Там же, с. 166]. Эту оценку позднее уточнил Ключевский. В очерке «Н.М. Карамзин» (написан не ранее 4 марта 1898 г.) Ключевский заметил, что научная задача автора не шла далее «воспроизведения хода отдельных событий в хронологическом порядке... но связи причин и следствий... того, что зовем *историческим процессом*, не видит читатель» [6, с. 278].

Об «Истории русского народа» Н.А. Полевого Н.Г. Устрялов заметил, что ее «общий план» неудовлетворителен [19, с. 177].

После обзора литературы Устрялов представил собственный очерк русской истории.

Во введении к работе «Русская история», опубликованной в 1837 г., он вновь повторил свои рассуждения о цели, предмете, значении русской истории и средствах ее изучения: источниках и литературе [Там же, с. 213–218].

Н.И. Надеждин о логике историографического процесса.

Историографические оценки.

Источниковедческий аспект теории исторического познания

Николай Иванович Надеждин (1804–1856), профессор Московского университета, издатель журнала «Телескоп», в своих трудах описал логику, этапы развития русской исторической науки. Его работы, наряду с трудами Среднего-Камышева, вошли в контекст теоретической историографии.

В 1837 г. в работе «Об исторических трудах в России» автор поставил вопрос о будущем Отечества, ответить на который, по его мнению, могла лишь подлинная «русская история», т.е. наука, которая стала бы

«системой» взглядов, и «живой картиной», поднимающейся до уровня «живописи и поэзии» [17, с. 222].

В обзоре источников и литературы Надеждин дал оценку отечественному летописанию до XVII в. Касаясь XVIII в., он подчеркнул значение деятельности Петра I, осознавшего «необходимость истории», отметил достижения на поприще исторической науки И.П. Коля, Байера, Миллера, Татищева, Щербатова, Болтина, Шлёцера [Там же, с. 226].

Труд Карамзина автор охарактеризовал как «великолепный храм», который «перейдет в будущность» [Там же, с. 233]. При этом он заметил, что «призвание» Карамзина было «не историческое», а литературное [Там же].

Описывая «Историю» Полевого, Надеждин подчеркнул, что автор «первый» намеревался приложить западные образцы (И.Г. Гердер, Ф.-В.-И. Шеллинг, Ж.-Н.-О. Тьерри) к русской истории, но «последовал моде» «без пользы» [17, с. 236].

В завершении обзора он справедливо заметил, что в будущем в исторической науке должно реализоваться требование «системы» и «художественности» [Там же, с. 254].

Проблемы источниковедения Надеждин рассмотрел в работе «Об исторической истине и достоверности» (1837 г.). В этом исследовании автор изложил ряд теоретико-методологических положений, источниковедческий аспект теории исторического познания. Он критиковал существующий уровень исследования памятников прошлого.

На слабое развитие источниковедения спустя пятьдесят лет после упомянутой работы обращал внимание Ключевский. В первой лекции курса «Источники русской истории» (1888 г.) он практически повторил слова Надеждина. «Разборка и критическая разработка источников – работа, стоящая на ближайшей очереди в изучении нашей истории» [12, с. 7].

Надеждин считал историю «особым родом знания», место которого между «философией истории» и «преданиями» [17, с. 257]. Цель истории он видел в установлении истины, а истину считал «согласием понятий с... действительностью» [Там же, с. 254]. Ученый выявил суть источниковедческой категории достоверность, оценил ее как «осознание согласия понятий с действительностью» [Там же]. Метод установления истины автор определял как соединение «чувственной очевидности» с «логической законностью» [17, с. 256]. С последними утверждениями вполне мог согласиться и Ключевский [14, с. 40, 41 и далее].

Свидетельства прошедшего Н.И. Надеждин делил на естественные и искусственные (исторические), безгласные и гласные [17, с. 259]. Источники он оценивал как «чужие», «невразумительные», а задачу

источниковеда видел в том, чтобы внести в эти остатки «свет», открыть в них «смысл» [17, с. 258].

В процессе «герменевтики» (искусство открывать смысл; трактовка соответствует уровню современного источниковедения), и «диагностики» (искусство открывать истину; это понятие ввел Надеждин), по его мнению, важно изучать «происхождение свидетельств» (намеренное или безнамеренное) [Там же, с. 259].

Ученый определил место «низшей и высшей критики» в системе источниковедческого исследования. «Низшая критика», в соответствии с его доктриной, осуществлялась палеографией, дипломатикой и другими, говоря современным языком, вспомогательными историческими дисциплинами, раскрывала внешние особенности памятников. «Высшая критика», согласно концепции Надеждина, учитывала «лицо и время», «дух и обстоятельства эпохи», раскрывала достоверность источников [Там же, с. 260].

Проблема «происхождения» исторического источника, его достоверности, методов «критики» как одна из важнейших в познании прошлого занимала и занимает исследователей и описывается понятиями, которыми, в частности, оперировал Надеждин.

Отечественная историография А.Ф. Федотова

Профессор истории и статистики Ярославского Демидовского лицея Алексей Федотович Федотов (1806–?) в магистерской работе по философии «О главнейших трудах по части критической русской истории» (1839 г.) поставил задачу «разобрать... важнейшие труды по... *критической русской истории*» [20, с. 284]. Федотов разделял идеологию официальной народности [Там же, с. 336]. Вслед за Шеншиным, Устряловым, Погодиным он обратил внимание на специфику отечественного исторического процесса, считал, что жизнь в России «развивалась отдельно от прочих государств европейских» [Там же, с. 288].

В ряду «критических исследователей» отечественного прошлого он выделял Байера, Миллера, Шлёцера [Там же, с. 293]. Историк описал научные приемы Шлёцера, его «малую критику» (слов), толкование «грамматическое и историческое», и «высшую» критику (дел) [Там же, с. 301]. Осваивая упомянутые приемы, сам Федотов, в отличие от последующей историографии, Ключевского, еще не видел недостатков концепции Шлёцера.

А.Ф. Федотов обратил внимание на отдельные темы, интересовавшие русскую историографию. Он писал, о том, что Байер, Миллер, Карамзин, Эверс, Татищев занимались решением «варяжского» вопроса [Там же, с. 307]. Особое мнение о варягах, по словам автора, высказали

М.Т. Каченовский, Ф.В. Булгарин [20, с. 315]. Характеризуя деятельность историков, Федотов употребил новое в то время для России понятие «школа». По словам автора, Татищев первым из русских историков основал историческую школу. Изучая прошлое, он не ограничился пересказом летописей, сравнивал известия, оценивал их достоверность [Там же, с. 284, 309, 310].

В свою очередь Ломоносова Федотов охарактеризовал как создателя «учения» «о древности славянского народа», а Карамзина считал «гигантом», который создал не научную историю, а «летопись» [Там же, с. 311, 336].

Историографические оценки Н.А. Иванова

Николай Алексеевич Иванов (1813–1869), историк, доктор философии, профессор Казанского и Дерптского университетов, в 1843 г. опубликовал работу «Общее понятие о хронографах». Автор проанализировал труды ученых по отечественной истории и обратился к уже появившимся собственно историографическим трудам своих предшественников. В работе он полемизировал с Зиновьевым, Федотовым, Шлёцером, Каченовским и другими учеными. В частности, негативную оценку Байером Татищева он считал «несправедливой». Труд первого русского историка, по словам автора, «неоспоримо доказал свою годность» [2, с. 349, 350, 352]. Одновременно, он опровергал заключение Зиновьева о «гениальности» Татищева.

Автор разобрал «мнения» Шлёцера «об источниках нашей истории» [Там же, с. 363]. «Скептическую школу» Каченовского он упрекал в «произвольности, скороспелости, шаткости» мнений [Там же, с. 382]. А исследование Погодина «Нестор» оценил как «превосходный» труд об источниках «летописи Нестора» [Там же, с. 386, 395].

Ключевский, напротив, характеризуя творчество Погодина в рецензии на его книгу «Древняя русская история до монгольского ига» (написана не позже 15 июля 1872 г.) и в очерке «М.П. Погодин» (конец 1890-х гг.), критиковал метод Погодина, заключающийся, на его взгляд, в стремлении «собирать все места из источников». Он подчеркивал, что почтенный ученый обладал «историческим чутьем», однако, не мог «уловить связь исторических явлений» [9, с. 285, 293].

В заключение своего историографического исследования Н.А. Иванов остановился на вопросах, которые требуют дальнейшего изучения: гражданское устройство Древней Руси, старинный семейный быт, история княжеств и городов, а также генеалогия, геральдика, дипломатика, нумизматика и др. [2, с. 513–514]. Наконец, Иванов кратко изложил собственные заключения «о начале отечественных летописей» [Там же, с. 517].

Заключение

Историки первой половины XIX в. Шлёцер, Зиновьев, Средний-Камышев, Шеншин, Устрялов, Надеждин, Федотов, Иванов в своих исследованиях поставили теоретико-методологические вопросы исторического познания (цель, предмет, теория исторического процесса, историческая закономерность, специфика русской истории и др.).

Они осветили проблемы специальных областей исторического исследования – источниковедения (достоверность, деление [классификация] исторических источников, низшая критика [внешние особенности памятника], высшая критика [авторство, время, «дух», обстоятельства эпохи], методика источниковедческого исследования); историографии (специфика, структура, предмет, метод, историография источниковедения), а также собственно, конкретной истории исторической науки.

Эти идеи свидетельствовали о высоком уровне развития отечественной историографии первой половины XIX в., ее направленности в будущее.

Библиографический список

1. Зиновьев А.З. О начале, ходе и успехах критической российской истории. Взгляд на русскую историю // Взгляд на историю как на науку. Малоизвестные источники по русской историографии (первая половина XIX в.) / Сост. Р.А. Киреева, К.Б. Умбрашко. М.–СПб., 2015. С. 38–91.
2. Иванов Н.А. Общие понятия о хронографах // Взгляд на историю как на науку. Малоизвестные источники по русской историографии (первая половина XIX в.) / Сост. Р.А. Киреева, К.Б. Умбрашко. М.–СПб., 2015. С. 346–522.
3. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. I. Лекция I // Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. I. М., 1987. С. 33–48.
4. Ключевский В.О. Специальные курсы. Лекции по русской историографии. Лекция VI // Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. VII. М., 1989. С. 211–216.
5. Ключевский В.О. Специальные курсы. Лекции по русской историографии. Лекция IX // Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. VII. М., 1989. С. 227–233.
6. Ключевский В.О. Специальные курсы. Н.М. Карамзин // Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. VII. М., 1989. С. 274–279.
7. Ключевский В.О. Специальные курсы. Обзор историографии с царствования Иоанна Грозного. Историография Смутного времени // Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. VII. М., 1989. С. 149–161.
8. Ключевский В.О. Специальные курсы. Приложения: II. К разделу «Историография». «Киевский синопсис» [И. Гизеля]. «Ядро Российской истории» [А.И. Манкиева] (Фрагмент) // Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. VII. М., 1989. С. 408–411.
9. Ключевский В.О. Специальные курсы. I. М.П. Погодин. I. Рецензия на книгу М.П. Погодина «Древняя русская история до монгольского ига» // Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. VII. М., 1989. С. 280–291.

10. Ключевский В.О. Специальные курсы. II. М.П. Погодин // Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. VII. М., 1989. С. 291–294.
11. Ключевский В.О. Специальные курсы. С.М. Соловьев как преподаватель // Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. VII. М., 1989. С. 320–328.
12. Ключевский В.О. Специальные курсы. Источниковедение. Источники русской истории. Лекция I // Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. VII. М., 1989. С. 211–216.
13. Маджаров А.С. История России в теории цивилизаций. Иркутск, 2014.
14. Маджаров А.С. Карамзин о нравственном начале и провидении в русской истории и историографии // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведения». 2016. Т. 16. С. 40–48.
15. Маджаров А.С. В.О. Ключевский: художественное начало междисциплинарного метода исторического исследования // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2017. № 5. С. 37–46.
16. Маловичко С.И., Марухин В.Ф. Учебная книга по русской истории в системе презентации национально-государственной истории российской империи конца XVIII – 40 гг. XIX века // Преподаватель XXI век. 2017. № 4. Ч. 2. С. 282–300.
17. Надеждин Н.И. Об исторических трудах в России. Об исторической истине и достоверности // Взгляд на историю как на науку. Малоизвестные источники по русской историографии (первая половина XIX в.) / Сост. Р.А. Киреева, К.Б. Умбрашко. М.–СПб., 2015. С. 221–284.
18. Средний-Камышев И.Н. Взгляд на историю как на науку // Взгляд на историю как на науку. Малоизвестные источники по русской историографии (первая половина XIX в.) / Сост. Р.А. Киреева, К.Б. Умбрашко. М.–СПб., 2015. С. 91–129.
19. Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории. Русская история: Введение // Взгляд на историю как на науку. Малоизвестные источники по русской историографии (первая половина XIX в.) / Сост. Р.А. Киреева, К.Б. Умбрашко. М.–СПб., 2015. С. 154–221.
20. Федотов А.Ф. О главнейших трудах по части критической русской истории // Взгляд на историю как на науку. Малоизвестные источники по русской историографии (первая половина XIX в.) / Сост. Р.А. Киреева, К.Б. Умбрашко. М.–СПб., 2015. С. 284–346.
21. Шеншин В. О пользе изучения отечественной истории в связи со всеобщей // Взгляд на историю как на науку. Малоизвестные источники по русской историографии (первая половина XIX в.) / Сост. Р.А. Киреева, К.Б. Умбрашко. М.–СПб., 2015. С. 129–154.
22. Шлёцер А.-Л. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные. Введение // Взгляд на историю как на науку. Малоизвестные источники по русской историографии (первая половина XIX в.) / Сост. Р.А. Киреева, К.Б. Умбрашко. М.–СПб., 2015. С. 11–38.
23. Шлёцер А.-Л. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные. Ч. 1–3. СПб., 1809–1819.

Маджаров Александр Станиславович – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета, Иркутский государственный университет

E-mail: mas@home.isu.ru

A. Madzharov

Theoretical and methodological problem
of the Russian historiography in the writings
of Russian historians in the first half of the XIX century

The article presents the views of Russian historians of the first half of the XIX century such as A.-L. Shletser, A.Z. Zinovyev, I.N. Sredny-Kamyshev, V. Shenshin, N.G. Ustryalov, N.I. Nadezhdin, A.F. Fedotov, N.A. Ivanov on the issues of historiography, source studies and methodology of history. These scholars attempted to turn descriptive historical knowledge of their time into a pragmatic (*pragma* meaning action, practice) science; they focused attention on theoretical and methodological principles of historical inquiry – the aim of history, its subject, meaning, and a subject of historiography. They also investigated a special field of historical inquiry – source studies – the problem of source authenticity, its highest and lowest critics, and started studying historiography of source studies as well. They also they wrote about historical patterns, theories and methods of historical knowledge, tried to model the ideal structure of historical research, and pondered about the specificity of the Russian history and possibility to provide insight into the Russian history with the help of comparative historical method.

Key words: historiography, methodology of history, source, source studies, A.-L. Shletser, A.Z. Zinovyev, I.N. Sredny-Kamyshev, V. Shenshin, N.G. Ustryalov, N.I. Nadezhdin, A.F. Fedotov, N.A. Ivanov.

Madzharov Alexander S. – Dr. History Hab.; professor at the Department of Russian History of the Faculty of History, Irkutsk State University

Ю.А. Никифоров

Прохоровское сражение в исторической памяти и историографии (К 75-летию разгрома немецко-фашистских войск в Курской битве)

В статье обсуждается проблема соответствия образа «крупнейшего танкового сражения Второй мировой войны», сложившегося в массовом сознании, системе представлений, выработанной в современной отечественной историографии Курской битвы. Подчеркивается важность сохранения и поддержания символического значения Мемориала на Прохоровском поле, который приобретает особую значимость как дань памяти советским воинам, павшим в Курской битве, уважения к ратному подвигу солдат и командиров всех родов войск, заслонивших врагу путь на Курск.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Курская битва, Прохоровское поле, символическая политика, «встречное танковое сражение».

За прошедшие десятилетия после Великой Отечественной войны сражение под Прохоровкой приобрело важнейшее символическое значение в народной памяти. Причем в массовом восприятии Прохоровка стала символом не только собственно Курской битвы, но и встала в один ряд с важнейшими национальными символами Великой Отечественной войны в целом: Брестской крепостью, разездом Дубосеково, Мамаевым курганом и другими. Этому способствовали не только мемуары ряда советских военачальников, но и произведения деятелей киноискусства (прежде всего, следует вспомнить киноэпопею Ю. Озерова «Освобождение»), поэтов, писателей, публицистов.

В рамках сложившийся десятилетиями мемориальной культуры естественным является, например, то, что в основу сюжета диорамы «Курская битва» в Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе положены события 12 июля 1943 г. на так называемом танковом поле под Прохоровкой. Именно здесь, на Прохоровском поле, создан музей-заповедник в целях «увековечения памяти погибших при защите Отечества в битве на Курской дуге» (Указ Президента России от 26 апреля 1995 г.), а в 2010 г. Музей боевой славы «Третьего ратного поля России». В деятельности образовательных и общественных

организаций по военно-патриотическому воспитанию получил распространение образ трех «ратных полей» или «полей воинской славы»: Куликова поля, Бородинского и Прохоровского [3].

Эмоционально-чувственный образ Прохоровского сражения в массовом сознании (в сущности, миф, если конечно, не иметь в виду под словом «миф» нечто не имеющее никакого отношения к историческим реалиям и противостоящее исторической «правде»), как и любого другого масштабного исторического события, строится на неизбежном упрощении реальной картины, отбрасывании деталей, спрямлении «острых углов», при одновременном привнесении той или иной доли художественности в его описание (подробнее см.: [11]). Прочитав пример такого рода, взятый из публикации на интернет-портале одного из российских органов государственного управления: «Советские воины нанесли здесь (под Прохоровкой. – Ю.Н.) гитлеровской военной машине такой удар, от которого фашистская Германия так и не смогла оправиться. Именно отсюда, с Прохоровского поля, наша армия отправилась в свой победный поход на Берлин» [15].

В силу названных обстоятельств сложившееся представление о Прохоровском сражении в массовом сознании легко может быть подвергнуто критике за определенное несоответствие известной профессиональным историкам совокупности статистических данных и сохранившихся свидетельств. (Что само по себе еще не означает, что оно ложное).

В частности, прежде всего критика специалистов развивает сформулированное уже в советское время (см., например, более чем сдержанное описание событий под Прохоровкой [2, с. 244]) скептическое отношение к утверждениям П.А. Ротмистрова, будто в результате контрудара 5-й гвардейской танковой армии 12 июля «главная вражеская группировка, наступавшая на Прохоровку, была разгромлена» [13, с. 104].

В то же время понимание значимости исторической памяти для национального самосознания, роли «пантеона героев» для воспитания гражданских и патриотических чувств, осмысление ключевого места памяти о Великой Отечественной войне в структуре менталитета российского общества (по данным различных опросов, в качестве предмета гордости граждане России чаще всего называют историю своей страны, «славные деяния предков») – все это вызвало к жизни в среде идеологических противников современного российского государства целый эпистолярный жанр – разоблачение «коммунистических (советских) мифов», в том числе якобы навязанного обществу брежневско-суловским агитпропом «идеологизированного мифа» о Великой Отечественной войне. Начатая еще в конце 1980-х гг. кампания по «деидеологизации» истории, подразумевающая развенчание и десакрализацию всех

значимых символов войны и Победы, не могла не включать информационные атаки в том числе и против сложившегося представления о Прохоровском сражении. В ходе этих атак в качестве «правды истории» обществу навязывались (и до сих пор навязываются) вымыслы, будто под Прохоровкой в июле 1943 г. состоялось избиение советских танковых войск, что сражение Красной армией было проиграно, что Гитлер прекратил операцию «Цитадель» по причине высадки англо-американских войск на Сицилии и т.д.

В итоге у неподготовленного человека должно сложиться впечатление, будто российские историки прилагают основные усилия на то, чтобы поддержать жизнеспособность существующего «глянцевого мифа» (тем более, что в современных условиях многие исследователи с готовностью участвуют в поношении своих «советских» предшественников, см., например, предисловие В.Н. Замулина к его книге [6, с. 3–4]), а труд по научному осмыслению фактов и документов берут на себя только разного рода «альтернативные» авторы. На самом деле это совершенно не так.

Многолетние усилия Министерства обороны России по рассекречиванию документов Центрального архива МО в Подольске, их оцифровке и введению в научный оборот значительно облегчили исследователям работу по изучению всех периодов Великой Отечественной войны, всех ее битв и сражений. Научные достижения последних лет аккумулированы в фундаментальном многотомном труде «Великая Отечественная война в 12 томах» [1], а также других научных публикациях, среди которых можно выделить посвященные Курской битве и непосредственно Прохоровскому сражению работы В.Н. Замулина, А.В. Исаева и Л.Н. Лопуховского, хорошо известные большинству специалистов [5; 8; 9; 14].

Суммируя содержание этих и других исследований, можно сформулировать несколько тезисов, отражающих современный уровень представлений о Прохоровском сражении в историографии, на базе и с учетом которого можно выстраивать как историко-просветительскую работу, так и информационное противодействие распространению разного рода «разоблачительных» мифов, многие из которых вполне сопрягаются с выработанной еще, что называется, «по горячим следам» пропагандистской формулой Й. Геббельса: «большевикам было сделано кровопускание, которое наверняка доставит немало хлопот». (Показательно, что один из пропагандистов тезиса о поражении Красной армии в Прохоровском сражении германский историк К.-Х. Фризер не стесняется публично признать правоту министра пропаганды третьего рейха [16]).

Прежде всего, адекватное представление о Прохоровском сражении невозможно без включения его описания в общий контекст событий

в ходе оборонительной операции Воронежского фронта по отражению немецкого наступления на южном фланге Курского выступа. Сужение понятия, сведение его содержания только к контрудару части сил 5-й гвардейской танковой армии 12 июля на пресловутом «танковом поле» не только искажает смысл происходивших событий, но и дает почву для конструирования разного рода «разоблачительных» версий и интерпретаций, спекулирующих вокруг вопроса об удаче или неудаче действий советских войск и т.п.

В современных исследованиях под Прохоровским сражением понимаются события 10–16 июля (или 10–15 июля, см. [12]), начиная с поворота ударной группировки войск Манштейна с Обояньского направления на северо-восток, на Прохоровку, и заканчивая переходом наших войск к преследованию отступающего противника. «Встречный танковый бой», или контрудар Воронежского фронта 12 июля 1943 г., рассматривается как часть Прохоровского сражения – сражения, которое, без сомнения, было выиграно советскими войсками. После 12 июля немецкое командование могло рассчитывать только на проведение частных операций с целью нанести как можно большие потери советским войскам (что вылилось в попытку окружить часть сил 69-й армии и др.), никакой надежды на прорыв к Курску у Манштейна уже не оставалось.

Отметим, что даже в тех работах, авторы которых сосредоточивают внимание главным образом на хронологии событий 12 июля на «танковом поле» под Прохоровкой, оказывается невозможно обойтись без включения в повествование действий сражающихся сторон как в период, предшествующий фронтовому контрудару, так и после. Так, например, И.Б. Мощанский, предлагая читателю описание именно «Прохоровского танкового сражения 12 июля», тем не менее вынужден дать развернутое изложение событий за более широкий период (6–14 июля) [10, с. 270–309]. Представляется, это вызвано тем, что построить изложение иначе без искажения исторических реалий невозможно, т.к. смысл событий и внутренняя логика их развития будет попросту потеряна. После поворота соединений II танкового корпуса СС на Прохоровку наступательные и оборонительные действия войск сторон, начиная с 10 июля, были взаимосвязаны как по решаемым конкретным оперативным задачам, так и по месту и времени, и от достижения своих целей каждой из сторон в этот момент зависел дальнейший ход и исход всей операции.

Поэтому предлагаемое в современной военно-исторической литературе расширенное понимание территориальных и хронологических рамок Прохоровского сражения (не сводимого к столкновению танковых корпусов 5-й гвардейской армии с дивизией СС «Лейбштандарт»

12 июля на «танковом поле») гораздо ближе к выработанному отечественной военно-исторической наукой определению самого термина «сражение», используемого применительно к войнам первой половины XX в. для описания событий на оперативном, но никак не на тактическом уровне.

Кроме того, ассоциирование многодневных боев в районе Прохоровки только с контрударом 5-й гвардейской танковой армии 12 июля не просто ведет к искажению картины сражения, но и несправедливо по отношению к усилиям солдат и командиров армий (прежде всего 69-й и 5-й гвардейской), которые вели тяжелые бои в этом районе, а также 1-й танковой армии, 6-й гвардейской армии, других частей и соединений. *В свете этого сохранение и поддержание символического значения Мемориала на Прохоровском поле приобретает особую значимость – как дань памяти всем советским воинам, павшим в Курской битве, уважения к ратному подвигу солдат и командиров всех родов войск, заслонивших путь врага на Курск.*

Отдельного разговора заслуживает вопрос о числе бронетехники сторон, участвовавшей в сражении, и понесенных потерях. Если пытаться свести сражение только к бою на участке между р. Псел и хутором Сторожевой (так называемом танковом поле), то невозможно, действительно, обосновать тезис о Прохоровке как «крупнейшем танковом сражении» Второй мировой войны. Тем не менее, подсчет всех сил сторон, задействованных под Прохоровкой (при условии, что территориальные рамки сражения включают боевые действия не только юго-западнее, но и южнее станции Прохоровка), позволяет уверенно говорить о 900–1100 танков и самоходных артиллерийских установок с обеих сторон, – и это только непосредственно участвовавших в бою 12 июля [1, с. 544; 5, с. 617; 6, с. 485; 7, с. 4].

Отметим, что подсчет техники и понесенных сторонами потерь обретает особое смысловое значение, как правило, в рамках попыток сопоставления масштабов Прохоровского сражения со сражением на Соболевском поле или в районе Дубно – Луцк – Броды в 1941 г. Попытки такого сопоставления (или, скорее – противопоставления) вряд ли могут привести к значимым результатам с точки зрения полноценного научного осмысления: основной потенциал выстраиваемых на этой основе интерпретаций связан с содержанием проводимой символической политики («политики памяти»). Или, проще говоря, со стремлением поставить под сомнение символическую значимость сражения под Прохоровкой в массовом сознании. Насколько оправдано это стремление, сказать трудно – во всяком случае, очевидно, что на занятие той или иной позиции

по данному вопросу определяющее влияние должны оказывать вневенные факторы [4].

И последнее. Связать крах операции «Цитадель» с высадкой англо-американских союзных войск в Италии невозможно, это безусловный вымысел.

Решение о прекращении «Цитадели» Гитлер принял под влиянием перехода в наступление войск Брянского и Западного фронтов, а также угрозы наступления советского Южного фронта на р. Миус. Начатое 17 июля, это наступление заставило вывести из боя 2-й танковый корпус СС, а затем 3-й танковый корпус армейской группы «Кемпф» и использовать их для предотвращения разгрома немецко-фашистских войск на южном крыле советско-германского фронта. Не высадка англо-американских войск в Италии, а переход советских войск в контрнаступление заставил прекратить операцию «Цитадель» (которая, впрочем, к этому моменту уже провалилась), – в том числе благодаря мужеству и героизму тех, кто остановил бронированный кулак вермахта в районе Прохоровки.

Библиографический список

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 3. М., 2012.
2. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М., 1965.
3. Внеклассное мероприятие «Поля воинской славы» // Открытый урок. Первое сентября. URL: <http://xn--i1abnckbmc19fb.xn--p1ai/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8/652368/> (дата обращения: 30.10.2018).
4. Глухарев Н.Н. Проблема исторической памяти о Великой Отечественной войне в современной России // CLIO-SCIENCE. Проблемы истории и междисциплинарного синтеза: Сб. научных трудов. Вып. VII. М., 2016. С. 310–315.
5. Замулин В.Н. Прохоровка. Неизвестное сражение великой войны. М., 2005.
6. Замулин В.Н. Прохоровское побоище. Правда о «величайшем танковом сражении». М., 2010.
7. Замулин В.Н. Прохоровка. Технология мифа // Родина. 2013. № 7. С. 4–7.
8. Исаев А.В. Освобождение 1943. «От Курска и Орла война нас довела...». М., 2013.
9. Лопуховский В.Н. Прохоровка без грифа секретности. М., 2005.
10. Мощанский И.Б. Крупнейшие танковые сражения Второй мировой. М., 2011.
11. Никифоров Ю.А. История как технология социального проектирования // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия «История и политология». 2011. № 2. С. 75–86.
12. Олейников Г.А. Прохоровское сражение (июль 1943 года). СПб., 1998.

13. Ротмистров П.А. Танковое сражение под Прохоровкой. М., 1960.
14. Страна в огне: В 3 т. Т. 2. Коренной перелом. 1942–1943: В 2 кн. Кн. 1. М., 2017.
15. Три ратных поля России – три поля воинской славы страны // Управа района Очаково-Матвеевское города Москвы. URL: <https://ochakovo.mos.ru/presscenter/news/detail/5039484.html> (дата обращения: 30.10.2018).
16. Als Stalins Generäle fast 400 T-34 zerstürten. *Die Welt*. 2018. 12 Juli.

Никифоров Юрий Александрович – кандидат исторических наук; доцент кафедры новейшей отечественной истории Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; начальник Научно-го отдела, Российское военно-историческое общество

E-mail: 9035038012@mail.ru

Yu. Nikiforov

Prokhorovka battle in historical memory and historiography
(To the 75th anniversary of the defeat of the Nazi troops
in the Battle of Kursk)

The article compares the image formed in the mass consciousness of the «largest tank battle of the Second world war» with the system of ideas developed by contemporary Russian historiography of the Kursk battle. Special importance is given to preserving and maintaining the symbolic significance of the Memorial in Prokhorovka. The article empathizes the meaning of the memorial as a tribute to the memory of Soviet soldiers who fell in the battle, symbol of respect for the feat of arms of soldiers and officers of all branches of service who blocked the enemy advance to the city of Kursk.

Key words: Great Patriotic War, Battle of Kursk, Prokhorovka field, symbol politics, «frontal collision tank battle».

Nikiforov Yuri A. – PhD in History; associate professor at the Department of Modern Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University; head at the Department of Science, Russian Military Historical Society

А.Д. Карин

Десталинизация и политические изменения в Польше в документах американских спецслужб и Государственного департамента США

Смерть И.В. Сталина и начало «оттепели» в СССР стали толчком к политическим переменам во многих странах социалистического блока. За короткий период реформ коммунистические режимы, существовавшие в них, совершили эволюцию, отказавшись от сталинской версии социализма в пользу менее тоталитарной модели организации общества. В статье, на основе документов ЦРУ и государственного департамента США, рассматривается специфика протекания реформ в Польской Народной Республике. Основное внимание уделяется рассмотрению позиции США по отношению к польским событиям.

Ключевые слова: Польская Народная Республика, процесс десталинизации в Польше, Государственный департамент США, Владислав Гомулка, польско-американские отношения в 1950-х гг.

Польский вопрос, как известно, играл одну из ключевых ролей в формировании всего послевоенного миропорядка. Достаточно вспомнить, какое большое внимание уделялось его обсуждению на конференциях «Большой тройки» и сколько разногласий он вызвал. Неудивительно, что политическое развитие Польши продолжало вызывать интерес великих держав и в послевоенный период.

Для СССР Польша являлась частью цепи дружественных государств, политические режимы которых зависели от Москвы и фактически являлись ее сателлитами. США, в свою очередь, рассматривали политические

режимы в странах Восточной Европы как диктатуры, навязанные народам против их воли. Их падение, по мнению американских политиков, было возможно и желательно, вопрос был только в том, как скоро это произойдет и какую позицию лучше занять США для содействия этому процессу.

Повышенный интерес США к польской внутренней политике хорошо виден уже из того большого объема документов, которые Государственный департамент посвящал ее рассмотрению [5]. Из всех восточноевропейских стран аналогичное внимание в период 1956–1957 гг. было уделено только рассмотрению политической ситуации в Венгрии. Причины такого существенного интереса со стороны Госдепартамента носили различный характер. В первую очередь, сюда следует отнести наличие в странах Запада довольно многочисленной антисоветски настроенной польской диаспоры, с мнением и интересами которой, так или иначе, приходилось считаться. Второй причиной может быть назван «ареол первой жертвы нацизма», который сложился в мировом общественном мнении вокруг Польши. Память о трагических событиях Второй мировой войны была в это время еще свежа. Третьим моментом, привлекающим к себе внимание, было географическое расположение страны между СССР и Германией. Отказ от окончательного признания границ по линии рек Одер и Нейсе со стороны многих стран мира делал общественно-политическую ситуацию в обоих германских государствах (в ФРГ и ГДР) и всей Центральной Европе тесно связанной с политическим климатом в Польше. Четвертой, вероятно, наиболее важной причиной интереса сотрудников Госдепартамента и ЦРУ к польским событиям, являлись масштабы политических перемен, проявившиеся в случае Венгрии и Польши особенно сильно.

Смерть И.В. Сталина дала старт политическим реформам не только в СССР. Надежды на перемены питала также значительная часть политических элит и населения других стран социалистического лагеря. В рапорте Центрального разведывательного управления (ЦРУ) США от 24 апреля 1953 г., в частности, сообщалось, что весть о смерти «диктатора» нередко воспринималась с воодушевлением, а официальные траурные мероприятия носили формальный характер. «Смерть Сталина вызвала чувство облегчения в Польше. Поляки демонстрировали свою радость публично, и УВ (полиция безопасности. – А.Д.) закрывала глаза на подобные проявления. Руководители публичных собраний, организованных в честь Сталина, пытались передать чувство грусти, но их голоса звучали фальшиво, и контрастировали со счастливой атмосферой, царящей в аудитории» [16, с. 1].

Причина такой реакции понятна. Фигура Сталина была связана в массовом сознании с террором и репрессиями. Смерть «коммуниста № 1» давала людям надежду на смягчение режима и повышение уровня жизни. Недовольство властью чувствовалось даже в привилегированных группах населения. После кратковременного периода замешательства, в котором оказались правительственные круги, руководство Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) начало постепенно «раскручивать гайки». В стране быстро стартовали процессы реабилитации жертв репрессий и переоценки предшествующего периода.

С лета 1953 г. стала набирать силу критика отдельных аспектов сталинизма. В первую очередь, она была направлена против несшего главную ответственность за репрессии Министерства общественной безопасности. В 1954 г. его разделили на Комитет общественной безопасности (КОБ) и Министерство внутренних дел (МВД). Наиболее одиозные сотрудники спецслужб были уволены, а сами КОБ и МВД были поставлены под надзор партийной верхушки. Постепенно из мест заключения стали выходить первые политзаключенные. Среди оказавшихся на свободе был и лидер «националистического уклона» в ПОРП Владислав Гомулка, арестованный в 1951 г. Его имя было связано в массовом сознании с активным участием в антинацистском подполье в годы Второй мировой войны, а также с отстаиванием национального суверенитета страны перед лицом восточного соседа.

ЦРУ США внимательно следило за ситуацией вокруг освобождения пользовавшегося популярностью коммунистического лидера. Еще в марте 1954 г. сотрудниками управления был подготовлен рапорт, в котором анализировался политический потенциал группы Гомулки, а также была дана оценка политических качеств ее лидера. По мнению авторов доклада, группа Гомулки включала в себя «людей, заинтересованных в создании национального «коммунизма», похожего на титоюгославский коммунизм» [4, с. 1]. При этом, несмотря на стремление гомулковцев к отстаиванию национального суверенитета, сворачиванию коллективизации и примирению с церковью, они оставались вполне ортодоксальными марксистами, заинтересованными в сохранении социализма и дружественных отношений с СССР. В документе отмечалась возможность возвращения Гомулки на политическую сцену в случае чрезвычайных обстоятельств, которые заставят Кремль искать поддержку польского населения посредством допуска в руководство ПОРП более харизматичных лидеров, готовых пойти на частичную либерализацию режима. Дальнейшие события показали, что этот прогноз оказался верен.

Перемены затронули также экономику. «На II съезде ПОРП в марте 1954 г. были внесены некоторые изменения в шестилетний план. Если в первые годы реализации план корректировали с целью увеличения капиталовложений в тяжелую и военную промышленность, то теперь, наоборот, инвестиции старались придержать, уделяя больше внимания легкой промышленности и сельскому хозяйству, ослабляя при этом усилия, направленные на коллективизацию села» [3, с. 452]. От коллективизации, однако, не отказались окончательно, отойдя лишь от наиболее непопулярных методов насаждения колхозного строя.

Наблюдая за событиями в странах социалистического лагеря, в т.ч. связанными с восстанием 17 июня 1953 г. в ГДР, в политических кругах США возникали вопросы о том, какую позицию в подобных случаях следует занимать Америке. Для прояснения американской позиции вопрос о политике в отношении советских сателлитов неоднократно рассматривался в Совете национальной безопасности. В рапорте Совета от 11 декабря 1953 г. ситуация в Восточной Европе была подвергнута детальному анализу [17, с. 112].

Цели США, согласно документу, состояли в том, чтобы добиться максимального дистанцирования стран-сателлитов от Москвы и в перспективе подорвать существующие в них политические режимы. Для этого было решено оказывать политическое, экономическое и пропагандистское давление на СССР с целью добиться изменения его политики. При этом нужно было избегать «подстрекательства к преждевременному восстанию» [Там же, с. 115] как не имеющему шансов на успех, а также взятию на себя Соединенными Штатами таких обязательств, которые они не в состоянии будут исполнить. В целом, по мнению авторов документа, необходимо было проводить гибкую прагматическую политику по поощрению демократических антисоветских элементов, сохраняя, тем не менее, готовность оказать всяческую поддержку «национал-коммунистическим» движениям, если их поддержка будет отвечать американским интересам.

По мере развития политических событий в Польше перед упомянутыми выше «национал-коммунистическими» группами открывались определенные перспективы. К 1955 г. внутри ПОРП окончательно сформировались два течения. Первое направление (пулавяне¹) выступало в качестве либерального крыла партии. Опираясь, прежде всего, на молодежь и интеллигенцию, оно стремилось к реформированию социализма, введению рабочего самоуправления и демократизации внутрипартийной жизни. Именно в этой среде пользовался поддержкой

¹ Название происходит от Пулавской улицы в Варшаве, где проживали некоторые наиболее видные ее представители.

Гомулка и отстаиваемая им концепция «польского пути к социализму». Консервативное крыло, получившее название натолинцы², отличалось большей лояльностью к Москве и желанием избежать «слишком радикальных реформ», которые могли привести, по мнению представителей данного течения, к подрыву основ социалистического строя. Оформление двух противоборствующих политических группировок приводило к регулярным дискуссиям о будущем страны, а это, в свою очередь, способствовало частичному ослаблению цензуры [1, с. 325].

Многие до этого запретные темы стали теперь свободно обсуждаться на страницах газет и журналов. Большой резонанс вызвала «Поэма для взрослых» известного поэта-коммуниста Адама Важика (Вагмана), напечатанная в августе 1955 г. в еженедельнике «Новая культура» («Nowa Kultura»). В ней автор показал тяготы жизни простых рабочих, обманутых сталинским режимом. Представителями большей части партийной номенклатуры произведение было воспринято как клевета на «народный строй». Популярность поэмы, однако, свидетельствовала о понимании читательской аудиторией тех проблем, которые поднял автор [2, с. 628]. С каждым годом подобного рода критических произведений становилось все больше.

Реабилитация и пересмотр ранее вынесенных судебных приговоров позволили выйти на свободу многим людям, разделявшим оппозиционные настроения. «Пересмотр таких дел происходил в 1954–1956 гг. На свободу выходили известные военные деятели, участники обороны Польши в сентябре 1939 г., офицеры Армии Крайовой и те, кто служил в польских воинских частях на Западе, а также генералы-коммунисты, участвовавшие в Гражданской войне в Испании», – пишет А.Ф. Носкова [Там же, с. 629]. Роль Армии Крайовой (АК) во Второй мировой войне стала оцениваться в более положительном ключе. Отныне ее перестали считать однозначно реакционной организацией, а роль АК в борьбе с нацизмом получила признание.

Несмотря на происходившие политические изменения и формирование внутри ПОРП двух противоборствующих групп, вплоть до начала 1956 г. реформы находились под партийным контролем и носили в целом дозированный характер. Более того, по оценке американских дипломатов (по состоянию на сентябрь 1955 г.), режим окреп благодаря умелому использованию «Духа Женевы»³ [9, с. 83]. Коммунистическая

² Название происходит от небольшого дворцового комплекса на южной окраине Варшавы, где собирались ее члены.

³ Временное «потепление» в международных отношениях, связанное с популяризацией концепции мирного сосуществования социалистической и капиталистической систем, получившей распространение после Женевской конференции 1954 г.

пропаганда эффективно использовала дезэскалацию международной обстановки и постепенный переход к мирному сосуществованию двух систем для деморализации внутриспольских антикоммунистических элементов, возлагавших надежды на американскую помощь [9, с. 84].

Тем не менее, кажущаяся стабильность режима оказалась эфемерной. Доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС имел эффект разорвавшейся бомбы. Несмотря на то, что секретный доклад Хрущева предназначался для ограниченного круга лиц, его текст очень быстро получил широкое распространение в Польше. «...Вскоре текст доклада продавали даже на книжных лотках» [3, с. 454]. После окончания работы съезда первый секретарь ПОРП Болеслав Берут остался в Москве, где и умер 12 марта 1956 г. Пост первого секретаря партии занял Эдвард Охав, считавшийся компромиссной фигурой между пулавянами и натолинцами.

Хотя американское посольство в Варшаве регулярно отчитывалось перед Госдепартаментом о ситуации в стране, массовые выступления рабочих, случившиеся в Познани 28 июня 1956 г., стали большой неожиданностью для Вашингтона. На следующий день сотрудники Госдепартамента провели совещание, в ходе которого было высказано убеждение в необходимости использовать трагические события, случившиеся в Познани, в целях антикоммунистической пропаганды, в первую очередь, по линии Информационного агентства США. Правда, от официального заявления со стороны Госдепартамента решено было отказаться [14, с. 183].

В первые дни после начала беспорядков достоверная информация о случившемся отсутствовала, было известно только, что выступления рабочих вызваны низким уровнем жизни, а также повышением цен на продукты первой необходимости. Из этого сделали вывод о тяжелом продовольственном положении страны. Поэтому было принято решение обратиться к польскому правительству с предложением об оказании со стороны США срочной продовольственной помощи через Международный Комитет Красного Креста. Эту идею в целом поддержал также директор ЦРУ Ален Даллес [12, с. 184].

Официальное предложение было сделано в письме заместителя государственного секретаря Чарльза Гувера Гарольду Старру, генеральному консультанту Американского Красного Креста. После получения письма Старр связался с Международной федерацией обществ Красного Креста в Женеве. Федерация согласилась всячески содействовать организации продовольственной помощи, однако польский Красный Крест отказался от получения помощи. Пропаганда ПНР возложила ответственность за познаньские события на подрывную деятельность США, соответственно, принятие американской помощи было неприемлемо

из-за соображений престижа. Официальный Вашингтон, в свою очередь, с негодованием отвергал любые обвинения в американском вмешательстве [24, с. 354]. Помимо этого, как выяснилось впоследствии, потребность в помощи не была такой острой, как поначалу полагала американская сторона.

Картина трагических событий в Познани стала проясняться только в начале июля, когда в Вашингтоне были получены телеграммы от 2 и 3 июля 1956 г. из посольства в Варшаве с подробным описанием событий. В первой телеграмме, в частности, сообщалось, что выступления рабочих начались с чисто экономических требований. Очень быстро к митингующей толпе рабочих присоединилась также учащаяся молодежь, в результате чего на главной площади города собралось около 20 тыс. человек. Стянутые в центр города подразделения милиции и армии поначалу не предпринимали никаких действий, однако впоследствии между митингующими и военными завязалась перестрелка, в результате которой десятки человек были убиты и ранены. В документе также отмечалось наличие в толпе большого количества антисоветских лозунгов, направленных против политики существующего режима [19, с. 188].

Вторая телеграмма сообщала о низком уровне жизни большинства рабочих и их болезненной реакции на случившееся накануне демонстрации повышение цен на товары народного потребления. При этом угрозы голода в стране не было. «Дефицит хлеба, упоминавшийся среди лозунгов во время демонстрации, посольство считает просто символизировавшим неспособность рабочих с низким уровнем заработной платы приобрести все необходимое для жизни при сложившихся высоких ценах. Прочие продукты питания, такие как фрукты, овощи, молочные продукты, в настоящее время являются дефицитом и дорого стоят... Высокие цены на одежду, обувь также часто вызывают недовольство» [20, с. 188]. Ощущение социальной несправедливости и негодование жителей города было усилено тем фактом, что на проходившей в городе международной промышленной выставке были представлены предназначенные для экспорта польские товары, недоступные для подавляющего большинства жителей страны. Версия некоторых дипломатов о том, что беспорядки были спровоцированы частью партийной номенклатуры для сворачивания процесса либерализации, скорее всего, не соответствует действительности [Там же, с. 189].

Ситуация, сложившаяся в социалистическом лагере, неоднократно обсуждалась в Совете национальной безопасности США. На заседаниях Совета отмечалось повсеместное снижение роли тайной полиции, требование соблюдения «социалистической законности» и признания

прошлых ошибок. Был сделан вывод о том, что рост националистических тенденций может сыграть роль разрушительной силы для всего советского блока и его следует поддерживать [13, с. 220]. 20 июля 1956 г. помощник госсекретаря Роберт Мерфи обсудил с несколькими видными представителями польской диаспоры политическую обстановку, сложившуюся в их стране. На встрече присутствовали лидер Крестьянской партии Станислав Миколайчик и глава Христианской рабочей партии Кароль Попель. Миколайчик высказал твердое убеждение в том, что точка зрения, будто отказ от вмешательства в польские события позволит избежать усиления репрессивности коммунистического режима, неверна. Напротив, широкий интерес со стороны демократических стран к познаньским выступлениям и их подавлению заставит коммунистов вести себя осторожнее, опасаясь негативной международной реакции. Мерфи высказал свое полное согласие с Миколайчиком в данном вопросе. Собравшиеся также сошлись во мнении, что необходимо создать специальный комитет при ООН по расследованию событий в Познани, а также поднять в ООН вопрос о выборах в Польше [11, с. 229].

Тем временем, после познаньских событий варшавский режим вошел в стадию тяжелого кризиса. Доверие населения к партии и правительству было подорвано. Многие были особенно недовольны присутствием большого количества советских советников на должностях в армии и спецслужбах. Особую ненависть вызывал министр обороны, по совместительству заместитель председателя Совета министров ПНР, маршал К.К. Рокоссовский. Для выхода из кризиса ПОРП предпринимала различные шаги. В срочном порядке были повышены зарплаты рабочих, стали улучшаться жилищные условия, набирала обороты амнистия и реабилитация политзаключенных. В августе в партии был восстановлен популярный Гомулка, все более громко стали звучать предложения ввести его в состав ЦК. Американские дипломаты отнеслись к возвращению Гомулки критически, рассматривая его, в первую очередь, как тактический ход ПОРП с целью выйти из кризиса. По их оценке, даже если бывший лидер «националистического уклона» займет в дальнейшем какой-либо значительный пост, то это будет носить показной характер и вряд ли сможет привести к существенным политическим переменам [21, с. 231].

Октябрьские события в Польше и Венгрии 1956 г. застали американских политиков и дипломатов врасплох. Практически никто не предвидел их заранее либо считал вероятность развития политической ситуации в сторону существенной либерализации (в первом случае) и революции (во втором случае) очень небольшой. Еще в конце

сентября посольство в Варшаве заявляло, что либерализация носит ограниченный характер и служит исключительно для сохранения режима [22, с. 245], а уже спустя несколько недель случился «польский октябрь» и антисоветское восстание в Будапеште.

Приход в 1956 г. к власти Гомулки (в качестве первого секретаря ЦК ПОРП) был воспринят в Вашингтоне как событие, способствующее достижению американских внешнеполитических интересов. Там с большим беспокойством наблюдали за тем, как 19 октября 1956 г. во время работы VIII пленума ЦК ПОРП в Варшаву приехала советская делегация во главе с Хрущёвым. В США решили воздерживаться от любого вмешательства в советско-польские переговоры. Подобное вмешательство в любой форме могло привести к дискредитации умеренных польских лидеров, и без того подозреваемых советскими коллегами в проамериканских взглядах. Только 20 октября, когда ситуация прояснилась, президент США Д. Эйзенхауэр сделал заявление, в котором высказал симпатию к стремлению поляков к свободе и независимости. На следующий день госсекретарь Джон Фостер Даллес в своем выступлении по радио исключил возможность оказания Польше военной помощи [24, с. 357].

Кровавые события в Будапеште таили в себе угрозу возврата к более жестким формам диктатуры, не только в Венгрии, но и в других странах. По оценке сотрудников американской разведки, антикоммунистическое восстание венгров могло вынудить советское руководство отказаться от поддержки умеренных коммунистических режимов и в том числе пойти на резкий пересмотр своей политики в отношении режима Гомулки, вплоть до военного вмешательства. Последнее неизбежно влекло за собой резкую дестабилизацию международной обстановки [6, с. 1].

Дальнейшее наблюдение за развитием событий убедило ЦРУ в хороших перспективах польского режима, сделавшего ставку на сохранение дружбы с СССР при более самостоятельной внутренней и отчасти внешней политике. Гомулка сумел укрепить свою популярность за счет повышения уровня жизни населения, отказа от коллективизации и роспуска колхозов, компромисса с церковью, удаления с руководящих должностей советских советников. Военная интервенция СССР в те страны, где нет угрозы вооруженных выступлений против социалистического строя, оставалась маловероятной. Приоритетом в политике Москвы становилось сохранение коммунистических режимов в Восточной Европе за счет предоставления им большей самостоятельности, в первую очередь, во внутренней политике [15, с. 1–2].

Естественно, видя на примере Венгрии бесперспективность попыток свержения коммунизма, Вашингтон рассматривал поддержку

национал-коммунистических режимов как наиболее эффективный способ борьбы за ослабление советского влияния в Европе. С октября 1956 г. в США началось интенсивное обсуждение необходимости оказания экономической поддержки Польше. Поначалу речь шла о поставках продовольствия, что потенциально должно было снизить цены на продукты питания, повысив, таким образом, уровень жизни населения. В дальнейшем, помимо продовольствия, стали рассматривать также возможность поставок необходимого для модернизации промышленности оборудования и предоставления кредитов. Все эти меры в совокупности должны были привести к снижению зависимости режима Гомулки от СССР и, в целом, способствовать укреплению его позиций. По подсчетам Вашингтона, реформы Гомулки могли оказаться «заразительными» и привести к укреплению националистических устремлений в других странах социалистического блока. Хотя поначалу в Госдепартаменте существовало опасение, что американские средства могут быть использованы во вред американским интересам, верх взяла точка зрения сторонников оказания экономической поддержки варшавскому режиму.

По дипломатическим каналам польское руководство было информировано о готовности США пойти на активизацию двустороннего сотрудничества. 13 ноября 1956 г. польский посол Юзеф Виневич сообщил о реакции Варшавы на американское предложение. Посол проинформировал о готовности его правительства принять предложение Вашингтона только в том случае, если оно не связано со взятием на себя каких-либо политических обязательств. По словам Виневича, его страна испытывала нехватку зерна, жиров и масел и была заинтересована в американском хлопке и удобрениях, а также приобретении современного оборудования для добычи угля [23, с. 443]. Информация, полученная от посла, была воспринята с большим интересом. Совет по внешней экономической политике принял ее к сведению при разработке дальнейшей стратегии США в отношении советских сателлитов. В Совете стали слышны голоса за возобновление режима наибольшего благоприятствования в торговле для Польши и Венгрии.

Новые выступления в ряде польских городов, случившиеся в ноябре 1956 г., поставили реализацию этих амбициозных планов под вопрос. 18 ноября вспыхнули беспорядки в г. Быдгощ. Толпа ворвалась в здание штаб-квартиры Воеводского полицейского управления гражданской милиции и стала уничтожать устройства, глушившие зарубежные радиопередачи. 10 декабря демонстранты в Щецине атаковали здания прокуратуры, тюрьму, гражданскую милицию, а также дважды входили в консульство СССР, уничтожая там оборудование [7, с. 71].

На горизонте вновь появилась угроза советского вторжения. В случае если режим Гомулки стал бы оказывать сопротивление советской интервенции и обратился за помощью в ООН и другие международные организации, Америка планировала оказать поддержку мероприятиям ООН. Однако, по мнению аналитиков из спецслужб, ООН, как и в случае с Венгрией, ограничилась бы осуждающей резолюцией, не пойдя на более решительные шаги, тем более, на санкционирование применения силы против СССР. Фактически, США оказывались неспособны оказать в случае советской интервенции сколько-нибудь существенную помощь Польше, не провоцируя глобальный конфликт. Оставалось надеяться только на стабилизацию политической ситуации в стране и опасения СССР по поводу негативных последствий для своего имиджа в глазах мирового сообщества в случае вторичного применения силы. Интересно, что авторы документа утверждали, что геополитическое положение Польши делает ее ключевой точкой всего восточного блока. «Советские лидеры, вероятно, считают Польшу в свете интересов своей военной безопасности самым важным из государств-сателлитов» [18, с. 2–3].

Опасения сотрудников ЦРУ оказались беспочвенными. Гомулка в первые годы после прихода к власти пользовался огромной популярностью, никакой существенной угрозы власти ПОРП не было, а выступления в отдельных городах быстро утихли. Работа по достижению польско-американского соглашения была продолжена. В конце декабря 1956 г. Госдепартамент известил часть конгрессменов и ряд сенатских комитетов о том, что Польша является «дружественной нацией», не находящийся под контролем СССР. Не все конгрессмены и сенаторы восприняли данный тезис положительно, однако он все же стал постепенно завоевывать поддержку парламентариев.

В феврале 1957 г. после прибытия в Вашингтон польской делегации во главе с генеральным директором Министерства финансов Генрихом Котлицким переговоры о сотрудничестве резко активизировались. Польская сторона запросила кредиты для покупки американских товаров на сумму 300 млн долларов. США поначалу предлагали от 30 до 50 млн долларов кредита, однако соглашались предоставить дополнительные кредиты в последующие годы. В апреле 1957 г. Конгресс поддержал предоставление Польше крупной экономической помощи. Большую роль в решении парламентариев сыграла позиция польской диаспоры, выступившей за программу помощи [8, с. 59].

Из-за разногласий и долгого согласования деталей переговоры затянулись на месяцы. Многие американские политики высказывали опасение по поводу эволюции гомулковского режима в сторону

консервации и сворачивания реформ. Для того чтобы развеять эти опасения, дипломатами был составлен ряд отчетов, призванных успокоить их. Консервативные шаги режима трактовались как тактические, а само его существование рассматривалось как успех американской политики. «Гомулковский режим представляет собой важнейшее изменение в советском блоке в направлении национальных интересов США со времен изгнания Тито (т.е. выхода Югославии из советского блока. – А.К.) в 1948 г.» [10, с. 555.]

Экономическое соглашение между странами было подписано 7 июня 1957 г. Польша получила кредит в размере 46 млн долларов, предназначенный, в основном, для закупок сельскохозяйственных товаров. Всего в течение 1957–1961 гг. для приобретения американских товаров Польшей было получено кредитов на сумму более чем 420 млн долларов, что стало существенным вкладом в ее развитие. Также по итогам соглашения было принято решение о начале переговоров об урегулировании американских имущественных претензий к Польше и размораживании польских активов в США.

Экономическое соглашение 1957 г. стало настоящим прорывом в двусторонних отношениях после долгого периода конфронтации. Хотя надежды Вашингтона на то, что приход к власти Гомулки и его более независимая и реформаторская политика станет примером для других восточноевропейских стран, по большей части не оправдались. А сам Гомулка в период 1957–1958 гг. стал постепенно сворачивать реформы. Американские кредиты и товары способствовали модернизации экономики ПНР и снижению ее зависимости от СССР. Впоследствии прочные экономические связи Польши с капиталистическими странами, развивавшиеся в период холодной войны, ускорили евроатлантическую интеграцию этой страны после падения коммунистического режима в 1989 г.

Библиографический список

1. Дыбковская А., Жырын М., Жырын Я. История Польши. Варшава, 1995.
2. Носкова А.Ф. Польша в XX в. Очерки политической истории. М., 2012.
3. Тымовский М., Коневич Я., Хольцер Е. История Польши. М., 2004.
4. An evaluation of the potential of the Gomulka croup and Poland's political future. 1954. 5 March. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp80-00809a000500420097-6> (дата обращения: 15.12.2017).
5. Eastern Europe. Vol. XXV. J.P. Glennon (ed.). Washington, 1990.
6. Implications of developments in Poland and Hungary. 1956. 25 October. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79r00890a000700100024-3> (дата обращения: 15.12.2017).

7. Machcewicz P. Czerwiec i październik ruchy masowe w Polsce w 1956 roku. *Dzieje najnowsze*. 1992. Rocznik XXIV. S. 67–77.
8. Machcewicz P. Stany zjednoczone wobec polskiego pazdzierika 1956 roku. *Studia i Materiały*. 1997. № III. S. 45–61.
9. Memorandum from George T. Lister of the office of Eastern European Affairs to the Director of the Office (Beam). *Eastern Europe*. Vol. XXV. J.P. Glennon (ed.). Washington, 1990. Pp. 83–84.
10. Memorandum from the Deputy Assistant Secretary of State for European Affairs (Beam) to the Secretary of State. *Eastern Europe*. Vol. XXV. J.P. Glennon (ed.). Washington, 1990. Pp. 554–555.
11. Memorandum of a Conversation, Department of State, Washington, July 20, 1956. *Eastern Europe*. Vol. XXV. J.P. Glennon (ed.). Washington, 1990. Pp. 228–230.
12. Memorandum of Telephone Conversations by the Secretary of State, Washington, June 29, 1956. *Eastern Europe*. Vol. XXV. J.P. Glennon (ed.). Washington, 1990. Pp. 184–185.
13. National Security Council Report. *Eastern Europe*. Vol. XXV. J.P. Glennon (ed.). Washington, 1990. Pp. 217–222.
14. Notes of the Secretary of State's Staff Meeting, Department of State, Washington, June 29, 1956, 9:15 a.m. *Eastern Europe*. Vol. XXV. J.P. Glennon (ed.). Washington, 1990. Pp. 183–184.
15. Prospects Hungary and Poland. 31 October 1956. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79r00890a000700100032-4> (дата обращения: 15.12.2017).
16. Reactions of the Polish population to the death of Joseph Stalin. 24 April 1953. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP80-00810A001000340005-8.pdf> (дата обращения: 15.12.2017).
17. Report to the National Security Council by the National Security Council Planning Board. *Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean*. Vol. VII. W.Z. Slany (ed.). Washington, 1988. Pp. 111–127.
18. Some Memorandum No. 92–56. 4 December 1956. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79t00937a000500020006-0> (дата обращения: 15.12.2017).
19. Telegram from the Embassy in Poland to the Department of State. *Eastern Europe*. Vol. XXV. J.P. Glennon (ed.). Washington, 1990. Pp. 187–188.
20. Telegram from the Embassy in Poland to the Department of State. *Eastern Europe*. Vol. XXV. J.P. Glennon (ed.). Washington, 1990. Pp. 188–189.
21. Telegram from the Embassy in Poland to the Department of State. *Eastern Europe*. Vol. XXV. J.P. Glennon (ed.). Washington, 1990. Pp. 231–232.
22. Telegram from the Embassy in Poland to the Department of State. *Eastern Europe*. Vol. XXV. J.P. Glennon (ed.). Washington, 1990. Pp. 245–248.
23. Telegram from the Embassy in Poland to the Department of State. *Eastern Europe*. Vol. XXV. J.P. Glennon (ed.). Washington, 1990. Pp. 442–444.
24. Wandcz P.S. The United States and Poland. Cambridge, 1980.

Карин Антон Дмитриевич – соискатель кафедры новой и новейшей истории и международных отношений, Томский государственный университет

E-mail: donfernando.karin@yandex.ru

A. KarinDe-Stalinization and political changes in Poland
in the documents of the American special services
and the USA State Department

The death of Stalin and the beginning of the “Thaw” in the USSR became the impetus for political changes in many countries of the socialist bloc. In a short period of reforms, the communist regimes that existed in them have evolved, abandoning the Stalinist version of socialism in favor of a less totalitarian model of social organization. The article, based on the documents of the CIA and the US State Department, examines the specifics of the course of reforms in the Polish People's Republic. The main attention is paid to the consideration of the US position in relation to the Polish events.

Key words: The Polish People's Republic, the process of de-Stalinization in Poland, the US State Department, Vladislav Gomulka, Polish-American relations in the 1950s.

Karin Anton D. – applicant at the Department of New and Modern History and International Relations, Tomsk State University

Г.А. Артамонов, А.С. Орлова

Эволюция образа врага в локальных конфликтах в игровом кино современной России¹

Статья посвящена анализу игровых фильмов и сериалов о чеченском конфликте в контексте трансформации образа врага. Рассматриваются две «волны» воплощения на экранах событий в Чечне – в 1990-х и в 2000-х гг. Первые картины отражают дезориентацию общества, в качестве главного врага в них выступает центральная власть, ставится вопрос о целесообразности ведения военных действий на территории, где местные жители поддерживают боевого противника. С началом 2000-х гг. изображение врага существенно меняется: чеченские боевики рассматриваются в качестве наемников руководителей международного терроризма, внутренние враги персонализируются в образах отдельных коррумпированных чиновников и военных, однако в авторском кино вновь ставится вопрос о необходимости продолжения военных действий.

Ключевые слова: образ врага, чеченский конфликт, российская политика 1990-х гг., российская политика 2000-х гг., игровое кино, локальные конфликты.

На современном этапе развития цивилизации проблема разжигания вооруженных конфликтов продолжает оставаться одной из наиболее значимых. Несмотря на отсутствие в новейшей истории масштабных войн, получивших в XX в. определение «мировых», им на смену в настоящее время пришли так называемые локальные, как правило, внутренние конфликты, которые, при этом, сохраняют высокую степень

¹ Настоящая публикация выполнена в рамках проекта РФФИ «История участия Российской Федерации в локальных гибридных войнах в 1991–2008 годах: генезис, геостратегия, результаты» № 18-09-00621 А.

воздействия на всю систему международных отношений. Российская и мировая история последних десятилетий наглядно продемонстрировали стремительность возникновения кровопролитных локальных войн на территориях, которые еще не так давно (на памяти ныне живущих поколений) казались мирными и монолитными. В условиях перманентной угрозы разжигания в различных точках планеты вооруженных конфликтов, ставших сегодня едва ли не частью повседневной жизни, особую актуальность приобретают исследования, связанные с изучением формирования и трансформации в общественных представлениях «образа врага».

В современной научной литературе противопоставление «мы – они», «свои – чужие» определяется как неотъемлемая часть человеческого сознания [7, с. 45; 13, с. 81]. Однако относительно степени влияния отдельных факторов на формирование «образа врага» в разные исторические периоды мнения ученых расходятся. Некоторые исследователи рассматривают «образ врага» прежде всего как политический инструмент, позволяющий консолидировать общество вокруг правящей группы [12, с. 69; 17, с. 156], другие подчеркивают, что, помимо стереотипов и информационно-пропагандистского воздействия, на формирование «образа врага» оказывает влияние социально-исторический опыт, а также опыт отдельных социальных и этнических групп [4, с. 13; 15, с. 20]. Последний подход представляется более продуктивным, поскольку позволяет учесть ускорение темпов общественного развития и, как следствие, возрастание влияния различных по своему характеру, нередко неожиданных или плохо прогнозируемых, ранее не учитывавшихся факторов.

В свою очередь, наибольшее воздействие на процессы эволюции массового сознания, несмотря на появление его так называемых экранных форм [11; 18; 19], в т.ч. в интересующей нас сфере, продолжает оказывать киноискусство, которое уже без малого сто лет назад (в 1922 г.) определялось В.И. Лениным в качестве «важнейшего из всех искусств» [10, с. 579]. Этот тезис воспринят и многими современными исследователями, которые, при изучении механизмов воздействия на сознание людей, все чаще, наряду с письменными источниками, исследуют и кино [5; 6; 8]. Благодаря исключительной силе эмоционального влияния на зрителей, художественное кино представляет собой мощное средство идеологического воспитания и пропаганды, и, вопреки распространенному мнению, даже голливудские блокбастеры не лишены политического подтекста [20].

В настоящей статье процесс трансформации образа врага рассматривается на материале игровых фильмов и сериалов, посвященных

вооруженному конфликту в Чечне, поскольку эта тема остается актуальной и болезненной для ныне живущих поколений россиян, а также потому, что две «волны» обращения к событиям чеченских войн со стороны кинематографа и телевидения – в середине-второй половине 1990-х гг. и в 2000-х гг. – позволяют сопоставить изменения в отображении военных действий с переменами общественно-политической ситуации в стране.

В качестве источников при написании статьи авторами привлечены 25 отечественных художественных фильмов и сериалов, вышедших на экраны с 1997 по 2011 гг. Дополнительным материалом, позволяющим сделать выводы о целях создателей кино- и телепроектов, а также выяснить реакцию зрителей и критиков, послужили интервью, репортажи со съемок и статьи, опубликованные в открытых источниках.

По мнению исследователей чеченского конфликта, в информационно-психологической борьбе, сопровождавшей Первую Чеченскую войну, победа оказалась на стороне сепаратистов. После провала штурма Грозного в январе 1996 г., согласно некоторым социологическим опросам, лишь 13% опрошенных москвичей продолжали поддерживать действия российского правительства [3, с. 633]. Такому положению во многом способствовали и российская пресса, и телевидение, постоянно демонстрировавшее «мужественные лица чеченских головорезов и затравленные, испуганные лица русских солдат» [14].

На этом фоне неудивительна тональность первых игровых фильмов о войне в Чечне: «Чистилище», «Война окончена. Забудьте...» (оба – 1997 г.) и «Блокпост» (1998 г.). На них необходимо остановиться подробнее, чтобы оценить степень трансформации «образа врага» к началу 2010-х гг.

Картина «Чистилище» посвящена обороне больницы в Грозном в январе 1995 г. По словам режиссера и автора сценария известного журналиста А.Г. Невзорова, он «ничего не придумал, а просто все виденное своими глазами запомнил и воссоздал» [1]. Именно эта претензия на документальность, а также отдельные шокирующие сцены, как например, зарывание танком тел погибших солдат, вызвали бурю негативных отзывов в прессе, что, впрочем, не стало сюрпризом для создателей фильма.

В киноленте «Война окончена. Забудьте...» режиссера В.Н. Харченко также присутствуют элементы документалистики. Авторы фильма показывают чеченский конфликт с позиции матери солдата-срочника, внезапно отправленного воевать. Помещенный в название призыв «Забудьте...» звучит особенно остро и провокационно, когда в картине демонстрируются хроникальные кадры с телами убитых, а в финале

приводится список из 2939 установленных имен российских военных, погибших на Чеченской войне (данные на 4 октября 1996 г.). Несмотря на запрет к показу на телевидении, фильм получил несколько призов, а сыгравшая в нем актриса Ирина Бразговка была номинирована в 1999 г. на премию «Ника» за исполнение лучшей женской роли.

Фильм А.В. Рогожкина «Блокпост», также отмеченный наградами, повествует о солдатах, которых после случайного и трагического инцидента с местными жителями во избежание скандала отправляют на удаленный блокпост. Там нет отрядов боевиков, но есть простые чеченцы, и они ненавидят «незваных гостей».

В перечисленных фильмах подчеркивается неопределенность целей войны. «Ты за что дерешься здесь, лейтенант?» – спрашивает русского танкиста главарь боевиков. «Вспомни афганцев, ты Ельцину не нужен...» («Чистилище»). Прапорщик, единственный, кому небезразлична жизнь солдат, может только воскликнуть: «Что эти мальчишки здесь делают? Что я, старый дурак, здесь делаю?» («Блокпост»).

В этих картинах присутствует ярко выраженный образ «внутреннего врага», который представляется едва ли не более ужасным, чем чеченские боевики. «Внутренний враг» – это и коррумпированные чиновники, и бездарные генералы, и российская власть в целом, отправляющая мальчишек-новобранцев, которые едва научились держать автомат, на верную смерть: «Дети! На мясорубку гонят!», «Мы вышли на боевое задание, а потом оказалось, что мы никому больше не нужны и эта война тоже никому не нужна» («Война окончена...»), «В политических играх за этот шаткий мир нас всех могут положить и не заметят столь малой потери» («Блокпост»), про новобранцев: «Хороший подарок Джохару Дудаеву от российских военкоматов и лично от Паши Грачева (имеется в виду министр обороны генерал армии П.С. Грачёв. – Г.А., А.О.)» («Чистилище»). Война здесь – бессмысленная гибель российских солдат и офицеров, потому что и героизм, и победа будут в конечном итоге обесценены («Чистилище»). И в этой ситуации главная цель матери солдата – вытащить его, спасти от смерти любыми подкупами и унижениями, выглядит совершенно оправданно («Война окончена. Забудьте...»)².

Изображение боевого противника в этих фильмах несколько различается. Если в фильме Харченко о наличии врага свидетельствуют

² В 1996 г. был выпущен еще один фильм о Чечне – «Кавказский пленник» режиссера С.В. Бодрова-старшего. Он задумывался еще в 1994 г. как современное прочтение одноименного рассказа Л.Н. Толстого. Несмотря на то, что к началу Первой чеченской войны съемки фильма уже шли, в нем также отразилось недовольство действиями командования: «Да что это за война? То отступай, то наступай. Какая же армия это выдержит?».

исключительно документальные кадры из районов боевых действий, то в «Чистилище» состав неприятельской группировки и ее цели представлены более детально. Чеченский полевой командир Дукуз Исапилов (актер Д.В. Нагиев), бывший хирург горбольницы Грозного, стремится к сепаратизму, хотя напрямую об этом не сказано («Я врач, я делаю операцию – удаляю опухоль»), его соратникам афганским моджахедам нужны зверства над пленными и убитыми, афроамериканским наемникам и женщинам-снайперам из Прибалтики – только деньги. Схожий национальный состав бандформирований будет представлен и в более поздних картинах – «Марш-бросок» (2003 г., режиссер Н.П. Стамбула) и «Прорыв» (2006 г., режиссер В.В. Лукин).

Еще один важный момент – отношение местного населения к российским войскам. В «Чистилище» показан разрушенный войной Грозный, в фильме «Война окончена...» в солдатском письме упоминается о так называемых зачистках, в ходе которых погибало много мирных жителей. В картине «Блокпост», где в результате «зачистки», пусть и случайно, но гибнет ребенок, демонстрируется уже неприкрытая ненависть простых чеченцев к нашим войскам, поэтому главным врагом здесь оказывается местная девушка, продающая свою сестру русским парням за патроны для того, чтобы убивать непрошенных гостей («Кого бы ни несли на носилках, для местных мы будем единственным источником всех бед и несчастий»).

С приходом к власти нового президента в 2000 г. тональность фильмов существенно меняется. Полнометражные художественные киноленты и телесериалы, посвященные событиям в Чечне, появляются на экранах с завидной регулярностью – почти ежегодно, но обращаются к периоду Первой Чеченской войны – лишь единицы.

Российские войска на экране представлены, как правило, подразделениями воздушно-десантных войск и спецназом («Марш-бросок», «Прорыв», «Русская жертва», сериалы «Десантура. Никто, кроме нас», «Грозные ворота», «Мужская работа», «Русский спецназ», «Честь имею!»). Это, в основном, крепкие и опытные воины, среди которых всего несколько новобранцев, но и они, пройдя боевое крещение, становятся настоящими десантниками. Появляется тема боевого братства, нерушимого и после смерти («Живой»). Подчеркивается, что бойцы рискуют жизнью сознательно, понимая, какой опасный враг перед ними. Таким образом, война на экранах представлена как испытание (инициация), которое нужно с мужеством преодолеть.

Подвиг 6-й роты псковской воздушно-десантной дивизии, которая на протяжении двух суток сдерживала значительно превосходившие силы противника, нашел отражение сразу в нескольких медиапроектах:

фильмах «Прорыв» (2006 г.), «Русская жертва» (2008 г.), сериалах «Честь имею!» (2004 г.) и «Грозовые ворота» (2006 г.).

С начала 2000-х гг. в фильмах и сериалах о Чечне акцентируется внимание на разногласиях в лагере неприятеля. Среди боевиков есть те, кто действительно стремится к независимости от России («Я защищаю мою страну, как мои предки» («Марш-бросок»)), но они в меньшинстве, большая же часть боевиков преследует корыстные цели: занимается похищением людей ради выкупа, торгует нефтью, оружием, наркотиками («Я знаю, за что Джухраев борется. За свой карман. Нефть, доллары – вот его бог» («Дело чести»)). Показано также, что чеченские боевики тесно связаны с бизнесом, сосредоточенным в Москве («В Москве встретят и помогут оружием и людьми» («Личный номер»)), «Я русских дою как коз. У меня в Москве гостиница, рестораны...» («Война»)). Еще один важный мотив, заставляющий чеченцев взять в руки оружие – это месть за гибель родных («Ахиллесова пята», «Дом дураков», «Русский треугольник»).

С фильма «Марш-бросок» (2003 г.), где только проскальзывает намек на то, что бандами управляют из-за границы, начинает раскрываться тема международного терроризма, получившая развитие в нескольких последующих медиапроектах. Авторы обращают внимание на то, что Чечня – лишь один из полигонов террористов, в то время как главные враги – на Ближнем Востоке («Личный номер», «Десантура», «Стреляющие горы») и в странах НАТО («Мужская работа»). Арабские исламисты используют настроения в Чечне для решения более глобальных задач: «Мы должны создать исламский пояс, от моря до моря возникнет новый халифат» («Десантура»). Поскольку угроза касается не только России, то и в борьбу с ней должны вступить европейские страны и США, что подробно отражено в картине «Личный номер» (2004 г.). Необходимость войны в этих условиях даже не ставится под сомнение.

Обстановка в Чечне в начале 2000-х гг. оставалась тяжелой, не говоря уже о трагедиях, связанных со взрывами жилых домов и захватом заложников в театре на Дубровке и в школе в Беслане, которые потрясли российское общество. Актёр А.А. Федорцов, исполнитель одной из главных ролей в сериале «Убойная сила», вспоминал, как опасно было проводить съемки даже на границе с Чечней: «С нами постоянно ездили два БТР и охраняли восемь снайперов. Когда начались съемки, рядом с нами взорвалась машина, и все захотели уехать обратно. Нам сразу сказали, что здесь люди зарабатывают деньги тем, что кого-то крадут... С нами была очень серьезная охрана. Даже в туалет с нами ходили ОМОНовцы» [9].

В это же время в кинофильмах и сериалах о Чечне меняется изображение местных жителей: они выступают против войны («Ты не чеченец, а бандит. Чеченец хочет мира» («Честь имею!»), «Хасан не уважает наши традиции» («Стреляющие горы»)). Местные жители или помогают российским бойцам («Десантура», «Стреляющие горы», «Мертвое поле», «Личный номер»), или сами сопротивляются действиям боевиков («Честь имею!», «Прорыв»). Создатели фильмов и сериалов проводят черту между бандитами-боевиками и простыми чеченцами, и это особенно важно, учитывая, что только в Москве в начале 2000-х гг. проживало около 400 тыс. выходцев из Чечни.

В сериале «Грозные ворота» (2006 г.) Мурад «Шах», сам бывший боевик, помогает российским войскам справиться с террористами, чтобы отомстить за убийство своей семьи. В другом сериале, «Дело чести» (2007 г.), главный герой (генерал Асхабов) – чеченец по национальности, и именно он решает разоблачить крупные финансовые махинации с деньгами, выделенными федеральным бюджетом для восстановления Чечни. Появляются также истории о любви между чеченской девушкой и российским военным («Мертвое поле», «Откричат журавли», «Убойная сила-3: Предел прочности»), некоторые из которых, впрочем, вызвали негативную реакцию чеченской стороны с обвинениями в искажении правил поведения и традиций воспитания чеченских девушек.

Наряду с этим, на экраны выходит и авторский фильм А.Н. Сокурова «Александра» (2007 г.). В нем война вновь показана как трагедия, трагедия, в первую очередь, мирного населения Чечни: стариков, женщин и детей. Они живут в полуразрушенных домах, у молодежи сломана психика. Местные жители не хотят войны, однако чеченский юноша робко просит пожилую русскую женщину: «Отпустите нас... Мы устали терпеть». «Вас здесь не любят», – говорит главная героиня своему внуку – российскому офицеру. И получает ответ: «Нас не боятся». В России картина собрала очень скромную сумму (64,5 тыс. дол.), вдвое больше – в США.

Особого внимания заслуживает показ на экранах образов «внутренних врагов». Равнодушие со стороны чиновников и военачальников к простым гражданам, вынужденным спасаться или восстанавливать справедливость самостоятельно, – эта тема сохраняется и пронизывает многие фильмы и сериалы о Чечне. Это ярко выразилось в фильме А.С. Кончаловского «Дом дураков» (2002 г.), где начальство покидает больницу для душевнобольных в Ингушетии, оставляя своих подопечных в зоне военных действий на произвол судьбы. Сам режиссер

в интервью выразил свою позицию так: «Вполне вероятно, что в правительстве есть люди, которые хотели бы, чтобы эта война продолжалась. Потому что, как и в каждой войне, в ней крутятся деньги, большие деньги» [2].

Также интересен фильм А.О. Балабанова «Война» (2002 г.). В нем подчеркивается, что в экстремальной ситуации помощи от властей не добиться не только в России, но и за рубежом – когда боевики требуют выкуп за девушку, ее жених-англичанин, тщетно потратив время на «обивание порогов», вынужден освободить невесту вместе с обычным русским парнем, побывавшим в чеченском плену. Создатели киноленты сделали акцент на связи руководства страны с бандитами, действующими в Чечне. В интервью Алексей Балабанов на вопрос: «Чем лично для вас болезненна чеченская война?» – ответил: «...эту войну ведет не народ, а небольшая группа, народ – заложник, усталый заложник. Мне просто не чуждо чувство патриотизма» [16]. Фильм «Война» был удостоен множества призов, в т.ч. главного приза «Кинотавра», и стал одним из лидеров проката.

В картине «Личный номер» (2004 г.), созданной по всем канонам голливудского блокбастера, в качестве одного из главных злодеев выведен Лев Покровский – олигарх, скрывающийся за рубежом и плетущий интриги против России. Олигархи, бизнесмены и офицеры, действующие против интересов страны, обличены в сериалах «Честь имею!» (2004 г.) и «Дело чести» (2007 г.). Апогея же тема измены внутри руководства страны достигла в фильме «Русская жертва» (2008 г.), созданном при поддержке Министерства культуры и Министерства обороны. В нем проводятся исторические параллели между отречением Николая II, преданного генералами, и подвигом псковских десантников, защищавших Родину вопреки коварным планам олигархов и продажных военачальников.

В целом, первые фильмы о Чеченском конфликте демонстрируют полное неприятие войны, акцентируют внимание на ее бесцельности, кровопролитности и заведомой обреченности наших войск на поражение. Этому способствовала и сама военная катастрофа в Чечне, когда недостаточно подготовленная операция по восстановлению законности превратилась в затяжную и кровопролитную войну, и общая внутриполитическая обстановка растерянности, которую подпитывали пресса и телевидение, объявившие «войну войне» и фактически возродившие большевистский тезис о поражении своего правительства [14]. В «образе врага» в этот период предстают не только сами чеченские боевики, но и иностранные наемники, и местные жители, не желающие присутствия российских войск. «Внутренние враги» – чиновники, военачальники

и т.д. – выглядят едва ли не хуже, чем боевые противники, потому что отправляют солдат и офицеров на войну без должной подготовки, необходимой техники и оружия.

С приходом к власти В.В. Путина на экранах появилось значительное количество фильмов и сериалов военно-патриотической тематики, в т.ч. и о событиях в Чечне, хотя непосредственно к Первой Чеченской войне кинематографисты обращались неохотно. Наибольший интерес они проявили к бою в Аргунском ущелье в феврале-марте 2000 г., в котором героически погибла почти вся рота псковских десантников, пытаясь задержать прорыв более 2 тыс. боевиков. В фильмах и сериалах с новой силой звучат темы мужества, самопожертвования, патриотизма, боевого братства. Образ врага подвергается существенной трансформации. Подчеркивается, что большинство чеченцев не хотят войны, а боевики подчиняются руководителям международного терроризма, использующим их для собственных целей. Звучат выпады и в сторону государств НАТО, которые преследуют свои интересы и не желают объединяться с Россией для совместной борьбы с терроризмом.

«Внутренние враги» персонифицируются в отдельных представителях крупного бизнеса, продажных чиновников, военачальников и офицеров. Акцентируется их связь с теневой экономикой Чечни: торговлей оружием, нефтью, наркотиками и людьми. Показано, что олигархи действуют против собственной страны, и в этом нашла своеобразное воплощение борьба В.В. Путина с теми, кто пытался оказывать влияние на политику России на рубеже 1990–2000-х гг. (Б.А. Березовский, М.Б. Ходорковский, В.А. Гусинский и др.)

В медиапроектах прямо звучат надежды, возлагаемые на нового президента: «Верю, будем жить по-другому. Другая армия, другая страна» («Честь имею!»). Политика В.В. Путина по усилению вертикали власти позволила создателям фильма «Русская жертва» сравнить его с последним российским императором.

Важно отметить, что в большинстве кинофильмов и сериалов 2000-х гг. борьба с боевиками в Чечне и предателями во властных структурах заканчивается победой над противником и торжеством закона, даже трагический финал не вызывает ощущения безысходности.

Таким образом, медиапроекты 2000-х гг. в значительной степени отразили позицию государства по отношению к чеченскому конфликту, что выразилось в усилении патриотического пафоса, демонстрации мужества и героизма российских войск, изображении в качестве основного противника руководителей и пособников международного терроризма. Чеченские сепаратисты в данном контексте рассматриваются исключительно как одна из военных сил, используемых террористами

в собственных целях. Сами военные действия перестают быть бессмысленным кровопролитием, а воплощаются на экранах как доблестная борьба с сильным и опасным врагом. Наряду с этим, в авторском кино сохраняется гуманистическая тенденция показа войны как трагедии и ставится вопрос о целесообразности продолжения военных действий.

Библиографический список

1. Александр Невзоров показал «Чистилище», которое страшнее ада // Комсомольская правда. 22.10.1997. URL: <http://www.m-rnagiev.ru/main.php?id=chistilishhe&rid=270> (дата обращения: 01.10.2018).
2. Андрей Кончаловский: фильм «Дом дураков» – пророческий. Все это было на Дубровке // NEWS.ru. 28.11.2002. URL: <https://www.newsru.com/cinema/28nov2002/durakoff.html> (дата обращения: 01.10.2018).
3. Волковский Н.Л. История информационных войн. В 2 ч. Ч. 2. СПб., 2003.
4. Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага: Сб. ст. / Сост. Л. Гудков; Под ред. Н. Конрадова. М., 2005. С. 7–79.
5. Добренко Е. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. М., 2008.
6. Закиров О.А. Исторические фильмы СССР 1936–1946 гг.: патриотическое освещение дореволюционного прошлого средствами игрового кино: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
7. Козырев Г.И. Социология общественного мнения: образ врага в истории, теории и общественном сознании: Учеб. пособие. М., 2017.
8. Колесникова А.Г. Формирование и эволюция образа врага периода «холодной войны» в советском кинематографе: середина 1950-х – середина 1980-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
9. Кручинин О. На съемках «Убойной силы» в Чечне актеров чуть не похитили боевики. Спасали снайперы и бронетранспортеры. URL: <http://kodabra.com/blog/obshhestvo/797.html> (дата обращения: 01.10.2018).
10. Ленин В.И. Беседа В.И. Ленина с А.В. Луначарским // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 44. М., 1974. С. 579.
11. Морозова И.С. Экранная культура как порождение информационного общества // Экономика и социум. 2013. № 3 (8). С. 883–887.
12. Невежин В.А. Польша в советской пропаганде 1939–1941 гг. // Россия и внешний мир: диалог культур: Сб. ст. / Под ред. Ю.С. Борисова, А.В. Голубева, В.А. Невежина. М., 1997. С. 69–88.
13. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979.
14. Савельев А. Чеченский капкан. М., 1997.
15. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.
16. Создатель «Брата» сделал фильм про чеченский плен // Известия. 13.03.2002. URL: <https://iz.ru/news/259360> (дата обращения: 01.10.2018).
17. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., 1999.
18. Шигапова И.И. Экранная культура: традиции и современные проблемы // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 3. С. 55–57.

19. Шигапова И.И. Экранная культура и формирование культуры восприятия личности // Социально-культурная деятельность: векторы исследовательских и практических перспектив: Материалы Международной научно-практической конференции. Казань, 2017. С. 453–456.
20. Юсев А. Кинополитика: Скрытые смыслы современных голливудских фильмов. М., 2017.

Артамонов Герман Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент; профессор кафедры истории России Института истории и политики, директор Учебно-научного центра актуальных проблем исторической науки и образования, Московский педагогический государственный университет

E-mail: ga.artamonov@mpgu.su

Орлова Анна Сергеевна – преподаватель истории и обществознания, Спортивно-педагогический колледж, г. Москва

E-mail: annaorl888@gmail.com

G. Artamonov, A. Orlova

The evolution of the image of the enemy in local conflicts in the fiction films of modern Russia

The article is devoted to the analysis of the fiction films and TV series about Chechen conflict in the context of transformation of the image of the enemy. It shows two “waves” of the course of the events in Chechnya in the 1990's and the 2000's. The first pictures reflect the disorientation of society, the major foe is the central authority, it raises the issue of the need to conduct military actions on the territory, where local residents support the opposing forces. Since 2000 the image of the enemy has been dramatically changing: Chechen fighters are presented as mercenaries of the leaders of international terrorism, internal enemies appear as corrupt officials and military men, however the auteur cinema raises the issue of the need to continue military actions.

Key words: the image of the enemy, Chechen conflict, Russian policy in 1990–2000's, fiction films, local conflicts.

Artamonov German A. – PhD in History; professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Politics, director at the Research Center of Actual Problems of Historical Science and Education, Moscow Pedagogical State University

Orlova Anna S. – teacher of history and social studies, Pedagogical Sports College, Moscow

М.А. Шепелев

Великая русская цивилизационная революция как первый глобальный индигенизационный проект

В статье предлагается новая интерпретация места и роли революции в России в мировом цивилизационном процессе: показано, что, не отрицая традиционных подходов, ее следует рассматривать и как цивилизационную революцию – насильственный процесс трансформации цивилизационной идентичности, смены образа (уклада) жизни, связанный с выдвиганием и реализацией новой модели развития (цивилизационного проекта). Великая Русская цивилизационная революция, которая была реакцией на кризис 200-летней политики вестернизации (европеизации), создала первый глобальный индигенизационный проект – проект «модернизации без вестернизации», положивший начало всемирно-историческому процессу подъема Незапада.

Ключевые слова: цивилизационная революция, Великая Французская революция, Великая Русская революция, индигенизация, модернизация, вестернизация, первый глобальный индигенизационный проект.

Столетний юбилей Великой Русской революции сделал ее предметом оживленных научных и общественных дискуссий, возрождающих в сознании многих их участников опасения нового общественного раскола на «красных» и «белых». Наверное, этим опасением объясняется и весьма сдержанная реакция властей, воздержавшихся от объявлений официальных торжеств или иных памятных мероприятий по этому случаю, оставляя тем самым этот вопрос «гражданскому обществу». Однако в связи с этим возникает вопрос: почему французы смогли преодолеть внутреннее противостояние и давно ежегодно отмечают военными парадами и прочими торжествами День взятия Бастилии, а мы в этом смысле занимаем куда более сдержанную позицию?

И это при том, что революция во Франции фактически стала «водоразделом» между высокой культурой и цивилизацией в истории Запада, ознаменовав тем самым начало процесса его неуклонного упадка (1800–2000 гг. – первая стадия цивилизации в истории Запада, а 2000–2200 гг. – вторая стадия, согласно теории и прогнозу О. Шпенглера, столетний юбилей выхода книги которого «Закат Европы» [7]

приходится на 2018 г.). Подтверждающими это признаками стали возникновение демократического национализма, введение всеобщей воинской повинности и всеобщего избирательного права, что положило начало формированию «массового общества»; первые проявления политики дехристианизации и детеизации; прекращение мимесиса – по Тойнби, механизма «подражания» масс создавшему цивилизацию творческому меньшинству, обеспечивающего единство этой цивилизации, и раскол «государства» и «гражданского общества» (сама революция была восстанием «гражданского общества» – «третьего сословия», объявившего себя «нацией», против государства); разрушение отношений солидарности, переросшее в XIX в. в глубочайший конфликт Труда и Капитала; наконец, провозглашение революционного универсализма как основного принципа внешней политики, что в дальнейшем получило развитие в США (американские президенты от В. Вильсона до Б. Обамы лишь развивали то, что впервые было сформулировано М. Робеспьером и другими французскими революционерами).

Напротив, революция в России, вызванная кризисом двухсотлетней политики вестернизации (европеизации) России, которая превратила ее, по терминологии С. Хантингтона, в «разорванную страну» (между европеизированной элитой и массами, сохранившими приверженность традиционному укладу, как это в XX в. произошло с кемалистской Турцией), ознаменовала собой начало динамичного подъема незападного мира. Именно поэтому речь следует вести о Великой Русской революции как цивилизационной революции, при том, что в социальном плане Февраль и Октябрь – это, безусловно, разные социальные революции, хотя и взаимосвязанные в рамках единой структурной логики развертывания большого революционного процесса.

Цивилизационная революция – насильственный процесс трансформации цивилизационной идентичности, смены образа (уклада) жизни, вызванный непреодолимым внутренним разрывом культурно-исторического организма и связанный с выдвиганием и реализацией новой модели развития (цивилизационного проекта). Она может принимать различные исторические формы, часто сопровождаясь сменой письменности и календаря, масштабными религиозными реформами, разрушением старых символов и мифов и созданием новых, иными проявлениями «перерыва постепенности» в культурной традиции, но главный ее смысл – создание «нового человека» и нового общества. Применение концепта цивилизационных революций к осмыслению исторического прошлого дает основание рассматривать в этом качестве события, связанные с преобразованиями Эхнатона, Кира Великого, Константина Великого, Мухаммеда, Владимира Великого, Исаила Сефеви,

Петра Великого, Муцухито (Мейдзи), Мустафы Кемалья, и, разумеется, В.И. Ленина – И.В. Сталина и Мао Цзэдуна. Вероятно, в этом качестве стоит рассматривать и политику «католических королей» Фердинанда II Арагонского и Изабеллы Кастильской, которые ценой изгнания евреев и мавров, не пожелавших обратиться в католицизм, создали испанскую нацию, а в более широком контексте – ибероамериканскую цивилизацию. Все они представляли собой «скачки», до неузнаваемости изменявшие прежние общества, хотя среди этих цивилизационных революций следует различать незавершенные и завершенные.

Говоря о Русской революции как о цивилизационной революции, важно понять в первую очередь то, что, независимо от судьбы самого советского цивилизационного проекта, она дала мощнейший импульс качественно новой тенденции в развитии мир-системы Модерна. Эта тенденция известна сегодня под названием «индигенизация», но почему-то она весьма слабо связывается у нас с Великой Русской революцией.

Индигенизация (от англ. *indigenous* – аборигенный, местный, туземный, врожденный, прирожденный) представляет собой процесс адаптации техносферы традиционными цивилизациями к собственным культурным особенностям, являющийся основой утверждения незападных культурных ценностей, укрепления цивилизационной независимости незападных обществ в современном мире. Несколько упрощенным, но в целом адекватным определением индигенизации является «модернизация без вестернизации».

Когда западные христианские миссии на заре Нового времени первыми стали использовать это понятие, они связывали его значение прежде всего с переводом евангелических текстов на языки местных жителей, что облегчало вовлечение неофитов в христианские церкви. В более широком культурном смысле индигенизация означает стремление видеть мир сквозь призму собственной культуры, или, иначе говоря, – «глазами своего бога». Она способствует сохранению необходимого оптимума культурного разнообразия в мире, поддержанию альтернативных экономических укладов, воспроизводству привычных образов жизни. В политической науке первым заметным фактом использования термина «индигенизация» стала работа Рональда Дора «Единство и многообразие в современной мировой культуре» (вышедшая как часть коллективного труда «Расширение международного общества», Оксфорд, 1984 г.), но настоящим его популяризатором стал Сэмюэл Хантингтон в книге « Столкновение цивилизаций » (1996 г.) [6].

Индигенизация предусматривает привлечение лишь тех элементов моделей модернизации, которые проходят оценку незападной системой на возможность их согласования и взаимодействия с традициями,

созвучными культуре модернизирующегося общества. Процесс индигенизации в современных условиях является вариантом адаптации западных систем к стремительно меняющемуся миру, к окружению, которое собственными изменениями бросает вызов соседям, и этот вызов должен быть воспринят и использован для дальнейшего совершенствования и развития.

Индигенизационная направленность революции в России проявилась уже на первых этапах, поскольку она была вызвана как раз кризисом вестернизаторской политики, превратившей Россию в «разорванную страну». Вспомним известное выражение Н.Я. Данилевского: «Европейничанье – болезнь русской жизни» (так называется глава XI его главного труда «Россия и Европа») [3]. Эта болезнь в итоге привела к вовлечению страны (в интересах западных держав) в чуждую ей Первую мировую войну. Именно последствия этого решения и вызвали социальный и политический коллапс империи. То, что «конечным “бенефициаром” Февральской революции 1917 года явилась совершенно небольшевистская элита», что «ничего общего “февралисты” с большевиками не имели, и преследования большевиков (в частности, Ленина) продолжились и при Временном правительстве», что «кроваво-пролитную гражданскую войну с пришедшими к власти большевиками повели те же “февралисты”» [1], ничего в природе Русской революции как одной цивилизационной революции не меняет. Фельяны боролись с жирондистами, жирондисты – с якобинцами и т.д., цели их принципиально отличались, но от этого единство Великой Французской революции не ставится под сомнение: каждый последующий ее этап был закономерным следствием предыдущего, и как единый процесс она привела к известным итогам всемирно-исторического значения – совершенно иным, чем их представляли себе депутаты Генеральных штатов, собравшиеся 20 июня 1789 г. для принесения клятвы в зале для игры в мяч. То же касается и революции в России.

Так что, если подходить с позиций классической теории социальных революций, то объединять Февральскую и Октябрьскую революции 1917 г. в одну – действительно несуразная идея, но вот рассматривать две эти социальные революции как одну цивилизационную – абсолютно логично и естественно. И для незападной страны цивилизационные факторы революционного процесса, очевидно, были первичными по отношению к социальным: именно поэтому идея «продолжения войны до победного конца» не встретила поддержки, т.к. в обществе уже не видели в ней национального интереса, взяли верх изоляционистские настроения, которыми и воспользовались большевики, обратив стремление к миру в проект мировой социалистической революции,

трансформировавшийся затем в индигенизационный проект. Разумеется, у различных «попутчиков» и заинтересованных внешних сил могли быть свои интересы и ожидания от революции в России, но сама она развивалась в силу собственных детерминант и закономерностей.

По словам С. Хантингтона, «глобальный процесс индигенизации широко проявляется в возрождении религии, которое имеет место во многих частях земного шара и заметно проявляется в культурном возрождении азиатских и исламских государств, обусловленном во многом их экономическим и демографическим динамизмом» [6, с. 138]. Однако индигенизация несводима к религиозному ренессансу. Она означает, что привнесенные в процессе модернизации экономические и политические практики приобретают специфическую цивилизационную окраску, вписываются в конкретную цивилизационную систему в соответствии с ее нормами и иерархией ценностей. Едва ли не самый удачный с точки зрения продолжительности и эффективности пример индигенизации дает Индия. В течение тысячелетий индийские государства подчинялись различным захватчикам, но индийская цивилизация непременно одерживала над ними культурную победу. Однако индийский опыт имеет локальный характер, после Ашоки Индия никогда даже не претендовала на реализацию каких-либо универсалистских проектов.

Классическими примерами процессов индигенизации являются попытка реализации японского проекта «Великой восточноазиатской сферы процветания» в 1920–40-е гг., а в послевоенный период – практика построения в КНР «социализма с китайской спецификой», становление японского, сингапурского и других восточных альтернативных капитализмов. Думается, что в этот ряд следует поставить и такие режимы, как франкизм и особенно перонизм, сочетавшие модернизацию в ее технократическом понимании с национально-консервативной политикой. Но наиболее масштабной и значительной по своему всемирно-историческому воздействию стала «большевизация» социализма в Советской России, породившая советский цивилизационный проект. Собственно говоря, появление всех вышеупомянутых моделей так или иначе было обусловлено импульсом, который привнесла в мировую историю Великая Русская революция: без нее не появилась бы идеологическая альтернатива длительной монополии либерализма, создавшая конкурентную среду, в которой стали состязаться различные социально-экономические и политические проекты.

Стоит обратить внимание на то, что большевизм стал сознательно рассматриваться как глобальный индигенизационный проект отнюдь не на первых стадиях революции, но лишь с укреплением позиций Сталина в руководстве партией. Осуществлению этого поворота

способствовали принятию тезиса о строительстве социализма в одной отдельно взятой стране, прекращение политики воинствующего атеизма и достижение примирения с Русской православной церковью, а затем и борьба с «безродным космополитизмом» и целый ряд традиционалистских мер (как, например, восстановление раздельного обучения мальчиков и девочек в школах), что успешно сочеталось с программами индустриализации и реализацией ядерного проекта. Этот курс явно обозначился в годы Великой Отечественной войны и после ее победоносного завершения, с превращением СССР из единственного социалистического государства в центр растущего социалистического содружества. С его появлением и расширением социализм в сущности стал идеологическим инструментом осуществления глобального индигенизационного проекта.

Следует также подчеркнуть, что в этом смысле Великая Русская революция как революция цивилизационная представляет собой гораздо более длительный процесс, отнюдь не закончившийся ни в начале, ни даже в конце 1920-х гг.: вся сталинская эпоха является, в сущности, ее вершиной и одновременно завершением, также, как наполеоновская эпоха является логическим продолжением и завершением Великой Французской революции, а не ее отрицанием, как это часто представляется. Создание во второй половине 1940-х гг. мировой социалистической системы – такое же воплощение «экспорта революции», как и возведение родственников и маршалов Наполеона Бонапарта на европейские престолы (какими бы иными, и вполне обоснованными, аргументами это не подкреплялось). И также, как Реставрация Бурбонов положила конец революции во Франции, XX и XXI съезды КПСС ознаменовали собой завершение революционного процесса в СССР и кризис всего советского цивилизационного проекта. Ибо начавшаяся десталинизация означала разрушение пантеона, «гибель богов», за которой не могло не последовать коллапс: ведь идеология в современном обществе играет роль главного регулятора общественных отношений (подобно религии в традиционном обществе), а в социализме, ставшем главным двигателем процесса модернизации незападных обществ, это проявилось особенно зримо.

Наивысшей точкой в успешном продвижении советского глобально-индигенизационного проекта стал 1949 г. Активно поддержав социалистическую революцию в Китае, Сталин создал для СССР (с провозглашением КНР) мощного союзника в Азии. Понимая, что с Китаем невозможно вести себя так же, как с малыми странами Восточной Европы, Сталин взял курс на формирование стратегического союза Москвы и Пекина, основанного на признании особой самостоятельной роли КНР

и ее специфических национальных интересов. Этот союз был оформлен договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (1950 г.). СССР начал активную экономическую и гуманитарную помощь новой китайской власти. Военным испытанием этого союза стала Корейская война, в которой оба государства поддержали социалистическое правительство Ким Ир Сена, созданное в Пхеньяне.

После прихода к власти Н.С. Хрущёва вследствие ряда его ошибочных шагов советско-китайский союз был разрушен. И хотя в 1960–70-е гг. целый ряд стран декларировали свою социалистическую ориентацию, по существу никакими реальными успехами в продвижении глобального индигенизационного проекта СССР похвастаться уже не мог. Даже Кубинская революция – наиболее значимое событие последующих десятилетий – изначально не была социалистической или инициированной в рамках советского проекта, и Куба рассматривалась советским руководством лишь как геополитическая опорная точка у берегов США, но не как плацдарм дальнейшего «экспорта революции» в Латинской Америке. Что же касается «пробуждения Африки», то этот процесс, безусловно, находился в русле индигенизационного импульса, рожденного Русской революцией, но ни в одной из этих стран ни о каком реальном строительстве социализма практически речи не шло. Советская активность в этом регионе оказалась, по сути, лишь имитацией и бессистемным распылением усилий, в противоположность сталинской линии по последовательному расширению орбиты советского влияния вокруг границ СССР. В любом случае, потеря Китая имела тогда в сотни раз большее значение, чем все африканские режимы, продекларировавшие «социалистическую ориентацию».

Значение Великой Русской революции как первого глобального индигенизационного проекта («модернизации без вестернизации») состояло в следующем:

1) создав первое социалистическое государство на одной шестой части суши, ставшее ядром международного коммунистического движения, революция превратила гомогенную, неконкурентную мировую систему в гетерогенную, конкурентную;

2) положила начало длительной эпохе идеологических войн между либерализмом и альтернативными ему идеологиями, но при этом способствовала трансформации самого либерализма (возникновению реформистского или социального либерализма – неолиберализма), без которой были бы невозможны «государство всеобщего благосостояния» и «социальное рыночное хозяйство» в Европе, реформы «нового курса» и «великого общества» в США;

3) активно способствовала «пробуждению Азии» и подъему национально-освободительных движений, приведших к крушению мировой колониальной системы и широкому распространению индигенизационных процессов (проекты арабского, африканского, индийского, индокитайского, индонезийского, индееанского социализма, «социализма с китайской спецификой», воплощавшиеся с разной степенью успешности);

4) стала свидетельством восстановления способности незападных обществ абсорбировать и трансформировать западные идеологические влияния, используя их для защиты и продвижения собственных культурных ценностей, для укрепления своей самобытности перед лицом унификационных вызовов западоцентричной глобализации;

5) положила начало процессу исторического реванша Незапада (советское лидерство в походе против западной гегемонии породило движение за постсовременную мировую систему – постзападоцентричную, постлиберальную, посткапиталистическую и постгалассократическую).

Так что, хотя проект строительства социализма в СССР был сорван, а социалистическое содружество оказалось разрушенным, Великая Русская цивилизационная революция все же имеет колоссальное всемирно-историческое значение. Если Великая Французская революция стала для Запада «Рубиконом» между высокой культурой и цивилизацией, то Великая Русская революция положила начало процессу исторического реванша Незапада. Не случайно классики евразийства тогда говорили об «исходе к Востоку», усматривая роль большевизма (как русской реакции на два столетия вестернизации) в том, чтобы поддержать национально-освободительные движения и возглавить поход против западной гегемонии.

В связи с этим, десталинизацию, завершившую революционный цикл, следует рассматривать не просто как «внутреннее дело» СССР, а как важнейший вопрос, определивший судьбу всего глобального индигенизационного проекта, возглавлявшегося Сталиным и Советским Союзом. Именно поэтому Мао Цзэдун подчеркивал: «Вопрос о Сталине – это большой вопрос, вопрос мирового значения» [4]. Он справедливо видел в отрицании Сталина отрицание «международного значения исторического опыта первого в мире государства диктатуры пролетариата» [Там же]. С полным и огульным отрицанием Сталина Мао связывал ревизию руководителями КПСС марксистско-ленинского учения об империализме, о войне и мире, о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, о революции в колониях и полуколониях, о пролетарской партии и т.д. Он прямо заявлял: «Выступая против Сталина, Хрущёв фактически выступает с бешеной яростью против советского строя, против советско-

го государства», давая «в руки империалистам и реакционерам различных стран снаряд, который они так жаждали заполучить для развертывания антисоветской, антикоммунистической кампании» [4].

Следствием сталинской геополитики стало то, что к середине XX в. глобальная идеологическая война либерализма и коммунизма расколола современную мировую систему на две противостоящие друг другу подсистемы во главе с США и СССР, знаменуя собой абсолютизацию отношений планетарного дуализма. Здесь стоит обратить внимание на одно важное обстоятельство. Недооценивая значение идеологического противостояния и переоценивая значение экономического превосходства США, американский социолог, политолог и философ-неомарксист И.М. Валлерстайн доходит до отрицания биполярного характера международных отношений той эпохи вообще, утверждая, что «Соединенные Штаты были господствующей державой в однополярной миросистеме» [2, с. 14]. Он полагает, что идеологическая борьба «в конечном итоге не имела большого значения», и при этом, однако, утверждает, что сама напряженность борьбы «играла на руку Соединённым Штатам и была для них серьезным политическим подспорьем (как, несомненно, и для руководства СССР)» [Там же, с. 17]. СССР он рассматривает не более чем в качестве «субимпериалистической державы по отношению к Соединённым Штатам постольку, поскольку он поддерживал порядок и стабильность в своей зоне влияния, что на самом деле увеличивало способность Соединенных Штатов к поддержанию собственного мирового господства» [Там же].

Однако если каждая сверхдержава поддерживала порядок в собственной сфере влияния, причем мировая капиталистическая и мировая социалистическая системы были по большому счету независимы друг от друга, а сверхдержавы соперничали, в основном, в странах «третьего мира», то о какой однополярности может идти речь? Но дело даже не в преувеличении роли экономического превосходства США и его влияния на «Восточный блок», а в игнорировании того обстоятельства, что идеологическая война была политическим подспорьем не только для США и СССР, но для огромного числа стран Незапада, которые обрели независимость в период биполярного противостояния (и благодаря ему) и получили возможность использовать идеологическую конфронтацию для формирования собственных самобытных моделей развития на индигенизационной основе. В первую очередь, это касается стран Азии, где, собственно, под прикрытием «холодной войны» вызревали процессы, которые получили названия «ориентализации», «тихоокеанской революция» и «азиатизации Азии».

Однополярный мир, если бы он существовал во второй половине XX в., не смог бы породить ни «конфуцианского капитализма», ни «исламского возрождения»: все это были проявления поиска «третьего пути» между капитализмом и социализмом, которые в действительности означали обращение к началам культурной самобытности. Больше того, именно на период безраздельного экономического доминирования США в мире, окончание которого Валлерстайн относит к 1973 г., приходятся все основные события, связанные с развалом мировой колониальной системы и ослаблением политического влияния США и Запада в целом, которые увенчались грандиозным провалом во Вьетнаме, что и вынудило США взять курс на «разрядку международной напряженности». Ту первую холодную войну США, по сути, проиграли, «разрядка» стала паузой, во время которой и выдвинулись на авансцену ультралиберальные силы. Именно исходивший от них новый идеологический импульс сделал возможным, несмотря на ослабление экономических позиций США, реванш над СССР, что и увенчалось т.н. «однополярным моментом» (ситуация, похожая на политическую гегемонию Великобритании после утраты ею экономического лидерства в последней четверти XIX в., когда ослабление экономических позиций компенсировалось империалистической политикой, джингоизмом и т.п.). Очевидно, что экономические показатели не могут быть сами по себе главным критерием определения типа центросиловых отношений (одно-, би- или многополярного).

Итак, восстановление позиций США, происходившее на фоне снижения их удельного веса в мировой экономике, было связано как раз с изменением идеологической атмосферы в связи с расцветом радикального либерализма и наступлением эпохи Ультрамодерна. Именно ультралибералы (прежде всего, в лице т.н. «неконсерваторов» или «неоконов»), возглавив «крестовый поход против коммунизма» и против СССР как «империи зла», реализовав при президентах Р. Рейгане и Дж. Буше-старшем то, что не смог осуществить Г. Трумэн во времена наивысшего подъема экономической и военной мощи США. Иными словами, успехи США в 1990–2000-е гг. были не исторической случайностью, как это представлял Валлерстайн [2, с. 22], а объективным следствием временного идеологического подъема, связанного с наступлением Ультрамодерна.

Антисоветская капиталистическая контрреволюция 1990–1993 гг. в России стала важным элементом укрепления Ультрамодерна, способствовав свертыванию идеологической конкуренции и снижению заинтересованности западных элит в достижении социального компромисса.

Не случайно после этого, помимо известных процессов на постсоветском пространстве («разгосударствление», тотальная приватизация, коммерциализация социально-культурной сферы и т.п., проявления тотального наступления капитализма в его крайне агрессивной антисоциальной форме), в самих странах Запада наблюдается разрушение институтов «государства всеобщего благосостояния», упадок профсоюзного и других социальных движений, идеологическая деформация социалистических партий (в духе «нового лейборизма»), утверждение ультралиберальных принципов «Вашингтонского консенсуса» в качестве единого глобального стандарта социально-экономической политики.

Идея «Вашингтонского консенсуса» впервые была сформулирована экономистом Дж. Уильямсоном в 1989 г. в качестве правил для восстановления экономик стран Латинской Америки. Им предписывалось отказаться от «командной» модели экономики и проводить экономическую политику, направленную на повышение роли свободного рынка и снижение роли государства в экономике, ориентируясь на задачи поддержания фискальной дисциплины (минимальный дефицит бюджета), снижения предельных ставок налогообложения и ограничений на прямые иностранные инвестиции, либерализации финансовых рынков, поддержания свободного обменного курса национальной валюты, осуществления масштабной приватизации и дерегулирования экономики. Такая экономическая политика открывает возможности глобальной экспансии транснациональных корпораций, что делает ее выгодной интересам США, реализовавшим модель «корпоративно-государственного симбиоза» в качестве одного из основных инструментов установления и поддержания собственного доминирования.

Именно эта четвертьвековая эпоха (1990–2014 гг.), в сущности, и является эпохой глобальной американской политической гегемонии, тогда как экономическая гегемония США, действительно, приходилась на 1945–1973 гг., как и датирует ее Валлерстайн. Период 1990–2014 гг. куда более соответствует таким признакам гегемонии, по Валлерстайну, как отсутствие вооруженной борьбы между великими державами и серьезного оспаривания способности господствующей державы навязывать свою волю и свой «порядок» другим ведущим странам, а также одобрение основными политическими силами и населением различных стран существующего социального порядка [2, с. 29].

Однако политическая гегемония (завершением которой, возможно, следует считать «Крымскую весну» 2014 г.) уже не могла повлиять на широкомасштабный процесс индигенизации незападного мира, наряду с еще одним мощным фактором – выходом человечества в Космос – подготавливающим почву для новой геополитической революции. Здесь следует обратить внимание на то, что оба эти фактора стали

возможны именно благодаря биполярному противостоянию двух сверхдержав и возглавляемых ими блоков. Не будь его, не было бы «космической гонки» по крайней мере в той остроконкурентной форме, в какой она протекала в 1950–1980-е гг. Не будь ее, не было бы также и столь мощного развития индигенизационных процессов, в основном, разворачивавшихся тогда под знаменами специфических национальных социализмов – китайского, северокорейского, арабского, индийского, кубинского, африканского и т.д.

С окончанием эпохи классических идеологических войн XX в. на смену ей пришла новая форма идеологической борьбы. Речь идет о политизации религий, наиболее ярко представленной в возникновении феномена «политического ислама», однако не ограниченной исламским миром. С. Хантингтон отчасти ошибался, когда говорил о том, что эпоха идеологий завершилась и на смену противоборству на идеологической основе приходят столкновения на культурной почве. На самом деле своего рода религиозный ренессанс и то, что Хантингтон понимает под термином «столкновение цивилизаций», – это новый этап в развитии идеологической цивилизации Модерна, отражающий реалии эпохи Ультрамодерна.

Наступление «однополярного момента» привело к тому, что в обстановке «одиночества Запада», опьяненного «победой» в холодной войне, религия стала использоваться его противниками не сама по себе, а как политический и идеологический инструмент. В этом смысле речь не идет о том, что религия, как в домодерновом прошлом, вновь превращается в основной механизм регулирования социальных отношений, форму определения «повестки дня» и т.п. Религия (шире – культура) стала основой для формулирования индигенизационной программы в условиях, когда социализм перестал работать в этом качестве. Не случайно мы видим довольно успешные попытки соединения экономической и технологической модернизации с политическим исламом в Иране и с политическим индуизмом в Индии. В странах Юго-Восточной Азии (Сингапур, Тайвань) сложилась конкурентоспособная модель «конфуцианского капитализма», она же, по сути, реализована и в Китае, и во Вьетнаме в качестве одного из укладов многоукладной экономики при сохранении социалистической государственности. В Таиланде и Мьянме получает распространение «политический буддизм» и т.д. А еще до крушения биполярной системы и даже до исламской революции 1979 г. в Иране первые проявления политизации религии можно обнаружить в Латинской Америке – в католическом течении «теологии освобождения», по сути, соединившем католицизм и социализм в поиске индигенизационной модели для этого региона. Затем, во время латиноамериканского «левого поворота» на рубеже веков, стремление

выработать такую модель привело к появлению «боливарианского социализма» в Венесуэле.

Вместе с тем, в своих деструктивных формах политизация религии означает подмену традиционной религии псевдорелигией, которая на основании корыстных политических мотивов превращает своих адептов в деструктивное, ориентированное на насилие социальное и политическое движение, лишь обосновывающее свои действия через апелляцию к трансцендентному. Следует учитывать, что политизация религии происходит в так или иначе секуляризованном и глобализованном обществе: даже мусульманский мир испытал и продолжает испытывать влияние секулярной западной культуры, и поэтому в основной массе нынешние самые радикальные фундаменталисты и их лидеры имеют мало общего с Ашокой, Сулейманом Великолепным или Изабеллой Кастильской, которые действительно были преисполненными идеей религиозной миссии. Так что, несмотря на все декларации, в современной политике религия – так или иначе прежде всего средство, а не цель.

И все же результатом активизации процессов индигенизации в современном мире стало значительное усиление культуроцентризма, который становится своеобразным средством профилактики опасных вирусов ультралиберализма и ответом на вызовы глобализма с его попытками насильственной унификации мира по западным стандартам. В политической сфере «индигенизации способствует демократический парадокс: принятие незападными обществами западных демократических институтов поощряет и дает дорогу к власти национальным и антизападным политическим движениям» [6, с. 137]. Это подтверждает, что цивилизационный стиль и традиции оказываются сильнее демократических квазиуниверсалий западного сорта, что отмечает Хантингтон, когда говорит, что «демократизация вступает в конфликт с вестернизацией, а демократия по своей сути является процессом, ведущим к защите местнических интересов, а не космополитизации» [Там же].

Собственно, именно Великая Русская цивилизационная революция, инициировав процессы индигенизации в глобальном масштабе, стала также мощным фактором поддержки мировых демократических процессов, пусть при этом речь шла о нелиберальной, идентитарной демократии, но это тоже свидетельствует о том, что в данном случае процессы политической модернизации шли по пути, альтернативному западному. Сегодня, когда политические системы государств Запада фактически перешли в режим «постдемократии» (термин британского политолога К. Крауча [5]), именно развитие незападных форм демократии становится все более важным фактором демократического контроля национального и глобального развития.

Библиографический список

1. Барсуков О. Историки и политологи «кололись и плакали, но продолжали есть кактус», или Как Общественная палата пыталась актуализировать отношение к Революции сообразно вызовам современности. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/38e59c54> (дата обращения: 11.11.2017).
2. Валлерстайн И. После либерализма / Пер. с англ.; Под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. М., 2003.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
4. К вопросу о Сталине (статья Мао Цзэдуна от 13 сентября 1963 г.). URL: <http://rufact.org/blog/2011/oct/4/on-the-question-of-stalin-letter-of-mao-zedong-in/> (дата обращения: 11.11.2017).
5. Крауч К. Постдемократия / Пер. с англ. Н.В. Эдельмана. М., 2010.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М., 2003.
7. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступит. статья и прим. К.А. Свасьяна. М., 1993.

Шепелев Максимилиан Альбертович – доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор; профессор кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

E-mail: ma_shepelev@mail.ru

M. Shepelev

The great Russian civilizational revolution as the first global indigenization project

The article proposes a new interpretation of the place and role of the revolution in Russia in the world civilizational process: it is showed that, without denying of the traditional approaches, it should be viewed as a civilizational revolution– violent process of transformation of civilizational identity, the change of the image of life associated with the advancement and implementation of new models of development (civilizational project). The Great Russian Civilizational revolution was a reaction to the crisis of 200-years of westernization (europeanization) policy and created the first global indigenization project – the project “modernization without westernization”, which opened the world historical process of the rise of the Non-West.

Key words: civilizational revolution, the Great French revolution, the Great Russian revolution, indigenization, modernization, westernization, the first global indigenization project.

Shepelev Maximilian A. – Dr. Hab. in Political Sciences, PhD in Philosophy; professor at the Department of Political Sciences and International Relations, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Д.О. Чураков

Малые войны и локальные конфликты: проблемы научного дискурса¹

Статья посвящена поискам и дискуссиям, которые ведут представители философии, политологии, истории и военных наук в области теории локальных войн. Показаны происхождение термина «локальные войны» и его трактовка представителями различных научных школ. Проанализирована эволюция локальных войн как общественного явления на протяжении XX в. Вскрыто влияние на специфику локальных войн в разных исторических условиях таких процессов и событий, как формирование колониальных империй, Русская революция 1917 г., появление ядерного оружия, разрушение биполярного мира и замена его однополярным мироустройством. Отдельно проанализирован характер локальных войн на рубеже XX–XXI вв., появление так называемых гибридных войн. Гибридные войны в статье трактуются как проявление процессов глобализации и как локальные войны новейшего периода развития человеческой цивилизации.

Ключевые слова: военно-политический конфликт, колониальные империи, малая (локальная) война, гибридная война, войны памяти, ядерное оружие, однополярный мир, глобализация.

В последние несколько лет, в частности, после событий 2008 г. в Южной Осетии, а особенно – после памятных событий 2014 г. в Крыму и на Украине, в российском научном дискурсе и обществе в целом

¹ Настоящая публикация выполнена в рамках проекта РФФИ «История участия Российской Федерации в локальных гибридных войнах в 1991–2008 годах: генезис, геостратегия, результаты» № 18-09-00621 А.

резко вырос интерес к вопросам, связанным с историей малых войн и локальных военно-политических конфликтов в судьбах нашего государства. России, а потом СССР, действительно, пришлось участвовать во многих локальных войнах. Еще более опасный для нашей страны характер они приобрели в современный период отечественной истории [6; 12]. Произошедшие в мире перемены заставили политологов, историков, представителей военной науки заново поставить проблему природы и характера военно-политических конфликтов и войн, о чем, в частности, заявлял Начальник Генерального штаба Вооруженных Сил РФ, первый заместитель министра обороны РФ генерал армии В.В. Герасимов [2, с. 5]. Изучение феномена локальных войн, тем самым, приобретает и научную, и сугубо прикладную значимость.

Задумываясь над ролью малых войн в судьбе нашей страны в новейшей истории, нужно, прежде всего, разобраться, что они представляют собой как историческое явление. Когда шло становление современной европейской традиции научного осмысления военного искусства, малые войны, наряду с большими войнами, сразу же попали в поле зрения исследователей и практиков. Так, К. Клаузевиц под «малой» или локальной войной понимал такую форму конфликта, которая, хотя и ведется на изнурение противника и преследует цель достижения победы, ограничена во времени, пространстве и масштабах [4].

По Клаузевицу, малые войны ведутся, например, у границ государств. Характерные для малых войн беспокоящие действия служат для демонстрации силы и принуждают неприятеля принять условия победившей стороны без генерального сражения. Клаузевиц включал, кроме того, в понятие малых войн также и те из них, которые базировались на разного рода народных партизанских выступлениях. При этом, правда, Клаузевиц признавал временем их возникновения XIX в. (как представляется, ошибочно, поскольку похожие формы сопротивления врагу мы можем видеть и в более ранние исторические периоды). Впрочем, он видел, что именно в XIX в. экспансия наполеоновской империи вызвала в некоторых частях Европы, прежде всего, в России, настоящий подъем партизанского движения. Действия партизан Клаузевиц считал ответом на внешнюю агрессию. Неслучайно ярчайшим примером народной борьбы с агрессором он называл партизанскую войну русских против наполеоновских полчищ. Нельзя не отметить, что М.И. Кутузов оценивал действия партизан так же, как и немецкий теоретик, причисляя их к форме малых войн [9, с. 34].

Марксистская традиция, что важно для понимания некоторых особенностей советской историографии, подхватила подход к малым войнам и локальным военно-политическим конфликтам, свойственный

классической европейской традиции нового времени. В то же время, К. Маркс и Ф. Энгельс внесли свой вклад в изучение и освещение данного явления. В частности, как можно представить, именно в марксистской традиции малые войны начинают определяться как локальные (в русском переводе «локализованные») в сравнении с общеевропейскими войнами [10, с. 248]. Этот термин в наши дни в научном и общественном дискурсах стал более привычным и употребительным.

Под локальными (локализованными) войнами основоположники марксизма понимали войны, которые велись в ограниченном регионе, в которых участвовали два-три государства, и ход боевых действий в которых поддавался политическому контролю со стороны правительств воюющих стран. Маркс и Энгельс справедливо полагали, что подобного рода локальные войны в будущем могут стать прологом больших войн: европейских и даже мировых, возможность которых они предвидели. Однако, подобно Клаузевицу, основоположники марксизма не выделяли специально такой тип войн, как региональные войны. В силу этого в их теоретические построения попадают ряд весьма спорных утверждений. Например, для Энгельса классическим примером малой войны выступала Крымская война (1853–1856 гг.) [9, с. 12].

Нетрудно заметить, что данное отношение к Крымской войне противоречит тем критериям, которые к локальным войнам применяли сами основоположники. Непосредственно в военных действиях против России участвовали Великобритания, Франция, Сардиния и Османская империя. Дипломатическое давление (включая угрозу начать военные действия) на Россию оказывали Австрийская империя и Пруссия. Боевые действия охватили огромные территории на Балканах, Кавказе, Камчатке, Курильских о-вах, в Крыму, а также Чёрное, Балтийское, Азовское, Белое и Баренцево моря. Одним из последствий Крымской войны стала продажа правительством Александра II Аляски США. Неслучайно в современной России Крымскую войну образно называют «нулевой мировой» [14].

Впрочем, не исключено, что подобная ошибочная оценка значимости и масштабов Крымской войны проскальзывает у Энгельса не потому, что он не знал такой промежуточной формы войн, как региональные войны. Неадекватность его оценки может корениться в том, что Энгельс смотрел на Крымскую войну не глазами объективного ученого, а глазами рядового британского буржуа или немецкого бюргера. Действительно, для многих европейцев Крымская война представлялась чем-то

далеким, малозначительным и неинтересным. Колоссальные людские и материальные потери, которые нес коллективный Запад, представлялись многим европейским наблюдателям чрезмерными в сравнении с теми мизерными победами, которыми страны-агрессоры могли похвастаться в их коллективном походе против России.

На развитие отечественной историографии советского периода, посвященной локальным конфликтам, не могло не повлиять творческое наследие В.И. Ленина. Разрабатывая свою концепцию империализма, он не мог не выйти на данную проблематику, поскольку рубеж XIX–XX вв. был временем, когда частота локальных конфликтов увеличилась, а их природа претерпевала определенную эволюцию. Ленинская концепция империализма строилась, в первую очередь, на анализе внутреннего развития государств. Альтернативные ленинской теории империализма, например, теории К. Каутского или Н.И. Бухарина, напротив, исходили из того, что происходило на международной арене в связи с образованием мирового рынка, разделом мира и т.д. Казалось, Ленин должен был бы уделять войнам вообще и локальным пограничным конфликтам гораздо меньшее внимание, чем его оппоненты. Но этого не произошло.

Развернутый анализ внутренних тенденций государственного строительства в эпоху монополистического капитала позволил Ленину создать фундамент для изучения процессов на международном уровне. Он показал причины и тенденции возникновения колониальных империй. С умножением мощи капиталистических государств для них росла потребность в закреплении за собой все новых и новых территорий. Эта же мощь позволяла обеспечивать господство над менее развитыми государствами. Те же причины толкали ведущие государства мира к борьбе между собой: сперва за колонии, а затем – за их передел. Словом, рубеж XIX–XX вв. был временем локальных войн самой разной природы и масштабов: от столкновений крупных империй в горячих точках до колониальных, революционных и национально-освободительных войн. Именно этому многообразию локальных войн, их природе и месту во всемирно-историческом процессе и посвящены некоторые высказывания и работы Ленина [7, с. 48].

В СССР взгляд основоположников марксизма-ленинизма стал официальным для исторической науки. В ней существовало деление войн на большие и локальные, продолжительное время не выделялись войны регионального уровня, давались аналогичные мнению основоположников оценки тем или иным войнам прошлого. Однако на пути научного осмысления локальных войн в СССР возникали неожиданные трудности

не только перед историками, но и перед военными мыслителями. Так, изучение опыта партизанских действий в период Отечественной войны 1812 г. было осложнено из-за давления на историков оценок представителей т.н. старой школы, которых в 1920-е и в начале 1930-х гг. обвинили в национализме и подготовке заговоров против советской власти.

Теоретически важные выводы могли быть получены и на основании опыта других исторических периодов, прежде всего, Гражданской войны в России. Ведь в 1905–1907 гг. и в 1914–1922 гг. различные формы, свойственные малым войнам, определяли лицо событий на огромных пространствах исторической России. Изучение различных народных выступлений, например, восставших против большевиков ижевских рабочих, красных партизан Украины и Приморья, махновцев, антоновцев и т.д. позволило бы глубже понять характер революции, проанализировать механизмы «малых войн», смоделировать реакцию государства на очаги сопротивления экстремистского типа и т.д.

Однако на определенном этапе и эта перспективная тематика научных исследований оказалась свернута. Тому имеются свои объяснения. И, как можно понять, лежат они также вне сферы науки: дело в том, что в 1930-е гг. советское руководство посчитало проблематику малых войн небезопасной для стабильности режима. Некоторые ученые, начинавшие ее разработку (в прошлом часто сами красные партизаны), оказались репрессированы. Такая «бдительность», к великому сожалению, совсем скоро негативно сказалась на подготовке к партизанским и диверсионным формам борьбы с врагом, осложнила действия партизан в первые месяцы Великой Отечественной войны. Однако некоторые наработки тех лет все же сохранились и дошли до нас. К их числу принадлежит, например, монография М.А. Дробова, два экземпляра которой в 1974 г. чудом удалось обнаружить в спецхране. В ней предлагается научное определение роли «малой войны» в «большой», а именно в Гражданской войне. Кроме того, автором делается попытка сравнить антибольшевистское и красное повстанчество, с упором, конечно, на второе [1, с. 126].

Традиция освещения партизанства и других ранних форм малой войны возрождается в СССР после победы в Великой Отечественной войне. Однако общедоступные публикации на эту тему носили более пропагандистский и описательный характер. Поэтому какие-то теоретические прорывы в них обнаружить непросто. Причем даже в чисто описательном плане многие проблемы, которые могли бы использоваться для создания научной концепции локальных военно-политических конфликтов и малых войн, в СССР замалчивались либо

затрагивались очень поверхностно. К числу таких сюжетов относилась борьба советского государства с басмачеством в Средней Азии, бандеровцами в Галиции, «лесными братьями» в Прибалтике и т.д. При этом следует понимать, что ограничения коснулись не только исторической, но и военной науки. Опыт ведения малых войн и диверсионной деятельности в тылу врага не только не изучался, но и не внедрялся в действующую армию. Вооруженные структуры, которые являются особенно эффективными при использовании их в условиях локальных конфликтах, попадали под подозрение высшего партийного руководства и не развивались, что, в частности, коснулось войск специального назначения.

Вместе с тем, несправедливо будет замалчивать то обстоятельство, что в советской исторической и военных науках, несмотря на существовавшие трудности, все же имелись некоторые существенные достижения. Это касается не только практической подготовки к ведению боевых действий в имевших место локальных конфликтах, но и некоторых теоретических обобщений, в т.ч. тех, о которых можно говорить открыто. Так, советские авторы дополнили представление классиков о малых (локальных) войнах, разработав периодизацию их эволюции. Критерием, на основании которого определялись отдельные хронологические этапы данной эволюции, стали изменения характера малых (локальных) войн, а также их роли в международной политике XX в. Данный подход представляется не только верным, но и актуальным. Опираясь на выводы советских ученых, в наши дни можно убедительнее доказывать, что эволюция малых (локальных) войн на рубеже XX–XXI вв. также продолжалась.

В советской историографической традиции было принято выделять три этапа в развитии локальных войн XX в.

Первый этап охватывал время, предшествующее Русской революции 1917 г., когда человечество только вступало в эпоху мирового рынка и мировых войн. Применительно к этому периоду, вслед за Лениным, советские историки говорили о разных типах локальных войн. Однако у всех них имелось общее: они были результатом в значительной мере хаотического процесса роста колониальных владений передовых в социально-экономическом и, конечно, в военном плане государств. В силу этого они не были подчинены единой цели, отражали многочисленные геополитические противоречия, существовавшие между колониальными державами. Рост конфронтационности в мире вылился в возникновение все новых и новых горячих точек. Этот процесс «разогрева» продолжался до тех пор, пока локальные очаги вооруженного противостояния

в разных частях планеты не слились в единый пожар – Первую мировую войну. Всего с начала эпохи империализма, т.е. с 1898 до 1917 гг., по оценкам советских историков, в мире произошло 52 локальные войны и крупных военно-политических конфликтов [9, с. 47].

Второй этап, согласно оценкам советской историографии, охватывал период с 1917 по 1945 гг. В это время общая закономерность, указывающая на тесную взаимосвязь локальных войн и мировой войны, подтвердилась. В статистическом плане она нашла отражение более чем в 60 военных столкновениях и войнах, зафиксированных в эти годы [9, с. 60]. Некоторые локальные конфликты этого времени, имевшие место до 1939 г., могут быть напрямую связаны с подготовкой Второй мировой войны. Это, например, гражданская война в Испании, Судетский кризис, агрессия Италии в Эфиопии и Японии в Китае.

Однако характер всего периода, а также присущих ему малых войн изменился. Направленность локальных войн в этот период определяли две противоречивые тенденции. С одной стороны, продолжалась в значительной степени хаотическая борьба за мировое господство между западными державами, с другой – начинается постепенная консолидация отдельных союзов, направленных, помимо прочего, на сдерживание и отбрасывание (по доктрине американского президента Г. Трумэна) укрепившей свои позиции Советской страны. Борьба за мировое господство подразумевала борьбу этих союзов с теми национальными, рабочими, коммунистическими и демократическими движениями в разных уголках мира, которые теперь считались агентами влияния СССР. Как представляется, противоречивость двух этих тенденций не предотвратила, а наоборот, приблизила начало Второй мировой войны.

Третий период эволюции локальных конфликтов советские ученые начинали с 1945 г. По понятным причинам верхняя граница данного периода в советской историографии никак не обозначалась. Однако, опираясь на логику развития малых войн в XX в., ее следует обозначать 1991 г., т.е. временем разрушения биполярной мировой системы. Также следует уточнить, что 1945 г. как начальный год данного периода можно признать не в силу того, что победа над фашистской Германией в корне изменила расстановку сил в мире, а в силу появления в этом году ядерного оружия. Именно ядерное оружие решительно повлияло на отношение к войне как явлению и войнам различных масштабов как средству достижения доминирования.

Таким образом, можно говорить, что содержание и отличительные признаки третьего периода эволюции малых войн в XX в. определялись двумя факторами глобального порядка.

Первый фактор – формирование биполярной системы мироустройства как реальной модели глобализации. Ускорение начавшегося еще на рубеже XIX–XX вв. процесса интеграции локальных человеческих сообществ в единую человеческую цивилизацию. Но если применительно к начальным этапам этого процесса можно было говорить о формировании больших колониальных империй и разделе между ними сфер влияния, то теперь данный процесс вступает в фазу глобализации. Соперничество оформившихся после Второй мировой войны основных центров силы ведется вовсе не за обособление в границах собственных зон безопасности, а за полное доминирование на планете. Дихотомия человеческой истории приобретает свое выражение в абсолютно прозрачной конструкции. Если говорить о классовой доктрине марксизма, то противоборство России (СССР) и США приобретает вид противостояния стран победившей пролетарской революции, мировой системы социализма против экспансии стран империализма, мировой капиталистической системы. Если использовать для описания биполярного мира термины геостратегии, то перед нами в чистом виде откроется мир, охваченный противоборством между континентальной державой СССР, Третьим Римом, с одной стороны, и океанической державой США, Новым Карфагеном – с другой.

Второй фактор – появление ядерного оружия. Как признавал основоположник стратегии непрямых действий английский военный историк и теоретик Б.Г. Лидделл Гарт, ядерное оружие, вопреки ожиданиям, не привело к установлению глобального мира и связанному с ним чувству безопасности [8, с. 11]. Наоборот, эра ядерного оружия сделала мир еще более опасным. Появление ядерного оружия у США и у СССР придало новый колорит соперничеству этих двух центров силы нового биполярного мира.

Влияние первого из названных факторов на эволюцию малых войн выразилось в том, что существовавшие прежде локальные военно-политические конфликты между ведущими державами Запада теряют свою остроту и уходят на второй план. США берут на себя роль гаранта стабильности мировой капиталистической системы, подминают под себя интересы прочих ведущих стран Запада. Под их непосредственным контролем складывается единый фронт западных государств против СССР и его союзников. С одной стороны, это ведет к тому, что, выступая в качестве арбитра, США теперь могли не допускать локальных вооруженных конфликтов между своими союзниками или свести их последствия к минимуму, например, как в случае столкновения союзных США Греции и Турции по кипрскому вопросу. С другой стороны, все

решительнее складывалась ситуация, при которой практически все вооруженные действия стран коллективного Запада, каждая вызванная им локальная война, в той или иной степени, своим острием были теперь нацелены на СССР – непосредственно или через давление на его союзников. Тем самым, практически все локальные военно-политические конфликты и войны отныне вписывались в глобальное противостояние двух центров силы биполярного мира.

Также следует отметить, что на третьем этапе эволюции локальных войн в XX в., их роль в достижении стратегических целей становится более противоречивой. Прежде противоборствующие стороны в малых войнах преследовали локальные цели, тогда как глобальные цели должны были достигаться в мировых или хотя бы региональных войнах. Но с развитием технологий, в т.ч. военных, ситуация менялась. Происходившая переоценка малых войн в мировой политике объясняется фактором, на который еще в 1950-е гг. указывали некоторые мыслители и политики. И хотя данный вывод строился лишь на умозрительных прогнозах, страх перед силой ядерного оружия был вполне закономерен. Так, Лиддел Гарт прямо отмечал, что водородная бомба ясно дала понять, что «тотальная война» в качестве метода международной политики – понятие устаревшее [8, с. 12]. С ним соглашался маршал английских военно-воздушных сил Дж. Слессор, писавший: «мировая война в наши дни и в наш век будет, насколько мы это себе представляем, всеобщим самоубийством и концом цивилизации» [цит. по: 8, с. 12]. Еще один английский авиационный маршал А.У. Теддер был в своих суждениях не менее категоричен, когда утверждал, что «война с применением атомного оружия была бы не дуэлью, а скорее всего взаимным самоубийством» [цит. по: 8, с. 12]. Пусть даже эти острые оценки не всегда были господствующими, но они все сильнее влияли на развитие военно-стратегического мышления, военных доктрин и планов.

В условиях фактически принудительного отказа от тотального столкновения соперничество СССР и США должно было приобрести другие формы. Помимо холодной войны, основной формой противостояния становятся малые войны. Как писал по этому поводу Лиддел Гарт, угроза ядерной войны уменьшает вероятность мировой войны, однако, наряду с этим, она увеличивает соблазн прибегнуть к методам ограниченных локальных войн. «Агрессор может использовать различные методы, но с таким расчетом, – рассуждал Лиддел Гарт, – чтобы добиться своей цели и, в то же время, вызвать колебания у противника в отношении

применения водородных или атомных бомб в качестве ответной меры» [8, с. 13].

В этой связи Лиддел Гарт писал о том, что великие державы встают перед необходимостью развивать обычные виды вооружения. Кроме того, в умах политиков и военных стратегов должно сложиться понимание важности в новых условиях стратегии непрямых действий. Он подчеркивал, что в эру ядерного оружия, которое не позволяет применять прямые действия, активная сторона, преобразующая мир по своим демократическим стандартам, агрессор, т.е. англосаксонский мир, весь коллективный Запад, должны в своих действиях исповедовать «более гибкую стратегию» [Там же, с. 14–15].

Как видим, на третьем этапе складываются некоторые предпосылки и ощущается потребность в переходе на следующую ступень развития стратегии малых войн, когда бы происходила гибридизация прямых и непрямых действий, военных и невоенных методов достижения целей. Однако на этом этапе переход был еще невозможен из-за недостаточной технической базы для активизации невоенных форм давления. Кроме того, снижается эффективность и насильственных действий западных армий даже в локальных масштабах. Угроза применения силы имеет положительный смысл лишь тогда, когда может быть реализована, а применение вооруженной силы имеет смысл лишь в случае большой вероятности победы.

Однако рост экономического и военного могущества СССР и его союзников выбивал козырь военной силы из рук англосаксов и коллективного Запада. Гонка не ядерных, а обычных вооружений привела к тому, что страны Запада не могли быть уверены в своих победах в различного рода локальных войнах. Действительно, на практике они часто терпели в них одно поражение за другим. Неоколониальная империя Запада сокращалась, а мировая система социализма росла. В Юго-Восточной Азии СССР мог опереться на союз с объединенным Вьетнамом, Лаосом, Кампучией. На Ближнем Востоке союзниками СССР потенциально являлись Сирия, Народная Демократическая Республика Йемен. На севере и востоке Африки – Ливия и Эфиопия, на Юге и Юго-Востоке континента – Ангола и Мозамбик. Даже в Латинской Америке советское влияние было расширено. Со временем к Кубе и СССР присоединились такие страны, как Никарагуа и Сальвадор. Серьезным резервом мировой системы социализма в ее противоборстве с Западом становятся страны «третьего мира», движение неприсоединения.

Тем самым, общее поражение СССР и его союзников в холодной войне автоматически перевело развитие стратегии локальных войн на новую, более высокую ступень. Теперь у стран Запада появлялась возможность эффективного использования неядерного оружия в локальных войнах. Угроза его применения становится реальным политическим методом. К тому же разрушение СССР и мировой социалистической системы совпало с настоящим качественным скачком в развитии информационных и цифровых технологий. Новые технологии позволили существенно повысить методы пропаганды и манипулирования сознанием. Начинается современный, *четвертый этап* эволюции локальных войн. Новой формой локальных войн на этом этапе развития военной стратегии XX – начала XXI вв. становятся войны, получившие названия *гибридных*. Можно сказать, что гибридные войны есть локальные войны современности.

Тем самым, гибридные войны – это в значительной степени новая форма противостояния Запада с окружающим его миром, в т.ч. с нашей страной в эпоху глобализации, новейших высоких технологий, однополярного мира. Примерно так определяет современные локальные войны, имеющие гибридный характер, один из зачинателей их научного осмысления полковник в отставке, профессор, старший исследователь Национального университета обороны США Ф. Хоффман. Свои выводы он выстраивает не только на современном материале, но и на историческом опыте [15, с. 182–190]. Факт, что гибридные локальные войны представляют собой продукт глобализации, экспертным сообществом в последние годы признан и в России [13, с. 115]. Гибридный характер малым войнам нового поколения придает сочетание в них прямых и косвенных, вооруженных и невооруженных методов воздействия. Наиболее прочным в условиях этих войн может чувствовать себя государство с устойчивым тылом, проводящее политику учета не только своих внешних геополитических интересов, но и опирающееся на правильное понимание собственной геостратегии внутреннего пространства [11, с. 114–120].

Вместе с течением жизни совершенствуются, к сожалению, и «науки» разрушения и убийства. Какие еще новые формы примут локальные войны в нашу эпоху и в самом ближайшем будущем? Уже сегодня представители исторической, политологической, военной и других наук называют такие новации в военной стратегии и тактике, как асимметричные, неконвенционные, террористические, концентриальные, сетевые, войны памяти и др. [3; 5; 16]. Их изучение поможет скорректировать усилия миролюбивых сил в нашей и других странах с целью предотвращения не только глобальной ядерной войны, но и любых других форм агрессии и вооруженного насилия.

Библиографический список

1. Дробов М.А. Малая война: партизанство и диверсии. М., 1998.
2. Калистратов А. Война и современность // Армейский сборник: Научно-методический журнал Министерства обороны. 2017. № 7. С. 5–15.
3. Карякин В.В. Геополитика третьей волны: трансформация мира в эпоху Постмодерна. М., 2013.
4. Клаузевиц К. О войне. М., 1932.
5. Коровин В.М. Третья мировая сетевая война. СПб., 2014.
6. Лавренов С., Попов И. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М., 2005.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 36. М., 1962.
8. Лиддел-Гарт Б.Г. Стратегия непрямых действий. М., 2018.
9. Локальные войны: История и современность / Под ред. генерала армии И.Е. Шаврова. М., 1981.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 34. М., 1964.
11. Матвеева А.М. Геополитика внутреннего пространства как направление русской геополитической школы и методология истории // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 6/2. С. 114–120.
12. Норин Е. Под знаменами демократии. Войны и конфликты на развалинах СССР. СПб., 2018.
13. Савин Л.В. Новые способы ведения войны: как Америка строит империю. М., 2016.
14. Тимаков Вл. Нулевая Мировая. Россия против всех? // Линия RusNext. URL: http://rusnext.ru/recent_opinions/1488023516 (дата обращения: 12.05.2018).
15. Хоффман Ф. Гибридная война и ее вызовы // Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов / Сост., введ., заключ. Е.С. Лариной, В.С. Овчинникова. М., 2015. С. 182–190.
16. Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003.

Чураков Дмитрий Олегович – доктор исторических наук; профессор кафедры новейшей отечественной истории Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

E-mail: histor@inbox.ru

D. Churakov

Local wars and conflicts: Problems of scientific discourse

The article is devoted to the search and discussions conducted by representatives of philosophy, political science, history and military sciences in the field of the theory of local wars. The origin of the term “local wars” and its interpretation by representatives of various scientific schools are shown. The evolution, which was done by local wars as a social phenomenon during the XX century, was analyzed. The influence of such processes and events as the formation of colonial empires, the revolution of 1917, the emergence of nuclear weapons, the destruction of the bipolar world

and the replacement of its unipolar world order on the specifics of local wars in different historical conditions is revealed. The character of local wars at the turn of XX–XXI centuries, the emergence of so-called hybrid wars are analyzed separately. Hybrid wars are interpreted in the article as a manifestation of globalization processes and as local wars of the modern period of human civilization development.

Key words: military and political conflict, colonial empires, local war, hybrid war, memory wars, nuclear weapons, unipolar world, globalization.

Churakov Dmitry O. – Dr. History Hab.; professor at the department of Modern Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University.

Вячеслав Николаевич Таскаев **(13 декабря 1946 г. – 26 августа 2018 г.)**

В конце августа 2018 г., в разгар полевого археологического сезона, печальная новость волной прокатилась по большинству российских археологических экспедиций: не стало Вячеслава Николаевича Таскаева.

Как известно, археологи, «гробокапатели», на сленге историков, люди порой довольно циничные, но в данном случае сердце сжалось у каждого. Ушел Зубр (именно так его все называли!), ушел один из столпов отечественной подводной археологии и, как зачастую случается, ушел до обидного рано.

Педагогическое становление Вячеслава Николаевича началось, когда его призвали в армию, на воспитательную должность в авиацию Военно-морского флота, после окончания исторического факультета Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Свои принципы, сформированные за годы службы, он с успехом транслировал уже в университетской среде, прийдя преподавать археологию в Московский государственный университет им. М.А. Шолохова. Знаменитое выражение В.А. Сухомлинского «Сердце отдаю детям» в полной мере можно отнести к профессиональной компетенции Вячеслава Николаевича. В нем всегда чувствовался и преподаватель, и старший товарищ.

Он умел отвечать не только за усвоение студентами учебного материала, но и вникать в их проблемы, быть открытым, строить диалог шире рамок учебной программы – по зову сердца, а не по принуждению. Быть готовым поддержать, ведь археология читается в первом семестре первого курса, когда молодежь еще проходит адаптационный период. Он стремился объяснить и подбодрить, оставаясь крайне тактичным. Он был частичкой золотого стержня отечественного образования, типичным представителем российской интеллигенции. И, наконец, был востребованным исследователем, обессмертившим в археологической науке свое имя еще при жизни.

Патрей – памятник греческой колонизации Северного Причерноморья, о котором есть всего лишь несколько упоминаний у античных авторов, по определению должен был стать забытой страницей мировой истории. Но не стал, благодаря многолетнему труду, выдержке и целеустремленности Вячеслава Николаевича Таскаева.

Когда один из пионеров отечественной подводной археологии, доктор исторических наук Б.Г. Петерс взял к себе, на первый взгляд, двух очень не типичных аспирантов – морского офицера и выпускника физкультурного института – мало кто мог предположить, что именно данному тандему, Андрею Петровичу Абрамову и Вячеславу Николаевичу Таскаеву, удастся сделать раскапываемый тогда Борисом Георгиевичем Патреем археологическим памятником высочайшего уровня, памятником, упоминание о котором можно будет найти в любом серьезном каталоге.

Все монографии, посвященные датировке и идентификации полевой керамики, вопросам греческой колонизации, античного кораблестроения и архитектуры северо-причерноморских полисов, так или иначе опираются и на данные с Патрейского городища. С 1990 по 2008 г. на Патрее работала комплексная московская экспедиция под руководством Андрея Абрамова, где подводный отряд возглавлял Вячеслав Таскаев. Так сложилось для обоих исследователей, что археологическое наследие Юга России, история изучения Боспорского царства и раскопки Патрейского городища стали для них делом всей жизни, которому они ни разу не изменили до конца своих дней.

К моменту начала планомерных подводно-археологических раскопок на Патрее Вячеслав Николаевич Таскаев уже обладал необходимым научно-практическим опытом. К началу 1990-х гг. за его плечами было несколько успешных экспедиций в акватории Чёрного моря, а в соавторстве с молодым ученым А.В. Огороковым они опубликовали ряд методических пособий, являющихся на тот момент безусловной ценностью.

Научно-педагогическое наследие кандидата исторических наук Вячеслава Николаевича Таскаева сформировано на его многолетних отчетах, отправленных в Институт археологии РАН, и вылилось в ряд самостоятельных монографий, доступных широкой аудитории. Благодаря его деятельности удалось установить затопленные границы Патрейского городища, расчистить порядка двух десятков фундаментных кладок жилых и общественных зданий, проложить схему водосборников, колодцев и иных гидросооружений. Собрать огромное количество подъемного археологического материала. В полевое межсезонье в стенах МГГУ им. М.А. Шолохова Вячеславом Николаевичем был организован музей экспедиции, фонды которого располагали оригинальными

артефактами из археологических раскопов. Его авторитет ученого и бессребреника способствовал созданию тематического археологического кабинета в московской средней школе № 480 им. В.В. Талалихина, а когда появилась необходимость вывозить студентов на практику не под эгидой университета, Вячеслав Таскаев стал одним из учредителей Московского подводно-археологического клуба. На его базе в 2010 г. был организован журнала «Вопросы подводной археологии», бессменным главным редактором которого являлся Вячеслав Таскаев.

Активное вовлечение студентов в экспедиционную деятельность, приобщение молодежи к изучению подводного исторического наследия Отечества способствовало обеспечению научной преемственности. Вячеславу Таскаеву удалось подготовить когорту специалистов, занимающихся популяризацией подводной деятельности в самом широком спектре: и в научной отрасли, и в образовании, и в международных, общественных и государственных организациях, регламентирующих освоение мирового океана и изучение памятников подводной археологии.

Светлая Вам память, дорогой Вячеслав Николаевич!

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

ЛОКУС

ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2018.4

Электронная версия журнала:
www.mpgu.su

Подписано в печать 28.12.2018 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 9,375 п. л. Тираж 1000 экз.